

Предисловие

Настоящий том «Истории славян» (первый том — «Начало славянской истории» — опубликован в 2002 г.) охватывает период с середины VI по начало VII столетия. Это время стало в известном смысле рубежным в истории расселения славянских народов по Центральной и Юго-Восточной Европе, а также в их длительном противостоянии с Восточно-Римской Империей. К концу его уже складывалась славянская этническая территория в ее средне-вековом виде. Расселение славян на северо-запад и переход ими Дуная по всему нижнему течению стали основой для разделения их позднее на три ветви — южных, западных и восточных.

С начала 560-х гг. исторические судьбы славян оказались теснейшим образом связаны с пришедшим из глубин Азии кочевым народом авар. Авары явились фактором, подтолкнувшим дальнейшие движения славянских племен. Пути славян и авар с момента появления последних в Европе переплелись не менее чем на полвека. Авары стали, по удачному определению Л. Нидерле, «новым сильным противником и в то же время новым союзником славян». Борьба славян за свою независимость против Аварского каганата, с одной стороны, и часто совместные с аварами войны против Империи — с другой, составляют основное содержание истории Центральной и Восточной Европы этого времени. Все это дало основания дать предлагаемому тому название — «Аварика».

Естественно, что этот важнейший отрезок славянской истории не раз становился объектом пристального научного интереса. Прежде всего, следует отметить обобщающие работы по древне-славянской истории — «Славянские древности» П.

Шафарика в XIX в. и Л. Нидерле в начале XX в. Значительное место здесь уделено славяно-аварским отношениям (сыгравшим ключевую роль в ранней истории как раз Чехии и Словакии) и событиям эпохи аварского переселения.

Продолжившие традиции обобщения сведений о ранних этапах славянской истории И. Гассовский, Ф. Дворник, Х. Ловмянский, М. Гимбутас, В. В. Седов также не могли пройти мимо этого насыщенного событиями и сведениями о внутреннем состоянии общества периода. Он послужил предметом детального изучения и для авторов, рассматривавших историю отдельных групп славянских народов (в том числе восточных славян — Г. В. Вернадского, П. Н. Третьякова и др.). Ранние этапы балканской миграции славян, их отношения с аварами и болгарами рассматривались В. Златарским в его «Истории Болгарского государства в средние века» (т. 1 — София, 1918), а затем другими болгарскими учеными (Д. Ангеловым, П. Петровым). В целом же, естественно, невозможно в кратком очерке перечислить все работы, так или иначе касавшиеся «аварской» эпохи в славянской истории.

Можно обратить особое внимание на труды, посвященные специально Аварскому каганату — это, например, «Авары в Европе» А. Авенариуса (Амстердам — Братислава, 1974), «Авары» В. Шиманского и Е. Дабровской (Краков, 1979), «Авары» В. Поля (Мюнхен, 1982), «Аварика» С. Садецки-Кардоша (Сегед, 1986). Славяно-византийские и славяно-аварские отношения изучались в многочисленных научных трудах Г. Г. Литаврина (частично сведены в кн.: Византия и славяне. СПб., 1999).

Серьезным обобщающим исследованием по данным проблемам являются, в сущности, комментарии к фундаментальному «Своду древнейших письменных известий о славянах» (М., 1991 — 1995). Источники по рассматриваемому здесь периоду в нем комментировались С. А. Ивановым, И. А. Левинской, Г. Г. Лигавриным, В. К. Рониным, С. Р. Тохтасьевым и другими учеными. Для археологических источников аналогичную роль сыграла монография В. В. Седова «Славяне в раннем средневековье» (М., 1995), подведшая — неизбежно промежуточные — итоги много-летнего и продолжающегося изучения славянских древностей. Стоит заметить, что аваро-славянским материалам здесь посвящена специальная глава.

Объем письменных источников для второй половины VI — начала VII в. многократно увеличивается по отношению к предыдущему периоду. Возросшая активность славян, начало их переселения на Балканы приводят к многократному их упоминанию в письменных источниках Восточной Империи. В результате мы располагаем достаточно полной картиной, во всяком случае, «внешней» истории славянских племен между 552 и

602 гг.

Из греческих историков, описывающих ситуацию 550-х гг., следует назвать Прокопия Кесарийского («Война с готами», «О постройках») и Агафия Миринейского («О царствовании Юстиниана»). Нашествие болгарского хана Забергана в 559 г., в котором приняли участие и славяне, отражено в целой группе син-хронных памятников. Подробнее всего рассказывает о нашествии Агафий Миринейский, но при этом не упоминает о славянах. О них, однако, сообщает в своей «Хронике» другой грекоязычный историк, современник событий — сириец Иоанн Малала, а также писавший на родном языке его соотечественник — Иоанн Эфесский.

Продолжатель Агафия, греческий историк Менандр Протек-тор описал в своей «Истории» события с 559 по 582 г. Этот труд, к несчастью, дошел до нас лишь во фрагментах, однако сохранил ценнейшие, чаще всего уникальные сведения о первых аваро-славянских столкновениях и «славянской» политике Константинополя.

Менандра продолжал, в свою очередь, Феофилакт Симокатта, писавший уже около 628-630 годов. Его «История» охватывает события с 582 по 602 г. и повествует, в частности, о нескольких ромейско-славянских войнах этого двадцатилетия. Создавший уже в начале IX в. свою обобщающую «Хронографию» Феофан Исповедник использовал для описания событий второй половины VI в. Феофилакта и некоторых других известных авторов. Но, например, при описании нашествия 559 г. он наряду с Агафием и Малалой привлек и некоторые другие, неизвестные ныне источники. Не исключено, что Феофан использовал полную версию труда Менандра или иного автора, продолжавшего Агафия.

На фоне частых и подробных упоминаний славян в общеисторических трудах Империи может показаться странным полное отсутствие сведений о них в единственном церковно-историческом сочинении эпохи — «Церковной истории» Евагрия Схоластика. Однако Евагрий и об аварских нашествиях упоминает лишь в нескольких местах и вскользь.

Зато весьма ценные сведения о действиях славян в южной части Балкан сообщаются обширным агиографическим памятником VII — VIII вв. — собранием «Чудес святого Димитрия Солунского». Ценность этих данных определяется тем, что большинство историков рассматривали лишь события во Фракии, в непосредственной близости от

Константинополя. Известия фессало-никийских по происхождению «Чудес Дмитрия Солунского» поэтому уникальны. Автор «Первого Собрания» «Чудес» — Иоанн, архиепископ Фессалоники, являлся непосредственным современником и участником событий конца VI столетия. Писал свой труд он в начале VII в., около 610-615 гг.

Как опасные враги Империи славяне становятся предметом изучения для ромейских военных теоретиков — автора «Анонимного военного трактата» («О военном искусстве») последней четверти VI в. и написанном примерно в то же время «Стратегиконе». Особенно ценен для нас «Стратегикон», авторство которого традиционно (и от этого не менее убедительно) связывается с именем императора Маврикия.

«Стратегикон» сообщает многочисленные сведения о внутреннем устройстве славянского общества, обычаях, хозяйстве, материальной культуре. Для истории славян второй половины VI в. он имеет то же значение, что «этнографический» экскурс из «Войны с готами» Прокопия — для истории славян первой половины века. При этом автор «Стратегикона» гораздо подробнее и конкретнее в своем изложении, чем Прокопий.

Известия близких по времени авторов в целом, как уже говорилось, ограничиваются северо-восточной частью Балкан. Для изучения обстановки на крайнем юге, в древней Элладе, в частности, на Пелопоннесе, и на северо-западе, в Далмации, следует обращаться к источникам более поздним. Несомненно, что авторы X в. (Константин Багрянородный в трактате «Об управлении Империей», Арефа в схолии на «Летописец вкратце», неизвестный создатель «Монемвасийской хроники») использовали не дошедшие до нас более древние источники. Для сравнения с ними можно привлекать еще более позднюю информацию — из послания патриарха Николая III (XI в.), «Петиции Исидора» (XV в.), малых хроник XVI — XVII вв.

Следует также назвать сохранный славянским переводом памятник VIII в., первоначально грекоязычный — т. н. «Именник болгарских ханов (князей)». Среди первых имен в этом ханском списке выделяются славянские, что может свидетельствовать о тесных связях болгар со славянами еще в период до создания Болгарского ханства на Балканах.

Из сирийских авторов VI в. о славянах писал упоминавшийся выше Иоанн Эфесский, автор монофизитской «Церковной истории». В этом труде имеются сведения о болгаро-славянском нашествии 559 г., войнах Империи с аварами и славянами в начале 580-х гг. Часть «славянских» известий Иоанна Эфесского сохранилась в передаче позднейших сирийских хронистов — Михаила Сирийца (XII в.) и Бар-Эбрея (XIII в.).

Латинские источники по истории славян в рассматриваемый период менее многочисленны, чем греческие, но их опять же больше, чем в предшествующий период. Мартин Бракарский в эпитафии святому Мартину Турскому (558 г.) сообщает уникальные сведения о начале христианизации славян в этот период. Африканец Виктор Тонненский в своей «Хронике» описывает болгарское нашествие 559 г. (правда, без упоминания славян). Его продолжатель, испанец Иоанн Бикларский дважды упоминает в своей «Хронике» славянские набеги на Империю. Фрагментарность труда Менандра Протектора увеличивает значение известий негреческих хронистов — Иоанна Бикларского и Иоанна Эфесского.

Столь же интересны сведения, содержащиеся в письмах папы Григория I Великого о начале проникновения славян в Далмацию и Италию. Это единственное свидетельство современника об этих событиях.

Лангобардский историк Павел Диакон (конец VIII в.) в «Истории лангобардов» рассказывает о первых столкновениях славян с баварами. Память о них сохранялась и позднее в местных немецких преданиях средневековья.

«Баварский географ» IX в. ценен, прежде всего, как первое перечисление славянских племен. Вторая половина VI в. — период интенсивного расселения именно в западной части славянского мира и складывания существовавших и в IX в. племен и племенных объединений. Далматинский хронист XIII в. Фома Сплитский сообщает о первом появлении славян в Далмации. Его известия, основанные на городском предании, могут быть сопоставлены с более древней информацией Константина Багрянородного и далее — с письмами папы Григория.

Как уже сказано, интенсивнее всего переселенческие процессы шли в этот период в северо-западной части славянского мира, в нынешних землях западных славян.

Естественно, события времен славянского расселения отразились в преданиях, и многие из них были записаны уже в средние века. Наибольший интерес представляет цикл сказаний о Краке (Кроке), распространенных в Чехии и Польше. Он фиксировался чешскими (начиная с Козьмы Пражского в XI в.) и польскими (начиная с Винцентия Кадлубка в XII в.) хронистами. По мнению ряда исследователей, лежащие в его основе события относятся именно ко второй половине VI в. Здесь же следует упомянуть норвежскую «Сагу о Тидреке» (XIII в.) — переложение немецкого эпоса, содержащую некоторые славянские по происхождению сюжеты.

Таким образом, фонд источников по истории славян для рассматриваемого периода действительно расширяется по сравнению с предыдущим. Однако он еще не столь неохватен, чтобы затруднить полное обобщение сведений в рамках настоящей работы. Действия автора в данном случае следовали принципам, сформулированным в первом томе. В Послесловии вниманию читателя предлагаются некоторые дополнительные соображения автора по проблемам, затронутым в первом томе. Автор выражает благодарность всем коллегам и заинтересованным лицам, которыми своими советами и практической помощью содействовали его работе. Особая благодарность — А. П. Богданову, А. А. Королеву, Г. С. Амраховой, Д. М. Володихину, А. С. Грибакину, Г. А. Елисееву, О. И. Елисеевой, А. Ю. Смирнову, чьи оценки, замечания и предложения были максимально учтены в ходе работы над вторым томом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИХОД АВАР

Славяне в 550-е годы

Осенью 551 г. последние отряды мощного словенского нашествия покинули пределы Империи Ромеев. Главным результатом событий для словен, помимо демонстрации силы и богатой добычи, стал оформленный союз с гепидами, которые за долю в добыче согласились переправлять возвращающихся словен на левобережье Дуная.

Уже весной 552 г. какое-то из словенских племен Подунавья удачно повторило опыт. На этот раз вторгшийся отряд был невелик и не учинил слишком большого разорения. Прокопий говорит лишь о «некоторых из склавинов» и не сообщает об их бесчинствах. Война 550 — 551 гг. все же основательно ослабила дунайский племенной союз. Несомненно, что в ней были задействованы почти все его боеспособные силы. Так или иначе, причинив ромеям определенный «вред», словене безнаказанно вернулись за Дунай при помощи гепидов.¹

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения императора Юстиниана. Сразу после славянского нашествия, в конце 551 г., он вступил с гепидами в переговоры — целью которых, в первую очередь, было предотвратить их содействие словенам впредь. В 552 г. истек срок перемирия между гепидами и их соседями, лангобардами, союзниками Империи. Так что Юстиниан, используя лангобардов как фактор давления, имел все основания рассчитывать на успех. Успех, по видимости, был достигнут. Гепиды сами предложили Империи союз, и их послы заключили в Константинополе соответствующий договор.²

Но — как мы уже видели — сразу после заключения договор гепидами был нарушен. Причины этого неясны. Неясно даже, с ведома ли гепидского короля его подданные польстились на словенское вознаграждение. Но узнав о происшедшем, Юстиниан разорвал только что заключенный союз с гепидами и послал войско в помощь королю лангобардов Авдуину.³

Войско Юстиниана (за исключением небольшого отряда во главе с шурином Авдуина, тюрингским принцем Амалафридом) не приняло участия в войне, будучи задержано внутренними смутами в Империи. Авдуину это не помешало одержать победу над гепидами и отправить победную, хотя не лишённую попреков, реляцию в Константинополь⁴. Одна демонстрация ромейской силы вкупе с сильным поражением подействовала на гепидов достаточно сильно. Больше об их помощи словенам ничего не сообщается.

Вся международная обстановка менялась не в пользу врагов Империи. В 552 г. в Италии был разгромлен и погиб остготский король Тотила, самый талантливый и упорный из противников Юстиниана. В начале следующего года, когда в битве у Везувия пал последний король Тейя, государство остготов прекратило свое существование. За их наследство развернулась борьба между ромеями и франками. Но в 555 г. полководцы Империи разбили в войне за Италию и франков. Серьезных врагов в Европе у Юстиниана не осталось. Он получил возможность сосредоточить внимание на

восточной, персидской границе.

Победы ромейского оружия, вне всякого сомнения, сразу становились известны «варварам» к северу от Дуная. Гибель Тотилы, чья неуемная энергия втянула в противоборство готов с Империей и придунайские племена, не могла не вселить уныние в его союзников. Скорее всего, это стало одной из причин временного затишья на дунайской границе после 552 г. Надо иметь в виду, что с точки зрения самих словен цель их борьбы с Империей вовсе не была достигнута, несмотря на мощные усилия 550 — 551 годов. Не была захвачена не только Фессалоника, но вообще ни один из действительно богатых южных городов.

Словенам не удалось ни расселиться к югу от Дуная, ни существенно ослабить саму Империю. Успехи Юстиниана в Италии и Паннонии продемонстрировали это достаточно ясно. Большая часть соседей дунайских словен была либо союзна Константинополю (анты, лангобарды), либо искала такого союза (гепиды).

К тому же Юстиниан, очевидно, именно после нашествия 550-551 гг. принял меры по укреплению границы в Иллирике. В частности, были отстроены заново крепости Паластол и Сикивиды (последняя — в Олгении, на левом берегу Дуная). Император, «отстроив их, обуздал набеги тамошних варваров».5 Под «варварами», вполне вероятно, имеются в виду именно словене, проникавшие уже небольшими группами в земли к западу от Олта. Примерно в этих местах, где в первой четверти VI в. их еще не было, словене и переправлялись через Дунай во время предшествующих нападений.

Итак, словенские набеги временно прекратились. После 552 г. ни об одном источнике не упоминают — вплоть до 559 г. Ни разу не упомянуты словене в качестве врагов Империи в труде продолжателя Прокопия, Агафия Миринейского. Вообще, единственное упоминание «склава» в его труде — эпизод со словенином Сваруной, отличившимся в бою во время кавказской войны 555 — 556 гг.6 В той же кампании против персов и их союзников участвовал как один из полководцев ант Дабрагез с сыном Леонтием. Очевидно, что он не был единственным антом, а Сваруна — единственным словенином в ромейской армии. Анты являлись союзниками Империи уже более десятилетия, и предоставляли ей — за щедрую плату — военную помощь. С установлением же относительно мирных отношений между словенями и Империей, естественно, возросло и число словен, служивших наемниками в имперской армии.

В то же время из источников явствует, что словене никакого формального договора с Юстинианом не заключали. Упоминаний об этом нет, и позже, когда набеги возобновились, ни один греческий автор не упрекнул словен в нарушении какого-либо договора. Прокопий уже после болгарского нашествия 559 г. писал о болгарях и словенах: их «обычай — и вести войну, не будучи побужденными причиной, и не объявлять через посольство, и прекращать без всяких соглашений, и не заключать перемирия на определенное время, но начинать без повода и заканчивать одним оружием».8

Возможно, впрочем, что сам Юстиниан, удовлетворенный договором с антами и устранив гепидов, не желал вступать в переговоры еще и со словенами — тем более, что набеги прекратились и без этого. Каждый «союз» с «варварами» недешево обходился императорской казне и возбуждал недовольство оппозиции. К ней, кстати, еще в начале 550-х гг. принадлежал и Прокопий, резко отзывавшийся о практике договоров с «варварами».

С другой стороны, разгром остготского королевства открывал славянам другие направления для расселения. В результате Готской войны в самом центре Европы образовалось обширное пространство «ничейной», в значительной степени опустошенной земли. Юстиниан смог установить действенный контроль лишь над Италией и прибрежной полосой Далмации, где сохранялось многочисленное романское население. Северные же области остготского королевства — бывшие римские провинции Реция и Норик — какое-то время не принадлежали ни одному государству. Только остготскую часть Паннонии еще в ходе военных действий присвоили лангобарды.

Создавшаяся ситуация открыла дорогу за Дунай словенам из Поморавья. В середине VI в. словене уже жили по обе стороны реки Моравы, вступив, таким образом, на территорию современной нижнедунайской («Нижней») Австрии. Эта территория, впрочем, была тогда довольно плотно заселена лангобардами, к здесь задержались в их среде лишь небольшие группы славянско-го населения. Перейдя без сопротивления Дунай после крушения остготского королевства, словене продолжили движение на юг.9

В течение 550-х гг. словене прочно обосновались на редко-населенных землях Внутреннего Норика (ныне юг Нижней Австрии и Словения).10 Таким образом, новые словенские земли почти сомкнулись с имперскими владениями в Далмации, хотя в прямое соприкосновение с ромеями в этом регионе словене на тот момент не вошли. Словенское население пока было весьма немногочисленно и жило вперемешку с остатками местных романцев и, видимо, германцев. Селились словене в окрестностях

приходивших в упадок римских крепостей (Агунт, Овилава, позже и другие).

Дальнейшее продвижение словен на запад оказалось невозможным из-за встречного движения франков. Франкские короли с конца V в. упорно расширяли свои владения на восток, прямо подчиняя или ставя от себя в зависимость других германцев. В 496 г. Хлодвиг покорил аламаннов. Его сыновья в 531 г. уничтожили королевство тюрингов. В 532 — 534 гг. пришла очередь бургундов. Готская война, в которой франки занимали двусмысленную позицию, позволила им округлить свои земли за счет остготов, присоединив Прованс и часть Реции (536 г.). Начиная с 539 г. франки вели борьбу, фактически против обеих воюющих сторон, за овладение Италией. В 555 г. она завершилась сокрушительным поражением. Но на часть северных земель остготов франкским королям удалось распространить, по крайней мере, формальную власть.

Восточная Реция и большая часть Норика, в отличие от занятых словенами областей, были плотно заселены германцами — пришедшими из Богемии баварами и постепенно смешавшимися с ними ругиями. После краха остготского королевства они естественно тяготели к франкам. Истощение Империи в Готской войне не позволило бы ей предпринять лишенный почти всякой местной помощи поход к Дунаю. Однако в будущем попытки освоения и северных провинций нельзя было исключить. В середине 550-х гг. знатный франк Агилульф был признан местными германцами вождем. Он стал основателем Баварского государства и правящей династии Агилольфингов, правившей Баварией на протяжении более чем трех столетий.

При Агилульфе и его преемниках франкская держава, за исключением короткого отрезка времени (558 — 561 гг.), представляла собой федерацию из самостоятельных королевств во главе с потомками Хлодвига. В этих условиях баварские правители также титуловались королями. Они не были признаны таковыми со стороны франков, для коих Бавария осталась подвластным «герцогством». Но настаивали Меровинги на осуществлении своего суверенитета редко. В итоге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, Бавария оставалась самостоятельной во внутренних делах, с другой — могла на первых порах рассчитывать на поддержку могущественного западного государства. «Баварский» фактор на три века становится одним из наиболее важных в истории Центральной Европы — и в истории местных славян.

Расселившиеся во Внутреннем Норике словене в середине VI в. оказались в треугольнике между владениями трех христианских государств — Империи, франкского и лангобардского королевств. Отношений с Империей словене здесь не поддерживали. Контакты же с франками и «подвластными» им баварами становились

все оживленнее — тем более что четкого пограничного размежевания в Норике пока не произошло. Одним из последствий этих контактов стало частичное обращение словен в христианство.

Сразу следует отметить, что сами бавары в массе своей оставались язычниками. Даже христианское исповедание франков Агилольфингов оставалось во многом формальным и непостоянным. Но в середине VI в., когда выходцы из франкских земель только обосновались на Среднем Дунае, они, несомненно, принесли с собой ортодоксальное христианство. Франкские епархии, видимо, проявили заинтересованность в обращении как баваров, так и их новых соседей — словен.

Уроженец Паннонии Мартин Бракарский, в начале 550-х гг. осевший в Испании, в 558 г. писал в эпитафии святому Мартину Турскому: «...Руг, Склав, Нара... радуются, что под твоим водительством познали Бога».11 Едва ли случайно «Склав» поставлен между «Рутом» и «Нарой» (т. е. «Норцем» — определение для новых, еще неизвестных по имени Мартину, германских обитателей Норика баваров). Почти все включенные в обширный перечень Мартина народы обратились в христианство в V — VI вв. или стали целью для пастырской деятельности западного католического духовенства.12

В тексте эпитафии имеется в виду, что чудеса святого Мартина, уроженца и покровителя Паннонии, вкуче с деятельностью миссионеров Турской епархии, обращают к вере язычников и ариан. После падения остготского королевства активная проповедь ортодоксального христианства на его прежних землях стала возможна, о чем с восторгом и сообщает Мартин Бракарский. Его известие позволяет заключить, что проповедь эта, наряду с бава-рами, затронула и других новых поселенцев — словен в Норике, причем небезуспешно.

Частичное восприятие христианства могло стать одной из причин появления у первых же словен в Норике нового погребального обряда — захоронений с трутуположением. Они господствуют в этом регионе безраздельно, а обряд трупожжения не-известен.

В целом культура первых словенских поселенцев оказалась под мощным воздействием романцев и лангобардов. Притом, что численность словен росла, а местное население смешивалось с ними, в Норике отсутствуют многие элементы традиционной словенской культуры — например, лепная керамика. На этом основании, кстати, можно предположить, что переселенцами являлись в основном мужчины. Это, во всяком

случае, объяснило бы отсутствие лепной керамики и традиционных славянских украшений. Словене, как правило, селились совместно с романскими жителями бывшей провинции, перенимали их обычаи и ремесленные навыки.¹³

Отдельные группы корчаков в этот период могли проникать и в другие области на западной окраине Балкан, в том числе на земли соседних государств. Так, славянская керамика отмечена на одном лангобардском памятнике Паннонии (Сентендре).¹⁴ Славянское поселение существовало в середине VI столетия в Апатинах неподалеку от Сингидуна (нынешнего Белграда). Жившие здесь словене (корчаки) являлись, очевидно, федератами Империи и находились с соседними ромеями в торговых, а возможно, и в иных мирных сношениях. Об этом свидетельствуют находки гончарной посуды. Поселение просуществовало до начала аваро-ромейских войн.¹⁵

В описываемый период в славянском (словенском и антском) обществе происходят серьезные изменения. Они заключались, в первую очередь, в упрочении княжеской власти. Причины довольно очевидны. Знакомство с единоначалием и единовластием ромеев не могло в итоге не сказаться на внутреннем устройстве славянских племен. С другой стороны, славяне проходили общий для всех родственных народов Европы путь, и контакт с Империей служил лишь дополнительным внешним толчком.

У антов зарождается наследственная власть князей. Греческий историк Менандр определяет антского «архонта» Мезамера (ок. 560 г.) как «сына Идаризия, брата Келагаста». ¹⁶ Этому можно предложить два толкования. Первый вариант — ант Келагаст, сын Идаризия, был хорошо известен в Империи на момент написания труда Менандра (после 582 г.). Второй, более вероятный, — Келагаст упоминался ранее в труде Менандра как предводитель антов до Мезамера. В обоих случаях это, скорее всего, свидетельствует о какой-то форме передачи власти «архонта» по наследству — от брата к брату. Примечателен и сам факт внимания к родословной вождя — и известности ее ромейскому историку.¹⁷

Применительно к словенам подобные свидетельства отсутствуют. Однако и здесь происходило, вероятно, укрепление княжеской власти. Во всяком случае, в шедшем параллельно ему сплочении племенных союзов словене даже опережали антов. У антов вышеназванный Мезамер около 560 г. только становился лидером среди антских «архонтов». Он «приобрел величайшую силу у антов» и мог «противостоять любым своим врагам». ¹⁸ Но при этом архонты сохраняли полную самостоятельность, и Мезамер мог выступать лишь как представитель их совета.

Иная ситуация сложилась у дунайских словен — вероятно, в силу меньшей численности и меньших размеров их территории. Здесь уже в начале 560-х гг. из среды «игемонов» выделился признанный лидер. Звали его Добрыта¹⁹ (возможно, усеченная форма от какого-то «княжеского» имени на Добр-). Добрыта представлял весь племенной союз в дипломатических делах. Вероятно, он же являлся вождем в общих военных предприятиях. При этом он обязан был считаться с мнением других «игемонов», и решения принимал совместно с ними. Но уже не лидер выступал как представитель других князей, а они — как его советники и соратники. Старшинство Добрыты, таким образом, обрело «официальный», общепризнанный характер.²⁰

Таким образом, антский и дунайский союзы представляли собой две стадии одного и того же процесса, от попустительства которому будет предостерегать своих военачальников император Маврикий несколько десятилетий спустя: «... дабы враждебность ко всем не привела бы к объединению или монархии».²¹ Анты представляли собой на 560 г. еще «объединение», но дунайские словене сделали ощутимый шаг к «монархии». Еще ближе к ней стоял, очевидно, удаленный от границ державы ромеев союз дулебских племен. Здесь уже в первой половине VI в. имелся общий сакральный лидер, «великий князь» (Мусок-Маджак). Его резиденция, град Зимно — неоспоримый политический и экономический центр союза. Само местное название городища, вероятно, связано с зимовкой здесь правителя. В огромном дулебском союзе гощение великого князя следовало, вероятно, за гощениями «малых» князей и приходилось на весну — лето. Власть «Маджака», вероятно, передавалась по наследству в рамках клана.²²

Император-стратег правильно указал и главную побудительную причину сплочения славянских племен — стремление на равных противостоять общим для всех внешним угрозам. В середине VI в. в роли такой угрозы выступали, прежде всего, кочевые племена. Возможно, что именно вторжения кочевников в 550-х — начале 560-х гг. привели к ускорению описанного процесса.

Поход Забергана

На протяжении почти столетия славяне поддерживали раз-нообразные контакты с гуннскими племенами — прежде всего, с болгарами. Контакты эти до середины VI в. носили, как кажется, преимущественно мирный характер. Особенно тесно были связаны со Степью анты. Жившие в Поднепровье болгары-кутригуры оказали сильное воздействие на антскую культуру.²³ Словене, а прежде и анты, были связаны с кутригурами борьбой против Им-перии. Хотя о совместных набегах до описываемого времени ни-чего не известно, но болгары и славяне не раз использовали успе-хи друг друга. Например, в 551 г. кутригуры вторглись во Фра-кию, только что разоренную словенским нашествием.

Политика Юстиниана, пытавшегося разобщить северных «варваров» и столкнуть их между собой, принесла некоторые плоды. С 545 г. действовал союз Империи и антов, направленный против кутригур. Анты были обязаны препятствовать их набегам на державу ромеев. Действительно, с момента заключения этого союза и до 559 г. единственным нападением болгар явился упо-мянутый набег в 551 г. Но тогда первоначальной целью кочевни-ков была не Фракия, а лангобардская Паннония, и именно туда шли они через зону, подконтрольную антам.

В свою очередь, новая ситуация объективно сближала кут-ригур и словен, хотя связь этих последних с «гуннами» была го-раздо слабее. Для антов же естественным союзником становились другие соседи — жившие в Приазовье и на Дону болгары-утигуры. Утигур в 550-х гг. возглавлял хан Сандилх. В 551 г. он заключил союз с Юстинианом против кутригур и получал за сдерживание западных сородичей щедрые ежегодные выплаты.

Контакты антов с утигурами и жившими еще восточнее оно-гурами уже в середине VI в. привели к взаимному смешению апт-екой и «гуннской» знати. Во всяком случае, в «Именнике болгар-ских ханов»²⁴ двое правителей второй половины VI — VII в. (Гостун и Безмер) носят явно славянские имена. Из славяноязычных же племен с восточными, приазовскими «гуннами», предками дунайских болгар, соседствовали именно анты.²⁵ Но есть основа-ния думать, что и связи между антами и кутригурами не полно-стью сошли на нет. Во всяком случае, многолетнее соседство и смешение не могло не оставить иных следов, кроме культурного наследства. Возможно, именно давние контакты и родственные связи антов с кутригурами сыграли решающую и почти что роко-вую для Империи роль в конце 550-х гг.

В 558 г. хан кутригур Заберган (Забер-хан) перенес свои ко-чевья на юго-запад, к самому Дунаю.²⁶ Анты не воспрепятствова-ли этому. Источники вообще не упоминают об

их позиции или действиях. Похоже, что антские вожди по каким-то причинам предпочли не заметить угрожающего переселения кутригур к ру-бежам державы ромеев.

Зимой, когда Дунай покрылся льдом, болгарская конница перешла реку недалеко от дельты и вступила в пределы провинции Скифия. Болгар сопровождали словене, по всей вероятности, обеспечившие хана пехотой.

На каких условиях словене вступили в войско Забергана, нам неизвестно. Характерно, однако, что из пяти авторов, рассказывающих нам об этом нашествии, двое (Агафий и Виктор Тонненский) о словенах не говорят ничего. Очевидно, и численность их в войске Забергана была не слишком велика, и роль, сыгранная ими в событиях, незначительна. Очевидно и другое — едва ли речь могла идти о равноправном союзе. Скорее, Заберган привлек в 558 г. в свое войско отдельные словенские дружины посулами добычи, а может, и принуждением. Появление многочисленной болгарской орды у границ дунайских словен само по себе было грозным фактором давления. Вместе с тем о силовом завоевании словенских земель говорить нельзя — на памяти Менандра словенские земли в Подунавье не подвергались нападениям до конца 570-х гг.²⁸

Итак, болгарско-словенские силы Забергана перешли Дунай. Малая Скифия (нынешняя Добруджа), куда они вступили, была в ту пору редко заселена (отчасти же заселена «варварами» — словенами и антами). По словам Агафия, Заберган нашел «тамошние местности лишенными обитателей». Не встречая сопротивления, он миновал Скифию и Нижнюю Мезию. При этом, он, очевидно, не напал на местные города. Воссозданный Юстинианом в 530-х гг. дунайский лимес был прорван «варварами» на самом слабом участке. Агафий подробно анализирует причины беззащитности Фракии в 559 г., указывая на истощение военных сил Империи в войнах и политику чиновников, сокращавших армию и экономивших на ней в угоду двору и аппарату.²⁴

Как бы то ни было, в марте 559 г. болгары и словене безнаказанно вторглись во Фракию.³⁰ Заберган требовал от Юстиниана передать кутригурам субсидии, прежде причитавшиеся утигурам. Пока же он хотел продемонстрировать свою мощь ромейскому императору.

Орда разделилась. Часть войск Заберган отправил на юг, в Элладу, с приказом захватить «незащищенные гарнизоны мест-та». Значительное войско было послано на Херсонес Фракийский, с тем, чтобы захватить полуостров с тамошними кораблями и

за-тем переправиться на азиатский берег. Целью Забергана в данном случае являлся азиатский порт Авидос с богатой таможней. Ре-зонным является предположение, что словене в основном сопро-вождали именно эту часть войск. По крайней мере, их упоминают лишь в связи с действиями «варваров» во Фракии.³² Сам хан с семьёю тысячами воинов (вероятно, отборной болгарской конни-цей), двинулся прямо на Константинополь.³³

На пути к столице и Херсонесу «варвары» чинили страшное опустошение. Им удалось, не встречая сопротивления, заполучить богатую добычу и полон. В числе многих других граждан Империи был захвачен высокопоставленный военачальник Сер-гий, сын Вакха. Попал он в руки врагов, судя по всему, также не в бою — «в качестве добычи», по словам Малалы, «вследствие не-благоприятного стечения обстоятельств», по Агафию.³⁴ В руках болгар оказался и другой знатный полководец — Эдерма.³⁵

Худшее для ромеев, впрочем, было впереди. Выяснилось, что Длинные стены, возведенные Анастасием, некогда надежная защита Константинополя от «варваров», обветшали и отчасти разрушились при недавнем землетрясении. При этом гарнизонов на Длинных стенах не стояло. Недавно прокатившаяся по центру Империи эпидемия обезлюдилась окрестности столицы — так что та оставалась почти незащищенной. Заберган со своей семьёю тысячами миновал Длинные стены, отчасти используя образовавшиеся проломы, отчасти, без сопротивления, пробив новые.³⁶

В столице началась паника. Юстиниан мобилизовал все на-личные силы. Однако они были явно недостаточны для противо-стояния «варварам». Ни городское ополчение, ни отбравшиеся для почетной караульной службы гвардейцы не были в должной степени боеспособны.³⁷ Какую-то часть мобилизованных Юсти-ниан отправил в Длинным стенам. Однако в завязавшемся бою ромеи потерпели поражение, многие погибли.³⁸

Заберган фактически хозяйничал в окрестностях Констан-тинополя. Разные авторы называют разные пункты, до которых дошли болгары в окрестностях столицы.³⁹ Возможно, объяснение этому дает Иоанн Эфесский, отмечающий, что за время пребыва-ния в пределах Стен «гунны и славяне» приближались к Константинополю трижды.⁴⁰ Самые близкие пункты, до которых они доходили, располагались не менее (но и ненамного более) чем в 15 км от столицы. «Варвары», действуя, возможно, отдельными отрядами, приближались к ней на разных направлениях. Сам же Заберган стоял ставкой в Мелантиаде, в некотором отдалении от своего авангарда.

В чрезвычайных обстоятельствах император призвал к командованию Велисария, прежнего победителя вандалов и готов. Престарелый полководец с 300 ветеранами прежних войн, всей столичной конницей (взяв, в том числе, коней с ипподрома и у частных лиц) и «толпой» необученных ополченцев выступил в деревню Хит, где разбил стан. Здесь к нему присоединились разоренные нашествием местные крестьяне. Сначала болгары полагали, что ромейское войско превосходит их числом, и не решались на битву. Но вскоре они выяснили, что основная масса воинов Велисария непригодна к бою и едва вооружена.⁴¹

Заберган во главе 2000 всадников атаковал стан Велисария в Хите. Но ромейский полководец, предупрежденный разведчиками, устроил засаду. Двести конных и пеших воинов напали на Забергана с двух сторон дороги, забросав его отряд копьями. В лоб ударил сам Велисарий, а за его спиной ополченцы подняли страшный шум, создавая впечатление большого войска.⁴² Болгары, решив, что окружены превосходящими силами врага, запаниковали и обратились в беспорядочное бегство. В стычке и преследовании погибло около 400 болгар, тогда как со стороны Велисария были только раненые. Ромеи прекратили погоню, как уверяет Агафий, лишь из-за усталости лошадей. Заберган, примчавшись в Мелантиаду, немедленно снял стан и начал удаляться от Константинополя.⁴³

Внезапно Велисарий был отозван в столицу. Агафий объясняет это завистью придворных к воспеваемому в Константинополе успеху.⁴⁴ Заберган, между тем, произведя маневр, вновь приблизился к столице с запада, в районе селения Деката с известной церковью Святого Стратоника. Это, очевидно, и был «третий раз», когда гунны подошли к Константинополю (на 15 км).⁴⁵ Выяснив, однако, что столица охраняется «многочисленной стражей», хан, наконец, оставил надежды на штурм Второго Рима. Собрав свои силы, он еще в начале апреля отошел за Длинные Стены, во Фракию. Здесь, в окрестностях Цурула, Аркадиополя и Дризиперы, «варвары» оставались до Пасхи (13 апреля 559 г.).

После празднования Христова Воскресения Юстиниан лично направился к Длинным Стенам во главе горожан. Император избрал своей ставкой город Силиврию и приступил к организации ремонта Длинных Стен. Действия Забергана в продолжение починки стены не вполне ясны. Болгары снялись с фракийских стоянок и «бродили вокруг», вне города, до августа.⁴⁶ Вероятно, Заберган был обеспокоен действиями ромеев и хотел воспрепятствовать ремонту Стен, но не преуспел в этом. По-прежнему переоценивая силы противника, хан не вступал в столкновение. Обе стороны ожидали исхода битвы за Херсонес Фракийский, где военные действия, вопреки затишью под Константинополем, летом достигли разгара.

Херсонес штурмовали значительные силы «варваров», в том числе, очевидно, основная часть словенской пехоты. Стены, пре-граждавшие путь на полуостров, поддерживались, в отличие от Длинных, в отличном состоянии. Защищали их хорошо обученные части под командованием молодого Германа, сына Дорофея, земляка и воспитанника императора. Все попытки взять стены Херсонеса штурмом заканчивались неудачей, хотя «варвары» «часто нападали на стены, придвигая лестницы и другие осадные орудия».47

В конце концов, отчаявшись взять стены приступом, «гунны» приняли решение попытаться обойти их с моря — в качестве последнего шанса. Попытка эта была предпринята в июле 559 г.48 «Гунны» (на самом деле скорее словене, более опытные в строительстве плотов) построили из тростника, увязанного веревками и шерстью, обложенного бревнами, порядка 150 плотов. На получившиеся «корабли» взойшло 600 хорошо вооруженных воинов (т. е. по 4 на каждый).

Из рассказа о строительстве плотов у Агафия49 совершенно ясно, что «варвары» (словене, тем более болгары) самостоятельно выходили в открытое море впервые. Гребли они, на взгляд ромей, «неумело», а при строительстве плотов пытались подражать ромейским кораблям, «чтобы увеличить плавучесть». Мощи имперских военных кораблей «варвары», разумеется, не представляли. Едва ли кто-то из них, даже служивший ромеям во время Ван-дальской или Готской войны, являлся свидетелем или участником морского боя.

Герман был заблаговременно предупрежден о приближении «тростникового флота». Он поставил за выступающим мысом в засаду 20 легких кораблей с воинами на борту. «Варвары» стремились высадиться как можно скорее и, очевидно, рассчитывали на внезапность нападения. Миновав стену, они сразу стали грести к берегу. Ромейские суда немедленно понеслись им наперерез и протаранили плоты носами. Гуннский «флот» потерял управление. Гребцы падали со своих «судов», сами же плоты из-за не-большого веса оказались во власти морских волн и токов. При этом первом нападении погибло немало «гуннов». Уцелевшие, пытаясь удержаться на плотях, лишились возможности сражаться. Ромеи безнаказанно нападали на них со своих судов, отнесенные же в сторону плоты рассекали абордажными крючьями. В итоге погибли все шесть сотен «гуннов», отплывшие на плотях.50

«Гунны» были подавлены поражением и впали в уныние. Морская атака рассматривалась их вожаками действительно как последнее средство. В случае неудачи

они предполагали отступить. Ромеи ускорили отход противника. Несколько дней спустя Герман со своими воинами совершил вылазку против вражеского стана. В завязавшемся бою он сам был ранен, но продолжал сражаться. Урон, нанесенный ромеями «гуннам», был велик. Герман, однако, отвел своих солдат обратно за стену, опасаясь численного превосходства врага. «Гунны» в тот же день сняли осадный лагерь и ушли на север, к Забергану, блуждавшему у Длинных Стен.⁵¹

Итак, Заберган потерпел неудачу и у Константинополя, и у Херсонеса. Уже завершивший реставрацию стен император, ожидая отхода «гуннов» за Дунай, в августе приказал начать строительство боевых судов. Они должны были перехватить «варваров» на Дунае. После поражения у берегов Херсонеса опасность встретить ромейские корабли чрезвычайно напугала болгар. Заберган отправил послов к императору с просьбой о безопасной переправе через Дунай. Однако, значительно увеличив теперь свои силы, он вновь домогался от Юстиниана «такого же количества золота», как получал Сандилх. Добиться его он теперь хотел, требуя выкупа пленных и угрожая в противном случае перебить их всех.

Юстиниан отправил хану немало золота и, видимо, посулил субсидии в будущем. Хан отпустил пленников, прекратил разорение земель Империи и повернул к Дунаю. В качестве гаранта соглашения Юстиниан послал сопровождать болгар своего племянника и наследника Юстина.⁵²

По пути к Дунаю Забергана нагнала та часть болгар, что действовала в Греции. Точнее, судя по Агафию, в собственно Элладу «варварам» не удалось попасть. Предполагая прорваться через Истм в Пелопонесс, на деле они были остановлены гораздо севернее, в Фермопильском проходе. Таким образом, Ахайя практически не пострадала.⁵³

Юстиниан, между тем, вовсе не собирался прощать Забергану разорение имперских земель. К тому же он опасался новых набегов. Ему удалось убедить утигурского хана Сандилха начать войну с кутригурами. Сильнее всего Юстиниан напирал на то, что Заберган домогался субсидий, положенных самому Сандилху, и все вторжение было предпринято кутригурами лишь из зависти и ненависти к утигурам. В конечном счете, Сандилх согласился начать войну.⁵⁴

Первым делом войска Сандилха внезапно обрушились на кутригурские кочевья. Незащищенные и захваченные врасплох, они были безжалостно разорены. Затем,

продолжая двигаться на запад, утигуры напали на войско Забергана вскоре после его переправы через Дунай. Заберган не ожидал нападения. Его поражение было сокрушительным. «Множество» кутригур и словен было перебито. Сандилху досталось все добытое Заберганом. С большим трудом кутригурам удалось собрать остатки сил и начать войну с новым врагом.⁵⁵ Словене, вероятно, в этой развернувшейся в Степи кровопролитной расправе участия не принимали. Однако для их судеб она имела далеко идущие последствия. Междоусобицей болгарских племен не преминули воспользоваться их восточные соседи, авары.

Авары в Европе

Под именем авар в Европе стали известны кочевые племена уар и хуни (вархониты). К середине VI столетия в азиатских степях происходит объединение кочевников под властью алтайских тюрков (тюркют). Тюркюты покорили множество родственных им, а также иранских и некоторых других племен, создав единое государство — Тюркский каганат во главе с династией Ашина.

В 557- 558 гг. вархониты, сбежав из-под власти тюркских каганов, обосновались в предкавказских степях. Савиры, оногуры и другие местные племена были введены в заблуждение сходством названия рода уар с именем грозных некогда азиатских кочевых завоевателей абар. Вождь вархонитов Баян всячески поддерживал это выгодное заблуждение и, приняв от новых соседей дары, начал именоваться каганом.⁵⁶

Новоявленные авары заключили союз с аланами и при их посредничестве отправили в 558 г. посольство в Константинополь. Юстиниан с готовностью пошел на союз с аварами, рассчитывая использовать их против персов и враждебных кочевников. Но он не торопился предоставлять им земли для поселения, как они просили. Между тем, Баян небезосновательно боялся погони со стороны тюрков. Пока же авары, используя страх перед собой, быстро покорили савир и прочих соседей. Таким образом, рассчитывавшая на момент посольства в Империю не более 20 тысяч воинов орда окрепла и разрослась в грозную силу.

Когда осенью 559 г. в европейской степи разразилась война между утигурами и кутригурами, Баян не замедлил вмешаться в нее — причем, совершенно вопреки интересам Империи, на стороне более слабых кутригур. Последние, не в силах отстоять независимость, предпочли покориться новым союзникам и влиться в орду Баяна.

Утигуры, разбитые и покоренные, также присоединились к аварам. Некоторая часть утигур и кутригур, однако, не последовала за аварами на запад, а осталась в Приазовье, где позже слилась с оногурами в единый народ. Он-то в VII в. и стал известен как болгары.

Покорив болгарские племена. Баян вплотную подступил к границам Империи. На том этапе он едва ли замышлял военные действия против нее, надеясь лишь вырвать у ромеев субсидии для увеличивающейся орды и вожделенную землю для поселения. Последнее становилось все более необходимо — тюрки, действительно, не оставили без внимания бегства вархонитов и готовились к походу на запад.

Но на пути авар встали анты. Мы, к сожалению, из-за фрагментарности текста Менандра,⁵⁷ не можем судить, как началась война между антами и аварами и даже кто из противников ее начал. Судя по тому, что в начале войны антские «архонты» питали какие-то «надежды», они, по меньшей мере, не избегали ее. Поводов для войны было достаточно. Авары, придвинувшись к границам Империи, создавали ей угрозу, и Юстиниан мог потребовать от антов выполнить свой долг хотя бы на этот раз.

Анты, видимо, находились в союзе или, во всяком случае, в тесных связях с побежденными утигурами, оногурами и савирами. Какая-то их часть могла найти приют (наверняка и нашла) на антских землях. Это само по себе представляло собой повод для начала военных действий со стороны Баяна. Но и сами анты могли начать войну в помощь союзникам. Наконец, Баян, стремясь прокормить разросшуюся орду, мог потребовать от антов дани — как позже требовал ее от дунайских словен.

Анты, представлявшие собой «бесчисленные племена»,⁵⁸ когда-то «самые могущественные» среди «венедов»⁵⁹ и наводившие ужас на Империю, имели немало оснований надеяться на успех. Но с началом военных действий их князья «были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье». ⁶⁰ Авары имели возможность атаковать антов по всей границе — от днепровского Левобережья до Подунавья. При таком натиске отдельные племена-«княжения» не смогли бы соединить свои силы, тем более что до создания единой «монархии» антов было далеко. Первенствующий среди их равноправных князей — упомянутый ранее Мезамер, брат Келагаста, — только выделялся, обретая неформальное влияние. Возможно, его усиление было ускорено аварским нашествием. Но все-таки, в отличие от противника, единоначалием анты не обладали.

Каковы бы ни были причины поражения антов (а здесь мы неизбежно не сможем зайти дальше догадок), итог его ясен — «авары сразу же стали опустошать землю и грабить народ». По всей видимости, нашествие затронуло немалую часть антских территорий. Анты, «теснимые набегами врагов», вынуждены бы-ли искать мира. В качестве посла был избран, — едва ли на обще-антском вече, скорее на совете «архонтов» — наиболее влиятель-ный из них, Мезамер.

Главной целью посольства было «выкупить некоторую часть пленных» антов. Однако миссия провалилась. Мезамер по-вел себя перед Баяном излишне смело — «изрек слова высокомер-ные и в чем-то даже наглые». За это он удостоился от греческого историка Менандра характеристики «пустослова и хвастуна». Тем более разгневан был победитель Баян. Каганским гневом воспользовался некий «кутригур, который был предан аварам» и «замыслил против антов весьма враждебное». Это лицо упомина-лось где-то у Менандра ранее,⁶¹ и не кажется излишне смелым предположение, что имеется в виду Заберган, добровольно поко-рившийся со своим племенем Баяну.⁶² Если война с антами дей-ствительно была продолжением войны с утигурами, можно не сомневаться, что Заберган со своим племенем принял в ней самое деятельное участие, а то и приложил руку к ее разжиганию.

«Кутригур», по Менандру, сказал Баяну о Мезамере: «Этот человек приобрел величайшую силу у антов и может противосто-ять любым своим врагам. Следует поэтому убить его и затем без-боязненно напасть на врагов». Совет приближенного пришелся по душе разъяренному кагану. Мезамер немедленно был убит, и война возобновилась. Авары с новым рвением обрушились на ан-тов. «Более, чем раньше, — пишет Менандр, — стали они разорять землю антов и не переставали поработать жителей, грабя и опус-тошая».

Здесь фрагмент «Истории» Менандра заканчивается, и о дальнейшем мы не имеем надежных сведений. События, описан-ные им, датируются в промежутке между покорением Баяном болгарских племен (позже осени 559 г.) и выходом авар к Ниж-нему Дунаю (561 г.). Точнее всего будет отнести их к 560 г.⁶³

Последствия нашествия авар для антов могут быть с доста-точной ясностью восстановлены из последующих событий. Ава-ры утвердились на Левобережье Дуная в его низовьях, создав не-посредственную угрозу для границ Империи. Тыл их был не только надежен — он был открыт для далеких рейдов в обход Карпат, через редконаселенные пока земли нынешней Польши вплоть до границ Франкского государства. Таким образом, анты, — даже племена, жившие далеко на севере, на

Верхнем Днестре, — перестали представлять для авар угрозу и преграду.

Нет, таким образом, никаких оснований сомневаться, что авары добились на том этапе от большинства антов того, чего за-тем стали добиваться от словен Подунавья — то есть покорности и дани. Возможно, уже тогда, согнанные нашествием или не же-лавшие платить дань победителям, сдвинулись к северо-западу некоторые антские племена. Это могли быть сербы, первоначаль-ное место обитания которых неизвестно, а также часть хорватов из Верхнего Поднепровья.⁶⁵

Любопытно, что, несмотря на тесное общение славян (словен и антов) с аварами уже в 560-х гг., название авар в общеславянском языке достаточно позднего происхождения. Слово *obъгъ/obrinъ “авар, мифический великан” отсутствует в южнославянских языках (кроме языка словенцев). Лишь в болгарском есть слово «обринка», но с иным значением — ‘хитрец’.⁶⁶ Едва ли указанное слово может восходить ко времени первого контакта антов и дунайцев с аварами в VI веке. Оно, скорее, ненамного старше VII столетия.

Зато общеславянский характер носит слово jъspolinъ/spolinъ “исполин, мифический великан”. Оно происходит от названия древнего народа спалов. Спалы, подобно аварам, жили в задон-ских степях, но за столетия до них. В форме «исполин» вместо изначального «сполин» языковеды видят след «северно-тюркского» — возможно, как раз аварского посредства.⁶⁷ Превра-щение могучих и недружественных соседей в мифических вели-канов — частое явление в преданиях разных европейских народов. Так анты и гунны стали великанами в германских преданиях, а «обры» позднее — у северной части славян.

Не исключено, что все неизвестные восточные народы сла-вяне издревле называли спалами («сполинами»). Название это было перенесено и на авар, тюркизированная же форма «испо-лин» появилась как раз в результате тесного общения дунайских словен и антов с аварами в 560-х гг. Недаром она распространена только у восточных и южных славян, но не у западных. Завоева-тели могли в общении со славянами перенимать это наименова-ние, тем более что слово «авары» не являлось для них самоназва-нием. Нельзя исключить, что это была часть политики Баяна — его орда стала для антов и словен легендарными «исполинами», так же как для савир и их соседей страшными «аварами». Как «обры» авары стали известны славянам позднее, причем у антов (что отразилось в болгарском языке и некоторых русских диалек-тах) это слово приобрело уничижительное значение — “хитрец”, “скупой человек”.

Итак, в начале 560-х гг. анты были на какое-то время слом-лены. Авары стояли у самых границ Империи. Однако Юстиниан, видя, что свою мощь они использовали не против врагов, а про-тив союзников ромеев, был холоден к посланцам Баяна. Он про-должил выплачивать «дань», но отказался предоставить Баяну земли в провинции Скифия. Вместо этого он «даровал» аварам Паннонию, в действительности принадлежавшую лангобардам.

Не без труда убедив авар согласиться на далекую Панно-нию, проход туда через земли Империи Юстиниан предоставить отказался. Во-первых, он получил сведения, что озлобленный Ба-ян ююв напасть на ромеев сразу после переправы на южный бе-рег Дуная. Во-вторых, император, вероятно, надеялся столкнуть авар со словенами и гепидами, если кочевники пойдут на «даро-ванную» землю левым берегом реки. Таким образом. Баян был бы принужден хоть раз исполнить союзнические обязательства, данные в 558 г.

Переговоры с Юстинианом заняли 561 — 562 гг. Возможно, пытаюсь оказать давление на императора. Баян позволил каким-то «гуннам» (утигурам или кутригурам) вторгнуться в 562 г. во Фракию.⁶⁸ После этого ромейские военачальники жестко пере-крыли путь через Дунай. Положение Баяна становилось отчаян-ным. Его контроль над европейскими степями был, вероятно, до-вольно призрачным. Анты, да и другие покоренные племена, могли выйти из повиновения в любой момент. Вероятность этого возрастала, по мере того как с востока надвигались тюрки. С 555 г. они вели войну в Средней Азии с местными кочевниками эфталитами, в 562 заключили против них союз с Сасанидским Ира-ном. Уже с 558 г. вождь западного крыла тюрков Истеми пытался завязать контакты с Юстинианом.⁶⁹

Видимо, как раз в ходе безуспешных переговоров с Имperi-ей Баян предпринял попытку миром поладить с дунайскими сло-венами. Условия мира в аварском понимании могли быть только одни — Баян потребовал от словен, «чтобы они подчинились ава-рам и обязались выплачивать дань». Покорение дунайцев откры-ло бы аварам путь в Паннонию по северному берегу реки. Но словене, хотя и менее многочисленные, чем анты, были уже луч-ше организованы. Общим вождем дунайцев являлся тогда Добрята. Это первый подобный лидер, известный нам, и именно судьба антов могла подвигнуть словен к консолидации.

Явившиеся к Добряте и другим князьям («игемонам», «тем, кто возглавлял народ»), аварские послы получили резкую и гор-дую отповедь. Менандр вкладывает в уста Добряты следующие слова: «Родился ли среди людей и согривается ли лучами солнца

тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужим, а не другие нашим. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи». Речь почти наверняка сочинена греческим историком, но суть ответа словенского князя, конечно, верно передана. На «самонадеянность» аварские послы ответили «высокомерно». От прения перешли к взаимным оскорблениям. «Ссо-ра» кончилась тем, что словене схватились за оружие и перебили послов аварского кагана.

Баян, разумеется, вскоре — хотя и «со стороны» (не от ромеев ли?) — узнал о случившемся. Но, как ни странно, немедленной войны не последовало. Каган лишь затаил злобу на словен и их князя, но ничего не предпринял для немедленного возмездия.⁷⁰ Почему же Баян не выступил против Добряты? Очевидно, аварская орда была все-таки ослаблена войной против антов. Кроме того, между Прутом и Сиретом антское население было обильно смешано со словенским. Антские земли вообще едва ли стали бы надежным тылом в войне против словен. Еще недавно союзниками словен являлись кутригуры. И если приближенный к кагану и влиявший на него «кутригур» — действительно Заберган, то он мог повлиять на Баяна в пользу словен так же, как ранее — против антов. Впрочем, это не более чем догадки.

Главной причиной странного смирения Баяна являлось скорее то, что он уже отказался от пути вдоль Дуная на запад. Поскольку ромеи не желали пропустить авар через Скифию и Мезию, те начали разведывать другой путь, более долгий, но и более безопасный. С этой целью Баян отправил какую-то часть орды в далекий рейд на северо-запад. Уже в 561 или в начале 562 г. авары появились у восточных границ владений франкского короля Сигиберта, в Тюрингии или северной Алемании (юг последней прикрывали бавары). Сигиберт, только что принявший корону восточных франкских земель (Австразии), разбил и прогнал неведомых «гуннов». Но для тех это была лишь разведка боем.⁷¹

Переговоры с ромеями зашли в тупик. Юстиниан исправно выплачивал Баяну субсидии, но не изменял позиции в отношении перехода через Дунай. Так обстояли дела, когда в ноябре 565 г. император ромеев скончался. На престол вступил куропалат Юстин, сторонник жесткости по отношению к «варварам». 21 ноября к императору, лишь неделю назад взшедшему на престол, явились аварские послы, добиваясь выплаты положенной ежегодной «дани». Разгромившие союзников ромеев — антов и утигур, — усилившие себя за счет старых врагов Империи кутригур авары дерзко заявили: «Из ваших соседей мы разом истребили варваров, постоянно грабивших Фракию, и никого из них не осталось для набегов на фракийские пределы. Ибо боятся они силы авар, дружелюбно относящихся к державе ромеев».⁷² Возможно, конечно, что страх перед аварами сдерживал словенские набеги. Но следует помнить, что за исключением устроенного Заберганом похода 559 г., словене с 552 г. не нападали на Империю,

кажется, ни разу. Авары тут были совершенно не при чем. К тому же в Империи прекрасно помнили о гуннском набеге 562 г., совершенном, самое меньшее, при попустительстве Баяна.

Как бы то ни было, Юстин II не потерпел наглости «варва-ров». Человек вспыльчивый и решительный противник всякого задабривания авар, он обрушился на послов с угрозами и площадной руганью, велел взять их под стражу, а затем прогнал без всяких денег. С дипломатией между Империей и аварами, по сути, было кончено. Коварный Баян, впрочем, не преминул заверить нового императора в своей «дружбе». Но он уже принял решение действовать помимо Империи и против ее интересов. Справедливости ради надо отметить, что иного выхода у кагана не оставалось. В 566 г. Истеми одержал победу над эфталитами в Средней Азии. Затем турки одновременно напали на Иран и вторглись в европейские степи. Им покорились оногуры, хазары и некоторые другие племена.

Баян не мог медлить. В том же 566 г. основные силы аварской орды во главе с самим каганом двинулись на север. Об этом походе судить можно лишь по косвенным данным. Очевидно, Баян шел вдоль Карпат, через земли дезорганизованных и отчасти поработанных антских племен.⁷³ Тех из антов и словен, кто остался враждебен аварам, каган сгонял с насиженных мест. Среди них были не только сербы и хорваты, но и какие-то словенские племена. К западу от Западного Буга авары потеснили или изгнали часть словен-лендзян. Очевидно, что аварское нашествие привело в движение очень многие славянские общины региона.⁷⁴ Это и стало толчком к заселению славянами в конце 560-х — начале 570-х гг. значительной части современной территории Польши,⁷⁵ а затем и Восточной Германии.

Надо думать, что столкновений с подкарпатскими группами словен (чехами, вислянами и др.) Баян по возможности избегал, не желая растрачивать силы. Свой удар он направил в уже разведанном в 561 г. направлении. В 566 или 567 г. каган появился у границ Тюрингии. Па этот раз Сигиберт потерпел от «гуннов» поражение и сам попал в плен. Но Баян, вероятно, с самого начала не собирался глубоко вторгаться во владения франков и начинать большую войну. Он принял от пленника выкуп, заключил с ним договор о «вечной дружбе» и отпустил его восвояси с дарами.⁷⁶

Таким образом, заручившись договором с франками. Баян вдоль их границ (возможно и переходя их с миром) спустился к Дунаю. В 567 г. авары форсировали реку и вошли в Паннонию с севера. Лангобардский король Альбоин (561 — 572). сын Авдуина, предпочел заключить с ними союз. Застарелая вражда лангобардов и гепидов с

приходом авар, наконец, подошла к развязке. Альбоин в союзе с новыми пришельцами разгромил и уничтожил гепидское королевство. Часть гепидов признала власть Альбоина, часть — Баяна. По условиям заключенного между победителями договора, Альбоин уступал аварам Паннонию в обмен на помощь в борьбе против ромеев. Король лангобардов повел своих подданных в поход на Италию. Перед этим он принял арианство, разрывая последнюю связь с Империей. В 568 г. лангобарды вторглись в Италию, а Баян отправил со своих новых земель в набег на балканские провинции подвластных кутригур. Началась длительная борьба между аварами и лангобардами, с одной стороны, и державой ромеев — с другой. Баян обосновался на новых землях как раз вовремя. В том же 568 г. с Юстином начал переговоры тюркский каган Истеми, чьи передовые отряды стояли уже у границ Алании.

Вместе с лангобардами ушли из Паннонии и окрестных земель другие племена, в том числе часть словен — очевидно, все немногочисленные словене, жившие в лангобардском королевстве, и некоторые с земель гепидов и из Богемии. Большая их часть, однако, не достигла Италии, а осела в Норикс, увеличив местное словенское население. Вместе с ними осели здесь, в будущей Карантании, и некоторые лангобарды, сохранявшие особенности своей культуры в славянской среде еще несколько десятилетий.⁷⁷ Авары пока не распространили свою власть на эти земли — внимание кагана было обращено на восток.

Анты сравнительно быстро оправались от урона, нанесенного аварами. Однако серьезным последствием аварского нашествия явилось для них ослабление связей с Империей. Анты были оттеснены от Дуная и на время утратили независимость. В период пребывания Баяна у рубежей Фракии между антами и Константинополем не могло быть никакого сообщения. Скорее всего, именно поэтому, отчасти демонстративно, Юстин II отказался в первый год своего царствования от принятого некогда отцом титула «Антский».⁷⁸ Как только авары переселились в Паннонию, титул опять стал употребляться.⁷⁹ Видимо, тогда контакты с антами возобновились, и заключенный Юстинианом союз был скреплен заново. У нас есть прямые свидетельства его существования в последней четверти VI — начале VII в.⁸⁰ Союз этот основывался на общей враждебности к аварам, с которыми многие анты наверняка стремились расплатиться за годы разорения и порабощения.

Однако теперь эти союзные отношения были еще менее прочными, чем до прихода завоевателей. Аварское нашествие не могло не ослабить едва сложившееся единство антских племен. Заключать соглашения со «всеми антами» стало гораздо труднее, чем во времена Юстиниана и Прокопия. Поэтому, хотя у нас нет прямых свидетельств действий антов против Империи, в греческих военных трактатах второй половины VI в. они рассматриваются наряду со словенами как потенциальные враги.⁸¹ Следует

отметить также, что, начиная с 560-х гг., мы не имеем никаких данных об антах или словенах на службе в ромейских войсках.

Главным же итогом аварского вторжения в Европу для славянского мира стало само образование Аварского каганата. Дружественные или враждебные отношения с последним превращаются после 568 г. в важнейший фактор политической истории славян. Аварское нашествие стало, помимо этого, побудительным толчком к мощному колонизационному потоку на северо-запад. Результатом его явилось существенное расширение занятой славянами территории и — позднее — установление прямых связей с Франкским государством. Славяне массово заселяют в описываемые десятилетия земли современной Польни, а затем и Восточной Германии. Масштабные переселения и внешние влияния существенно воздействовали на внутреннее развитие славянского общества.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СЛАВЯНЕ ПОСЛЕ ПРИХОДА АВАР

Переселения на западе

Аварское нашествие, как уже было сказано, послужило толчком к передвижениям славянских племен — прежде всего, в западном и северо-западном направлении.

Первыми, кого приход степных завоевателей сорвал с насиженных мест, были анты — хорваты и сербы. Часть хорватов осталась на родине, в Верхнем Поднестровье. Сербы в Восточной Европе позднее не жили во-обще. Остатки восточных, антских сербов смешались с соседни-ми племенами. Не исключено, что именно это племя пострадало в борьбе с аварами более всего.

По всей вероятности, авары теснили потерпевшие пораже-ния племена в ходе своего движения на запад, а те отступали — в разных направлениях, часто беспорядочно. При этом отдельные семьи могли оседать на славянских поселениях нынешней Юж-ной Польши. Путь антов на запад, возможно, намечен на архео-логической карте находками застезек антских плащей — фибул с пальчатыми отростками.

Поворот авар на север, к границам Тюрингии, позволил ан-там оторваться от преследователей и найти места для нового жи-тельства. Наиболее значительным центром расселения хорватов стал район Орлицких гор на северо-востоке Богемии, где они жи-ли еще в X — XI вв.² Видимо, где-то по соседству сначала осели и сербы. Во всяком случае, расселение их в позднейших серболужицких областях относится уже к VII в., тогда как в более ранний период они жили где-то на среднем Дунае.³

Надо думать, что поселение антов в Богемии не обошлось вовсе без конфликтов с местными жителями, в том числе и сла-вянами, без оттеснения каких-то «родов» с уже обжитых мест.⁴ Но представляется, что отношения антов со здешними словенами складывались преимущественно мирно. Пришедшие были по преимуществу знатными воинами, лишившимися всего на родине и не желавшими покоряться победителям-аварам. Они не при-несли с собой в богемские земли практически ничего, кроме племенных названий. Даже находки пальчатых фибул в западной («Великой» или «Белой») Хорватии единичны. Керамики же антского (пеньковского) типа здесь нет вовсе. Анты сохраняли свои племенные имена, но переняли общее самоназвание «словене». Следует добавить, что уже область днестровских хорватов была пограничьем пеньковской и корчакской культур, где совместно жили анты и словене.

Хорваты и сербы, сплоченные в дружины и имевшие опыт (пусть неудачный) борьбы с аварами, в новых условиях станови-лись ценными и надежными союзниками для местных племен. Пришельцы вступали в союзы с местными «родами», мирно под-селялись к ним, женились на местных женщинах. Вероятно, очень скоро пришлые анты стали главенствовать в еще очень не-прочных словенских племенных объединениях.

Приход антов, возможно, ускорил окончательный уход из Богемии германских жителей. Впрочем, тому и так было немало причин. Лангобарды в 568 г. переселились в Италию. Баваров же естественно притягивало возникшее за Дунаем, под покровительством франков, собственное государство. В свою очередь, для хорватов и сербов лангобарды и франки тогда оказались прямыми врагами, союзниками авар. Так или иначе, совместное проживание славян и германцев в Богемии (например, на поселении Бржезнс) на протяжении второй половины VI в. постепенно прекращается, а германские поселения исчезают.⁵ Богемия, таким образом, окончательно превратилась в Чехию.

Уже в VI в. в чешских, словацких и моравских землях возникают некоторые из важнейших политических центров славянских племен. Это Либице над Цидлиной в Северной Чехии, гнездовья поселений на месте Нитры в Словакии и Бржецлава в Поморавье.⁶ Укрепленных градов пока что среди них не было, но не исключено, что некоторые из них уже превратились в резиденции вождей крупных племен.

Переселение авар и антов привело к уходу из Богемии и некоторых словенских «родов». Как уже говорилось, какая-то часть словен ушла с лангобардами и осела на землях Норика, в будущей Карантании.⁷ Другой поток словенских переселенцев устремился на северо-запад, в междуречье Эльбы и Заале. Отдельные группы словен могли проникать сюда и раньше, с начала VI в. (поселение Лютенберг I). Во второй половине VI в. славянское население здесь увеличивается.

Славяне и в этих областях встретились и вступили в мирные контакты с германскими племенами.⁸ Среди них могли быть саксы, тюринги, варны. С расселением славян в Чехии и прилегающих с северо-запада землях удлинилась граница с франками и, соответственно, участились контакты с ними. Судя по ранним общеславянским заимствованиям из немецких языков (VI в.), в порубежье шла оживленная меновая торговля.⁹ Первые контакты славян с франкскими таможенными чиновниками отражает, очевидно, заимствование термина «мыто».¹⁰

Вторая половина VI в. — время заселения славянскими племенами большей части современных польских земель, а также прилегающих к ним с запада областей Восточной Германии. Первоначальным толчком к нему послужил, вероятно, поход Баяна через ляшские земли в Южной Польше. Под давлением авар отдельные словенские «роды» сдвинулись к северу, вверх по Западному Бугу, Висле, Варге и Одру.

В междуречье Одера и Вислы словене встретили других жителей также славянского происхождения. К середине VI в. здесь уже сложилась своеобразная культура, известная как суковско-дзедзицкая (от поселений Суков в Германии и Дзедзицы в Польском Поморье). Наиболее ранние ее памятники между средними течениями Вислы и Одера (Бониково, Бискупин, Жуковицы) ныне датируются V веком. При этом корни материальной культуры «суковцев» отыскиваются в местных пшеворских древностях.¹¹ Если новая датировка верна, то тем самым обретает решение «венедская проблема».

Так или иначе, до середины VI в. область обитания польских венедов была относительно невелика. Их ранние поселения разбросаны по среднему Одера и долине Варты. Из них Бискупин в Куявии занял древнее островное городище.¹² Теперь Бискупин стал укрепленным «градом» славян.

Суковско-дзедзицкие племена значительно отличались от словен-корчаков своей материальной культурой — включая керамику, домостроительство, похоронный обряд. Так, они строили исключительно наземные дома. Среди жилищ венедов попадаются наземные дома не только срубной, но и столбовой конструкции — ясное свидетельство того, что в складывании культуры приняли участие и германцы. При этом жилища германских типов имеются, в том числе, и на коренной территории культуры, в польских землях.¹³

Венеды отличались от словен и внешне. Если для словен были характерны широкие лица, для венедов — относительно узкие. У словен преобладала мезокефалия (ширина головы составляла 75 — 80 % длины). Венедский тип переходит в брахикефалию (ширина — более 81 % длины). Эти расовые отличия заметны еще в X — XII вв.¹⁴ Тем более они ощущались в раннее время.

О переселении в венедские и сопредельные земли во второй половине VI в. словен с юга свидетельствуют археологические факты. На отдельных поселениях появляются дома словенского типа — полуземлянки, возникают и промежуточные формы (дома с подпольными ямами).¹⁵ На север распространяются и погребения по обряду кремации в грунтовых могильниках, неизвестные венедам.¹⁶ Главное свидетельство того, что на север сдвинулись довольно большие массы словен — господство словенского расового типа на основной территории Польши в средние века. Описанный выше венедский тип сохранялся лишь в периферийных областях расселения его носителей — в Южной Прибалтике, в Северо-Восточной Европе.¹⁷

Вместе с тем, зона распространения пражско-корчакской керамики расширилась ненамного. К концу VI в. собственно сло-венские племена населяли в западных областях верховья Вислы, междуречье Сана и Западного Буга, южную Силезию. Дальше на север распространена преимущественно суковско-дзедзицкая ке-рамика. Преобладают и суковские традиции в домостроительст-ве. По всей видимости, словене, пришедшие на новую землю, сравнительно легко перенимали некоторые элементы местной культуры. Здесь мы опять встречаемся с преимущественно «муж-ским» переселением. В числе пришельцев почти не было жен-щин, которые обычно и изготавливали лепную керамику. Пере-селенцы женились в новых местах, и их потомки стали со време-нем основным населением Польши.

Из-за крайней немногочисленности ранних суковских посе-лений невозможно судить, насколько насильственным и разру-шительным было переселение словен на север. Спустя весьма короткое время венеды и словене жили уже в мире друг с другом на одних поселениях, слившись в единые «роды». Но сначала, веро-ятно, далеко не все приняли это как должное. Во всяком случае, на запад струнулись переселенцы, сохранявшие и позже в чисто-те венецкий расовый тип. Можно с большой долей уверенности сказать, что это были венеды, не принявшие смешения со словенями.

Причины для недовольства, конечно, имели место. Много-численные и, вероятно, неплохо организованные пришельцы по-корили венедов между Вислой и Одером. Местные жители при-няли общее именование «словене» и частное — «лендзяне / ляхи», возникшее на левобережье Западного Буга, у границ с Волынью. О распространении термина «ляхи» на север свидетельствует, в частности, раннее его заимствование литовцами (через пруссов?).¹⁹

Возможно, северные жители вошли и в культовый союз по-читателей Велеса, возглавлявшийся вислянами.²⁰ Думается, что религиозные контакты могли иметь место и ранее. Владыка за-гробного мира (Велес, Триглав) пользовался преимущественным почитанием не только у ляшских словенских племен, но и у чис-тых венедов — например, в Поморье. Но теперь прямое подчине-ние ляшским культовым центрам могло показаться венедам тяго-стным.

Не самые приятные воспоминания о покорении великопольских земель выходцами с юга отразились, должно быть, в расска-зе о князе-завоевателе Немеже.²¹ Это средневековое предание со-общает великопольский хронист XIII в. Богухвал. отождествив-ший Немежу с библейским Нимродом. Богухвал называет его по-томком родоначальника славян Слава и сообщает, что от Немежи «началось у людей рабство,

тогда как прежде у всех была незыб-лемая свобода». «Сперва, — пишет хронист, — он безрассудно пы-тался подчинить своей власти своих братьев; дерзость его безрас-судства навлекла закон рабства не только на его братьев славян, но и на весь мир... Весь народ славянский считался зависимым от Нимрода».22

Подобное предание неизвестно не только другим славянам, но и малопольским хронистам. Наверняка оно отражает какой-то эпизод именно древнейшей великопольской истории. В предшествующий приходу словен период венеды жили изолированными самостоятельными общинами. Власть племенных вождей у них в таких условиях вряд ли вообще существовала. Общественный строй словен и антов, у которых укреплялась власть князя и его дружины, не мог не представиться венедам «рабством».

В результате переселений второй половины VI в. славяне заняли значительную часть территории нынешней Польши. Они не только довольно плотно заселили земли юга, от Западного Буга до верховий Одера, где обитали словене, племена пражско-корчакской культуры. На севере суковско-дзедзицкие племена, потомки венедов, заняли почти все междуречье среднего Одера и средней Вислы. Наиболее значительное скопление поселений на юге находилось в районе Кракова (Могила, Иголома, Хоруля и др.). В венедском ареале плотнее всего была заселена Силезия, а также прилегающее междуречье Одера и Варты. Значительные группы раннеславянских памятников найдены и в Великой Поль-ше (Крушвица, Радзеюв, Новины и др. в Куявии, Непорент, Мендзыборув и др. в округе Варшавы, в районе впадения Буга в Вислу).

В двух местах севернее впадения Буга славяне перешли Вислу. В районе современного Плоцка на левом берегу возникло целое гнездо поселений, центром которого позже стало городище Шелиги. Отсюда славяне уже тогда проникли в будущую Мазовию. Свидетельство тому — суковско-дзедзицкое поселение Брущево к северу от Буга. Суковско-дзедзицкие племена в VI в. про-никали и на юго-восток, в Подляшье под изгибом Западного Буга (поселения Боровын Млын, Пщев). В то же время основная часть Мазовии оставалась практически ненаселенной.23

Как и антов на востоке,24 венедов севера словене обозначали как «полян», и точно такое же имя получили словенские племена Великой Польши. В древнем происхождении понятия «поляне» (источника современного «поляки») сомнений нет. Но сначала этот термин был именно собирательным обозначением, а не на-званием конкретного племени или племенного объединения. Он не носил политического смысла. Характерно, что Баварский географ не знает полян. Он, зато, упоминает племя гоплян (Glorcani), жившее в районе озера Гопло в Куявии.25 Именно здесь располагалась Крушвица,

которую Богухвал знал как первую столицу Великой Польши.²⁶ К северу от нее находилось го-родище Бискупин — возможно, древнейший из градов польских земель.

Как раз из этого района расселялись «Полянские» племена. Гегемония гоплян среди них восходит, надо думать, к довольно давним временам. Стоит отметить еще, что в XI — XII вв. «поля-нами» именовались просто все подданные польского короля. Среди ляхских племен они на равных упоминаются не с вислянами или слензянами, а с жителями самостоятельных княжеств Поморья, Полабья, Мазовии. По крайней мере, так обстоит дело в источниках собственно славянских — польских и русских.²⁷

Значительное количество памятников суковско-дзедзицкой культуры имеется, как уже было сказано, в Силезии и прилегающ-ем междуречье Одры и Варты. «Гнезда» суковских поселений возникли и на землях Лужиц в среднем течении Шпрее, к северо-западу от Силезии. Видимо, сюда был направлен весьма значи-тельный поток колонизации. Судя по числу памятников, Силезия и Лужицы в описываемую эпоху были заселены плотнее, чем великопольские земли.

В Силезии славяне встретили крайне немногочисленные ос-татки германского населения. Почти общепризнанно, что назва-ние «Силезия» ведет начало от имени германского племени вандалов-силингов.²⁸ Вероятно, небольшая часть силингов осталась в долине Одера после Великого Переселения народов и смеша-лась с пришедшими славянами. К названию силингов восходит, в конечном счете, и племенное имя слензян. Непосредственным источником, скорее», послужило наименование горя Сленза, где располагалось в средние века главное святилище племени.

Но еще в IX в. «слензяне» не считалось общим названием жителей Силезии. Более того, кажется, что слензяне тогда и не являлись в ней главным племенем. По крайней мере, в первой, более ранней части «Баварского географа» они не упомянуты во-все. Из силезских племен в этой части текста названы только дедошане и безунчане.²⁹ Два больших скопления суковских селищ в Силезии, на обоих берегах Одера, можно соотнести с племенны-ми территориями дедошан и слензян. Название дедошан (дедошичей), без сомнения, славянского происхождения. Более древ-ней его формой, вероятно, является «дедошичи». Источник — незасвидетельствованное личное имя Дедоша с корнем «дед».³⁰

На лужицких землях отмечено два «гнезда» суковских посе-лений — в среднем течении

Шпрее, где позже жило племя лужи-чан, и к востоку, на нижней Нейссе (Нысе-Лужицкой). Речное на-звание «Ныса» повторяется на юге Силезии (также левый, запад-ный приток Одры). Восточное «гнездо» вплотную примыкает к местам поселения дедошан на севере Силезии и выглядит как их выселок. Славяне пришли в Лужицы с юго-востока, из силезских земель.

В освоении Силезии приняли участие не только славяне и потомки местных германцев. Описываемый период был довольно бурным для племен, населявших юго-западную Прибалтику. По-сле распада к середине VI в. объединения видивариев часть их разноплеменных дружин закрепилась на западе от низовий Вис-лы, положив начало прусскому племенному союзу.³¹ В конце 560-х или начале 570-х гг. в земли галиндов в западной части Ма-зурского Поозерья, вторгся отряд гепидов и лангобардов, поки-нувших дунайские земли после аварского нашествия. Результа-том германского завоевания западного Поозерья стало возникно-вение здесь «мазуро-германской» или западномазурской куль-турной группы.³²

Видимо, часть балтов ушла, не признав власти захватчиков, за Вислу в Великую Польшу и далее на запад уже вместе со здешними славянами. На пустующих большей частью землях Си-лезии место нашлось всем. Галинды осели в Опавской котловине на самом юге Силезии и быстро смешались с жившими здесь сла-вянами пражской культуры. Память о пришельцах из Прибалтики сохранилась в племенном названии голендичей. Известном в IX — XII вв.³³

По соседству с галиндами в Верхней Силезии осели и дру-гие пришельцы из Южной Прибалтики — велеты. Кем бы ни были они изначально, к концу VI в. это племя уже являлось славян-ским. Однако материальная культура велетов отличалась от куль-туры соседних славян. С ними связано сложение уже в VI в. но-вой археологической культуры — фельдбергской (от поселения Фельдберг в Германии).³⁴ Фельдбергцы пользовались для изго-товления посуды гончарным кругом, причем формы их керамики восходят к силезским традициям предшествующего периода. Очевидно, в формировании славянского племени или племенного союза велетов приняли участие не только славяне и балты, но и местные германцы. Есть предположение, что у истоков фельдбергской керамики стоит группа бродячих гончаров — ремеслен-ников, сорванных с мест Переселением народов.³⁵

Уже около середины VI в. славяне суковско-дзедзицкой группы перешли Одру на севере, попав в двуречье Шпрее и Хафеля, восточных притоков Эльбы. Массовое расселение их в этом регионе приходится на вторую половину VI в. и было связано, очевидно, с

племенными передвижениями после аварского наше-ствия. Картография поселений³⁶ указывает, что на этот раз славяне шли не с востока из-за реки, а с юга, из Лужиц вниз по Шпрее. Постепенно земли по нижнему Хафелю превратились в самую заселенную область суковско-дзедзицкой культуры. Многочисленные славянские поселения возникали и севернее, в нижней части междуречья Одры и Эльбы. Славяне продвигались на север вдоль рек — вниз по Эльбе и Одру, вверх по Хафелю.

В области Шпрее — Хафеля в ту пору сохранялось германское население, принадлежавшее к племенам варнов и саксов. Пришельцы, очевидно, численно превосходили местных жителей, в то время как уровень общественной организации у них был примерно одинаков. Племенной союз варнов, известный еще Прокопию в середине века как мощное объединение, распространявшее влияние на Саксонию и сообщавшееся с англами в Британии, теперь распался. Возможно, переселение славян-венедов сыграло здесь некоторую роль. Во всяком случае, последним оплотом варнов осталась небольшая область в верховьях названной по их имени реки Варны. Там позднее жило одноименное славянское племя.

Археология же отмечает мирное сосуществование славян и германцев. Славяне селились на германских селах, без перерыва продолжали использовать германские пашни. На одном из селищ в нынешнем Берлине отмечено непрерывное использование выкопанного в германское время колодца.³⁷

Можно заключить, что славяне и германцы в области Шпрее — Хафеля сливались в единые общины, причем менее многочисленные германцы постепенно славянизировались. Славяне, очевидно, унаследовали у германцев несколько более передовые хозяйственные навыки. Стоит отметить, что из германских языков пришло и название реки Эльбы (в славянской огласовке — Лаба).

Так было в долинах Шпрее и Хафеля. Но иначе обстояло дело дальше на север. Ниже по Одру и Эльбе (кроме балтийского побережья на северо-западе, еще не достигнутого) перед славянами открывалась лесистая и совершенно безлюдная страна. Пахотные земли давно были заброшены, и славянским поселенцам нужно было расчищать новые участки. Сами славяне селились в этих условиях не столь плотно и не столь большими коллективами, как дальше на юг.

В области Шпрее — Хафеля началось складывание новых славянских племен, известных

позднее по письменным источникам. Старейшим из племен полабских славян, очевидно, были ободричи (ободриты западных авторов). Происхождение названия «ободричи» вызывает споры. Наиболее убедительной кажется теория, связывающая его с рекой Одрой (ободричи < *ободряне «живущие по обоим берегам Одры»).³⁹ Древность имени ободричей удостоверяется их позднейшим присутствием на Балканах и, следовательно, участием в славянских переселениях конца VI — начала VII в.

Так же можно подтвердить древнее происхождение и некоторых других племенных названий в полабском ареале. Прежде всего, это относится к крупному племени стодорян. В IX в. именно оно занимало долину Хафеля и именовалось у западных хронистов и географов хэфельдами.⁴⁰

Приняли участие в движении на юг и смоляне.⁴¹ В полабском ареале они жили примерно у впадения в Эльбу реки Эльде.⁴² В латинских источниках полабские смоляне фигурируют только как «смельдинги». Едва ли следует сомневаться в германском происхождении такой формы названия.⁴³ Можно даже предположить, что жившее на германо-славянском пограничье небольшое племя само переняло такую форму — но не ранее рубежа VI — VII вв., когда часть его, еще под славянским именем, выселилась на Балканы. Возможно, именно смоляне стали ядром складывания позднейшей племенной группы полабов или полабян.

Все названные племена упоминаются в сочинении Баварского географа.⁴⁴ В VIII — IX вв. смоляне и другие полабы входили в племенной союз, возглавляемый ободричами. Что касается стодорян, то они тогда были включены в велетский племенной союз, но стояли в нем особняком. Вероятно, ободричи — древнейшее и сильнейшее из суковских племен — изначально лидировали среди них. Остальные племена отделялись по мере движения ободричей на север, оседая в освоенных землях. Сами же ободричи в итоге поселились в будущем Мекленбурге, у берегов Балтики. Таким образом, они до конца возглавляли продвижение суковцев вверх по Эльбе. Не вызывает сомнений, что с ободричами связаны своим происхождением не только полабы, но и стодоряне.

С верховий Хафеля славяне продвинулись в западное Поморье (будущую немецкую Померию). Здесь они, возможно, впервые вышли к Балтике. Они расселились также в западной части Польского Поморья. Ныне считается возможным относить к VI в. памятники дзедзицкого типа в Польском Поморье, близ низовий Одры (поселения Дерчево, Дембчино, Дзедзицы).⁴⁵ По-морские земли славяне застали практически необитаемыми. На них началось складывание племенной общности поморян. Позднее где-то в этом поодерском районе, восточнее хэфельдов, жило племя брежан.⁴⁶

Название «брежане» связано, очевидно, с берегами Одры. Смысл названия «поморяне» прозрачен. Прямое свидетельство о том, что к концу 580-х гг. славяне уже достигли моря, содержится у греческого историка Фсофилакта Симокатты. Он рассказывает об обмене посольствами приморских славян «у оконечности За-падного океана» с аварским каганом примерно в 588 — 590 гг.⁴⁷

Общим самоназванием поморских и полабских славян видимо, еще и в VII в. оставался термин «венеды». Под этим же именем («венды», «винды», «виниды») они получали известность среди соседей. Однако тесное общение со словенами вело к вос-приятию венедями общеславянского языка при сохранении диа-лектных особенностей. Очень быстро венеды переняли и самона-звание корчакских племен — «словене», четко противопоставляв-шее их соседним «немцам». Поморские послы в 590 г. уже назы-вали себя словенами.

Хорватский племенной союз

Одним из последствий переселения части антов в Центральную Европу стало возникновение здесь нового политического объединения — хорватского. В раннем средневековье хорваты за-нимали территорию северо-восточной Чехии по обе стороны Орлицких гор и прилегающие районы Силезии. Им, таким образом, принадлежало верхнее течение Лабы.⁴⁸ В областях, соседних с областями расселения хорватов, распространены предания о древнем правителе Кroke или Краке. О Кroke рассказывают пре-дания чехов, о Краке — малопольские, приписывающие ему осно-вание Кракова. Тождество имен «Крок» и «Крак» было ясно уже польским и чешским хронистам XV — XVII вв. Не отрицает его и современное языкознание.⁴⁹

Название «Краков» (Краков град), вне сомнения, происхо-дит от личного имени. Следовательно, за преданиями о Краке должна стоять некая историческая реальность.⁵⁰ Представляется, что единственным связующим звеном между вислянами на вос-токе и чехами на западе являлись «западнославянские» хорваты. С ними и следует связывать возникновение преданий о Краке.⁵¹

В старейшей версии польского предания о Краке, излагаемой хронистом XII в. Винцентием Кадлубком, главный герой приходит к будущему Кракову из «Каринтии».52 Для Кадлубка «Каринтия» — синоним дунайской прародины славян. Для нас здесь важен мотив прихода с запада, из придунайских областей. Он указывает на позднейшее (VII в.?)53) поселение группы хорватов в Верхнем Повисленье. Ядром западного хорватского племенного союза являлись области северо-восточной Чехии и южной Силезии.

Чешское предание о КROKE первым сообщает Козьма Пражский. Он весьма краток: «...выделился некий человек, по имени Крок, его именем назван град, заросший теперь уже деревьями и расположенный в лесу, что близ деревни Збечно. Соплеменники считали этого человека совершенным. Он располагал большим имуществом, а при рассмотрении тяжб вел себя рассудительно; к нему шел народ не только из его собственного племени, но и со всей страны, подобно тому, как к ульям слетаются пчелы, так к нему стекался народ для разрешения своих тяжб».54 Позднейшие авторы не добавляют к этим скудным сведениям практически ничего важного.55

Существование древнего града Крокова близ Збечно не подтверждено археологией.56 Но название урочища, несомненно, восходит к имени «Крок», и оно необязательно должно было быть именно резиденцией правителя. Заметим, что постоянной «столицы» у такового могло и не иметься.57

Рассмотрим совокупность данных о КROKE. Несомненно, описываемое лицо — племенной вождь. Наименование его в чешских хрониках «судьей» не должно вводить в заблуждение. Этим библейским термином называли славянских князей с их ограниченной (в сравнении с развитыми монархиями) властью еще в X в. Крок у Козьмы Пражского передает власть дочерям. Одна из них становится ведуньей, другая — жрицей, третья — судьей.59 Таким образом, их отец предстает как носитель высшей сакральной власти — жрец, чародей-прорицатель и судья в одном лице. Кроме того, он передает власть по наследству. Это в целом соответствует нашим представлениям о древнем славянском вожде, носящем титул «князь» или «владыка». Традиция передачи власти по наследству начала уже складываться с середины VI столетия — по крайней мере, у антов, к которым принадлежали хорваты.

В рассказе Козьмы важно отсутствие связи между КROKEм и «праотцом Чехом» — четкое указание на то, что Крок не принадлежал к чехам в узком смысле слова. Важно и

то, что Крок возглавляет не одно племя, а племенной союз («народ не только из его собственного племени, но и со всей страны»).

Имя «Крок (Крак)» не принадлежит к двусоставным «кня-жеским». Уже это, а также географический разброс преданий (Чехия — область вислян в Малой Польше), наводит на мысль о родовом имени, передаваемом по наследству титуле, которым именовали князя его подданные. В польском предании находим прямое подтверждение. Сын и наследник Крака здесь также именуется Краком.⁶⁰ Родовой титул «Крак» («Крок» в чешских преданиях) восходил, скорее всего, к звукоподражательному эпитету бога грозы Перуна. Его потомками и считали себя племенные вожди хорватов, закрепившиеся во второй половине VI в. на северо-востоке современной Чехии. В польском предании Крак выступает, подобно своему мифологическому двойнику — богу грозы — как змеборец.⁶¹ Сакральная власть князей, основанная на происхождении от «создателя молний», Перуна — Сварога, была, очевидно, принесена на средний Дунай антами-хорватами.⁶²

В преданиях о Краке (Кроке) есть еще один крайне интересный момент. И в польском, и в чешском сказании говорится о том, что власть вождя, за неимением наследников мужского пола, переходит к дочерям. О разделе власти дочерьми Крока у Козьмы Пражского уже говорилось. По Кадлубку же, после смерти Крака II, за неимением у него детей, власть приняла его сестра, дочь Крака I — Ванда.⁶³ Мотив этот не привлек бы особого внимания, если бы не его абсолютная уникальность в славянских преданиях о первобытном историческом периоде. Ни в преданиях, ни в иностранных источниках о женщинах-предводительницах у древнейших славян более нигде не упоминается. Мотив связан исключительно с дочерьми чешского «судьи» Крока и польского «короля» Крака. Такое удивительное совпадение не может не отражать какой-то исторической действительности.

Скорее всего, у хорватов действительно разрешалось наследование власти женщиной при отсутствии у правящего князя мужского потомства. Женщина, таким образом, также признавалась носительницей «божественного» начала, свойственного роду «Крака». При этом, кстати, допускалось дробление функций княжеской власти между наследницами (чешское предание о чародейке Кази, жрице Тэтке и судье Либуше). Эти обстоятельства, приведшие со временем, естественно, к прерыванию прямой мужской линии рода, запомнились и в Чехии, и в Малой Польше. Заманчиво было бы связать эту особенность политического устройства хорватов с их происхождением от некогда «женоуправляемых» сарматов.

Недаром Козьма писал о древних чешках: «В то время де-вушки этой страны достигали зрелости быстро: подобно амазон-кам, они жаждали военного оружия и избирали себе предводи-тельниц; они занимались военным делом так же, как и молодые люди, и охотились в лесах, как мужчины; и поэтому не мужчины избирали себе девушек в жены, а сами девушки, когда желали, выбирали себе мужей и, подобно скифскому племени, плавкам [т. е. половцам] или печенегам, они не знали различий между муж-ской и женской одеждой».64

Хорватский племенной союз начал складываться на землях северной Чехии и юго-западной Силезии после 568 г. В него вхо-дили, помимо собственно хорватов, также чехи, населявшие центральные области страны по нижней Влтаве. Возможно, в союз, возглавлявшийся хорватскими «Краками», влились и другие, только возникавшие тогда племена северной Чехии и Силезии. Почти наверняка в хорватский союз вошли на первых порах сер-бы, исторически и этнически тесно связанные с хорватами. Пер-воначальные места обитания «западных» сербов также помеща-ются в Чехии, скорее на севере страны.65 Племенное объединение в Центральной Европе во главе с западными «белыми» хорватами имеется в виду в преданиях, сообщаемых в X в. Константином Багрянородным. Здесь оно выступает как «Великая» или «Белая» Хорватия.66

Причиной сплочения славянских племен северной Чехии под главенством хорватов, вне сомнения, явилась аварская угро-за. Хотя основной натиск аварских орд был направлен против Империи, каган, разумеется, не забывал и о северных границах. Вероятно, уже вскоре после закрепления авар в Паннонии они навязали «мир» на своих условиях славянам Поморавья. Раннее подчинение мораван каганату доказывается и переселением их на Балканы в ходе аварских войн, и тем, что именно Поморавье ста-ло позднее центром так называемой «аваро-славянской» культу-ры Подунавья.

После подчинения мораван каганат стал представлять оче-видную угрозу и для северных племен. Именно непрерывное давление авар стало стимулом к выселению части богемских словен на северо-запад, в междуречье Лабы и Заале. Этот переселен-ческий поток усиливался на протяжении второй половины VI ве-ка. Но чехам и другим племенам под главенством хорватов уда-лось отстоять и свои земли, и свою независимость. Значение хор-ватского племенного союза в западнославянской истории, одна-ко, этим не исчерпывается. Исторические обстоятельства сложи-лись так, что хорватское объединение явилось прямым предшест-венником чешской и одним из предшественников польской средневековой государственности.

Хозяйство, культура, общество

Вторая половина VI в. более богата объективными сведениями о внутренней жизни славянского мира, чем предшествующий период. Из авторов письменных свидетельств, прежде всего, обязаны мы этим императору Маврикию, создавшему в конце века свой «Стратегикон». В первой половине столетия Прокопий Кесарийский, описывая нравы славян, в немалой степени руководствовался общими представлениями о северных «массагетах» и их «гуннском нраве». Маврикий более осведомлен и более практичен. Это чувствуется уже в открывающей его очерк общей характеристике нравов славян: «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в своей земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи».67

В этой характеристике — ни одного лишнего слова. Маврикий дает на основе имеющейся, многократно удостоверенной в военных действиях информации памятку для своих полководцев. То, что нам представляется — и в известном смысле справедливо — лестной оценкой славянских нравов, для ромея VI в. было необходимыми данными об опасном враге.

Точно так же, как необходимую информацию, необходимую уже для ромейских дипломатов, передает Маврикий сведения о славянском гостеприимстве: «К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом».68 Редкостное гостеприимство славян подтверждается позднее многократно. Оно оставалось неизменным, несмотря на все военно-политические перипетии. Несомненно, — об этом можно судить и по известию Маврикия, — гостеприимство имело прочные основания и в обычном праве, и в верованиях. Месть за чужеземца являлась «священной» для гостеприимна. Памятуя о цели наставлений Маврикия, можно не сомневаться и в том, что имперская дипломатия и разведка не избегали пользоваться наивным первобытным обычаем угождения гостю в корыстных целях. Приведенное известие убеждает, кстати, в том, что эпизод с убийством дунайцами Добряты аварских послов был крайне нетипичен для славянского общества.

Характерно, что нигде (в том числе в очерке о быте и хозяйстве) Маврикий не разделяет и не противопоставляет словен («склаво») и антов. На взгляд ромея, славянские племена по-прежнему воспринимались в культурном плане как единое целое. Между тем, насколько можно судить по археологическому материалу, различия между отдельными славянскими культурами (пражской, пеньковской, ипотештинской) в описываемый период становятся четче.

Славяне в изображении Маврикия — скотоводы и земледельцы. «У них, — пишет он, — множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды». ⁶⁹ Это вполне соответствует археологическим данным. ⁷⁰ О характере словенского хозяйства (правда, в областях, удаленных от границ Империи) во второй половине VI в. можно судить по материалам Бржезно. В здешнем стаде преобладал крупный рогатый скот. По костным остаткам, он составлял более половины (52 %) стада. Разводили (в гораздо меньших количествах) свиней и овец. Была в Бржезно и домашняя птица в первую очередь куры, но также утки. ⁷¹ Коневодство играло в Бржезно крайне незначительную роль (менее 2%). ⁷² Но в нижне-дунайских областях во второй половине VI в. его значение возросло, в частности, благодаря угону коней у ромеев. ⁷³ Несомненно, что во многих славянских землях (особенно на востоке) разводили и коз, которых не было в Бржезно.

Из злаков Маврикий упоминает «в особенности» просо и пшеницу-полбу. ⁷⁴ Это также абсолютно соответствует археологическим свидетельствам. Два названных злака преобладали на славянских полях. При этом в некоторых областях предпочтение отдавалось пшенице, в других — просу. Преобладание пшеницы отмечено, например, на поселении Бржезно, причем проса в здешнем зерновом материале менее 1% (при 46% пшеницы). На втором месте здесь ячмень, далее с большим отрывом следуют рожь и овес — но и их здесь больше, чем проса. Жители Бржезно разводили также бобовые — горох, чечевицу, вику, а также выращивали коноплю. Садоводство представлено сливой. ⁷⁵

В этот период в славянских землях, вероятно, все шире распространяется пахотное земледелие. В отличие от Прокопия, Маврикий ничего не говорит о частых перемещениях славян с места на места, характерных для времен подсеки и примитивного перелога. О постепенном переходе к двуполью свидетельствует сам факт длительного существования таких поселений, как Бржезно, или общинных могильников наподобие Пржитлук в Поморавье и Сэрату-Монтеору в Дакии. ⁷⁶ О том же говорит и постепенное увеличение размеров словенских поселений. ⁷⁷ Что касается антов, то они, вероятно, переходили к пашенному земледелию быстрее и почти повсеместно. У словен развитие техники земледелия сопровождалось совершенствованием пахотных орудий. Однако рала с железным наральником встречались преимущественно в зоне контактов с антами (в Поднестровье и Побужье)

или германцами (в Чехии-Богемии).⁷⁸

Маврикий, в отличие от предшественников, не упоминает охоту как источник существования славян. Ее относительно малое место в хозяйстве доказывается и археологически. Во всяком случае, в Бржезно кости диких животных составляли лишь 2% всего материала.⁷⁹

Быт славян греческие писатели второй половины VI в. описывают примерно так же, как их предшественники, что неудивительно. «Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер»,⁸⁰ — отмечает Маврикий. Ему вторит Иоанн Эфесский: «люди простые, которые не осмеливались [до нашествия 580-х гг.] показаться из лесов и из-под защиты деревьев».⁸¹

Более осведомленный Маврикий обрисовал и топографию славянских поселений, в целом соответствующую нашим археологическим данным. «Хории склавов и антов, — пишет он, — расположены поочередно вдоль рек и соприкасаются друг с другом, так что между ними нет достойных упоминания промежутков, а лес, или болота, или заросли тростника примыкают к ним». Леса служили и естественной защитой, и местом укрытия на случай вражеской атаки.⁸² В другом месте Маврикий отмечает различный размер «хорий», некоторые из которых могут «оказаться большими».⁸³ Под «хориями» Маврикий, скорее всего, имеет в виду не отдельные поселения, а «гнездовья», соответствовавшие соседской общине, «миру».⁸⁴

У Маврикия имеется еще несколько странное описание славянского жилища. Славяне, по его мнению, устраивают «много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей».⁸⁵ Это совершенно противоречит предоставляемой раскопками информации о славянском жилье. В корчакских и пеньковских жилищах всегда единственный вход, закрывавшийся деревянной дверью, от которой вела лестница спуск в полуземлянку.⁸⁶ Представляется удачным толкование, согласно которому Маврикий имел в виду не собственно жилище, а комплекс связанных жилищ.⁸⁷ Такие близко расположенные жилища принадлежали одной большой патриархальной семье, входившей в патронимию.

В материальной культуре словен и антов этого времени произошел ряд изменений. В корчакской культуре усиливаются локальные особенности. К востоку от Западного Буга почти безраздельно господствуют полуземлянки, отапливавшиеся печами-каменками.

На западе, по соседству с германцами и в контактной зоне с венедами, полуземлянки сочетаются с наземными избами. Здесь встречаются оба типа наземных славянских домов — наземные дома с подпольными ямами (переходный тип между полу-землянкой и избой) и чисто наземные срубы. Последние характерны для суковско-дзедзицкой культуры. Отапливались дома на западе обычными очагами из камней или глины либо глинобитными печами.⁸⁸

Изменения, происходившие в ареале пеньковской культуры, отражают окончательное слияние составивших ее разноплеменных элементов в антскую общность. Характерная черта наступившего второго этапа антской культуры — унификация. Исчезают такие приметы разноплеменности, как различия в интерьере и конструктивных особенностях жилищ. В частности, очаги полностью вытесняются печами-каменками. Последние складываются теперь почти исключительно из крупных плит. С другой стороны, исчезает закономерность в расположении печи (раньше вход в антское жилище всегда был с южной стороны, а печь — в одном из северных углов).⁸⁹ Очевидно, эта характерная черта славянской культуры была, в свою очередь, утрачена в ходе смешения антских «родов». Но общий облик антской культуры, вне сомнения, славянизировался.

Среди новых культурных явлений в славянском мире нельзя не отметить распространение по антским землям во второй половине VI в. особого типа украшений, название которым дал Мартыновский клад рубежа VI — VII веков. Мода на пояса с богатыми украшениями «мартыновского» типа зародилась среди готов и кочевников в Нижнем Подунавье под влиянием как степного, так и римского искусства. Мартыновские украшения были распространены позже у авар, антов, в Крыму. Их основными «разносчиками», вероятно, являлись кутригуры, смешивавшиеся и с антами, и с аварами, и с приазовскими болгарами. Но немалую роль в распространении украшений сыграли и сами анты. У них большая часть находок сосредотачивается в Поднепровье.⁹⁰

Среди находок в Мартыновском и подобныхкладах — металлические элементы поясного набора, височные кольца, фибулы, ожерелья. Изготавливались все эти украшения из бронзы и серебра. Некоторые из них (пальчатые фибулы, проволочные височные кольца со спиральным завитком) можно считать характерными именно для антской культуры. В целом же мартыновские древности не являлись творением одного народа. Ремесленники разных племен, перенимая друг у друга навыки, работали в русле единой «моды», распространившейся на значительных пространствах Евразии.⁹¹ Несомненно, из антских земель и с антскими переселенцами «мартыновские» предметы стали проникать на север, в земли днепровских балтов.⁹²

Яркими памятниками антского искусства являются мини-тюрные литые изображения людей и животных, найденные в Мартыновском кладе и на ряде поселений. Четыре одинаковых фигурки подбоченившихся («пляшущих») мужчин из Мартыновского клада выполнены с уникальной для тех времен детально-стью и позволяют судить об одежде и внешнем облике своих создателей. На поселении Требужаны найдена еще одна похожая (но не идентичная) фигурка. Пять фигурок из Мартыновского клада изображают животных. Видимо, это сильно стилизованный образ коня, причем в двух вариантах. Звери (в обоих вариантах) изображены на бегу, с разверстыми пастями, с высунутыми языками. В одном, более детальном варианте в оскаленной пасти отчетливо выполнены конские зубы, узнаваема и грива — но «копыта» оканчиваются копиями. Другой вариант более схематичен, и «конские» черты едва опознаются. Более традиционны (притом тоже стилизованны) конские изображения с поселений Самчинцы и Семенки. Наконец, на поселении Скибинцы найдено довольно точное бронзовое изображение льва. Некоторым мартыновским украшениям приданы черты изображений животных и людей.⁹³

Не вызывает сомнений, что фигурки из Мартыновского клада были композиционно и сюжетно связаны между собой, апеллируя к каким-то мифологемам. Возможно, перед нами изображение божества (Перуна?) с его конем — частый мотив славянского народного искусства. То, что конь бога-громовержца предстает как грозное мифологическое чудовище, едва ли должно удивлять. Подбоченившаяся поза нередка для миниатюрных идольчиков позднейшей эпохи, которые также могли использоваться в качестве оберега.

Мартыновские украшения в целом в известном смысле повторили путь, уже ранее проделанный одним из элементов этой группы древностей — фибулами с пальчатыми отростками. Первоначально являясь продукцией имперских мастерских, плащи с пальчатыми фибулами вошли в моду у германских наемников Подунавья в первой половине VI в. Вслед за готами и гепидами их восприняли анты, и во второй половине VI в. фибулы этих типов стали одним из определяющих элементов аптекой культуры, характерным для пеньковцев украшением. Антские женщины, в отличие от германок, застегивавших плащ двумя фибулами, но-сили по одной застежке. Фибулы этого периода несколько проще в исполнении, чем в более раннее время. Изготавливались они уже не только в ромейских мастерских, но и в землях самих антов.⁹⁴ Так, изготовлением пальчатых фибул занималась мастерская на поселении Бернашевка в Поднестровье.⁹⁵

Являясь характерной чертой антской культуры, пальчатые фибулы (вернее, плащи с ними) в то же время оставались предметом вывоза — прежде всего, торгового. Именно

так попадали они из Империи к антам; так же — от антов к соседним племенам. Пальчатые фибулы «днепровских» типов известны у балтских и финно-угорских племен севера Восточной Европы, позднее — и в Крыму.⁹⁶

Вторая половина VI в. отмечена рядом изменений в погребальной обрядности славян. Для этого периода характерно увеличение различий в погребальном обряде между отдельными группами славянского населения. Вместе с тем, сохраняется и много общих черт.

Наиболее значительным погребальным памятником придунайской ипотешти-кындештской культуры является могильник Сэрата-Монтеору.⁹⁷ Первые погребения в нем относятся еще к началу VI в., но основной период функционирования могильника датируется позднейшим временем — до начала VII столетия включительно. На могильнике более 1500 грунтовых захоронений, принадлежащих членам ряда больших семей. Захоронения отдельных большесемейных коллективов образовывали группы. Все захоронения в могильнике — трупосожжения. Но при этом конкретные детали обряда могли варьироваться. Отмечены как безурновые, так и урновые захоронения. Иногда лишь часть перереженных костей помещалась в урну, тогда как остаток просто ссыпался в могильную яму; иногда ссыпанный прах накрывали сверху горшком.

Инвентарь в Сэрата-Монтеору довольно разнообразен. Здесь отмечены пальчатые фибулы из бронзы и серебра, ножи, бусы, поясные пряжки и т. д. Кремация явно производилась в одежде. Среди погребенных были и весьма богато одетые люди. Одно, явно женское погребение, сопровождалось особенно щедрыми подношениями. Помимо украшений, при нем найден ромейский сосуд для хранения благовоний. Также намеренно положенным в погребение инвентарем являлись, очевидно, найденные в другом месте наконечники стрел. Видимо, среди дунайских славян бытовало поверье о полезности инвентаря в загробном мире — но пользоваться им давалось право немногим и в исключительных случаях

В ареале пеньковской и ипотештинской культур безусловно господствует в этот период обряд захоронений в грунтовых могильниках с кремацией умерших. Отмечены урновые и безурновые захоронения; у антов в урновых иногда встречается крайне бедный инвентарь. Немногочисленные погребения с труположением в иеньковском ареале отражают изначальную разноплеменность культуры. Некоторые из них убедительно датируются ранним периодом ее существования и едва ли принадлежат славянам.⁹⁸ Другие отражают процесс взаимного проникновения болгар и славян, особенно в

дунайских землях. С другой стороны, на востоке пеньковского региона, в Поднепровье, потомки аланских кочевников сохраняли ритуал труположения долгое время, уже вполне ославянившись.

Ритуал ингумации умерших, как уже говорилось, с самого начала преобладал у славян, осевших в приальпийских областях, будущей Словении. Здесь его утверждение объяснялось тесными контактами и смешением с германцами и романцами, а также, возможно, ранним проникновением христианства. Славяне здесь хоронили своих покойников в грунтовых могилах со сравнительно скромным инвентарем (ножи, глиняные сосуды), ориентируя тело головой на запад или на восток.¹⁰⁰ Широтная ориентировка позднее характерна для славян и, вероятно, являлась традиционной уже при трупосожжении. Это связано с древнеславянской мифологической картиной мира.

У словен (корчакской культуры) в описываемый период возникает новое явление в погребальной обрядности — над захоронениями в некоторых местах начинают насыпать курганы (пра-слав. *mogyla). «Могила» появляются в двух довольно удаленных друг от друга регионах — на Волыни и в Припятском Полесье с одной стороны, и в подкарпатских областях Словакии, Поморавья и юго-западной Польши с другой. Курганы явно наследуют многие черты обрядности ранних грунтовых погребений. Высота их не превышала метра, чаще полуметра, они насыпались над могильными ямами (в других случаях захоронение в основании кургана) и окружались ровиком. Диаметр кургана мог достигать 10 метров. Кремация умерших совершалась на стороне; погребения как урновые, так и безурновые, с характерным для пражско-корчакской культуры крайне скудным инвентарем или без такового. Перед захоронением в основании кургана разжигался костер. Позднее в кургане могли делать впускные безурновые захоронения. Курганы использовались большими семьями на протяжении нескольких поколений, иногда дольше столетия.¹⁰¹ По всей вероятности, могильные насыпи естественным образом развились в двух славянских регионах из обычая как-то отмечать место захоронения.

Преобладающим типом захоронений при этом оставались грунтовые, почти всегда безынвентарные (кроме чехо-моравских земель, где нередко встречается скудный инвентарь). Они характерны для большей части западного региона пражской культуры. Трупосожжение могло совершаться не только на стороне, но и на месте (ряд могильников Польши¹⁰²).

Согласно известию греческого историка Феофилакты Симокатты, погребение по «обычаю» сопровождалось поминальным пиром с обильными возлияниями¹⁰³ (в V в. он

носил название «отрава»). Судя по известию Феофилакта, если человек умирал в пути, например, в походе, но среди соплеменников, погребение и поминки совершались на месте кончины. Видимо, в этом случае дух покойника, даже сгинувшего на чужбине, считался удовлетворенным. Опасными же считались лишь те мертвецы, которые не были должным образом погребены сородичами.

Маврикий Стратег — первый автор, сообщающий о принятом у славян (словен и антов) обычае самоубийства вдовы после смерти мужа. По его словам, славянские женщины «целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве». ¹⁰⁴ С одной стороны, это чрезвычайно древний обычай. С другой — у славян, в отличие от гуннов, например, он до того не засвидетельствован. В известии Маврикия обращает на себя внимание подчеркивание сугубой добровольности происходящего, а также то, что этот мрачный ритуал не был в его время обязателен («многие из них» — не все). В то же время он к 580-м гг. распространился среди словен и антов достаточно широко, чтобы попасть на страницы «Стратегикона» как важная бытовая деталь.

Распространение самоубийств жен после смерти мужей отражало укрепление патриархальных устоев в славянском обществе. Мужчина начинал восприниматься как единственная и незаменимая опора семейного уклада. Но стоит отметить, что при всем том высокий общественный статус вдов, переживавших мужей, остался общеславянской традицией.

Описываемый период ознаменовался немаловажными переменами в общественно-политическом устройстве славянских племен. В целом они были направлены на усиление расслоения в обществе и укрепление оснований протогосударственности. В обществе, описываемом Маврикием Стратегом, явно немалую роль играет частная (точнее, семейная) собственность. По его словам, словене и анты на случай опасности «все ценное из своих вещей зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего». ¹⁰⁵ Известие «Стратегикона» находит прямое подтверждение в антских кладах наподобие Мартыновского. Одновременно клады эти свидетельствуют и о высокой степени имущественного расслоения. Семьи племенной элиты, которыми и были зарыты клады с мартыновскими драгоценностями, по уровню достатка значительно превосходили сородичей.

Наиболее стремительными темпами шли обогащение и общественное расслоение в придунайских (прежде всего, нижнедунайских) и антских областях. Этому

способствовали и набеги на Империю, и активная меновая торговля с различными соседями. Свидетельство возросшего достатка — богатый сравнительно с Воынью, Полесьем и Польшей инвентарь ипотештинских, от-части пеньковских и чехо-моравских захоронений. В могильнике Сэрата-Монтеору отмечены, как говорилось, несколько богатых погребений. Находка в женском захоронении сосуда для благо-воний в этой связи весьма показательна. Задунайская роскошь служила примером для подражания славянской знати. Богатые женщины следили за собой, перенимая бытовые привычки ромеев. Во время набегов на Империю славяне захватывали не только рабов, скот, оружие — но также золото и серебро, прекрасно осоз-навая их ценность.¹⁰⁶

В то же время с правовой точки зрения общество, очевидно, расслаивалось гораздо в меньшей степени. Во времена Маврикия Стратега у антов и словен каждый мужчина был равноправным воином¹⁰⁷ и, соответственно, имел возможность обогатиться во время войны. Исключительно богатые люди, имевшие возмоз-ность следовать ромейской моде, являлись редкостью.¹⁰⁸ Что ка-сается северо-восточных земель пражско-корчакской культуры, то здесь, как уже упоминалось, не отмечены сколько-нибудь бо-гатые и вообще инвентарные захоронения; нет здесь и кладов, подобных «мартыновским». Эти края были отрезаны от торговых связей с цивилизованным югом и западом, редко доходила сюда и задунайская добыча.

Именно в южных областях резко возросло число рабов-пленников. О захвате и содержании дунайскими словенами ог-ромного количества рабов не раз сообщают греческие авторы.¹⁰⁹ Мы не встречаем более упоминаний о ритуальных убийствах пленников — пленник превратился в высокоценную добычу, и убивали его только в случае опасности. Рабы, несомненно, наря-ду со скотом и драгоценностями являлись важнейшим признаком достатка в славянском обществе. Однако Подунавье было прифронтальной полосой, и рабы нередко бежали от своих хозяев;¹¹⁰ могли они стать и подмогой для вражеской армии.

Славянское общество того времени явно не могло поставить под действенный контроль огромные массы рабов. Возможно, именно этим вызвано некоторое изменение в их статусе. Судя по известию довольно подробно рассматривавшего этот вопрос Прокопия, в его время рабство у словен и антов было пожизнен-ным, хотя и не слишком тягостным. Единственными возможно-стями освободиться тогда были выкуп и случайное возвращение на «свою» территорию. Во второй половине VI в. положение из-менилось. Маврикий пишет: «Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их ус-мотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья».¹¹¹

Выбор при этом бывал отнюдь не столь однозначен, как может подуматься. В руки славян, конечно, попадали люди само-го разного достатка, нрава, религиозных убеждений. В славян-ском обществе, где положение рабов мало отличалось от статуса младших членов семьи, многие могли завести дружеские и даже родственные связи. Число оставшихся, вне сомнения, было дос-таточно велико. Новые «друзья» становились полноправными членами общины, к тому же под защитой славянских законов гостеприимства. Община получала рабочие руки и воинов-защитников, подчас весьма преданных. Во всяком случае, пре-достерегая от доверия к «так называемым перебежчикам», Мав-рикий с прискорбием отмечает: «Ведь есть и ромеи, переменив-шиеся со временем и забывшие своих; они предпочитают благо-склонность к врагам».»¹¹²

На правах «друзей» в славянских общинах жили люди само-го разного происхождения. Среди них могли быть как бывшие рабы, так и беглецы либо торговцы из сопредельных стран. Феофилакт Симокапа упоминает в дружине «Мусокия» гепида хри-стианского вероисповедания.¹¹³ Несколько иными, оче-видно, бы-ли основания для совместного проживания со славянами в рамках единых общин целых иноэтничных групп (германцев, романцев и др.).

Политическое устройство славянских племен Маврикий сначала характеризует почти так же, как Прокопий. По его сло-вам, склавы и анты при всей своей многочисленности «не знают порядка и власти», что существенно ослабляет их перед лицом внезапного нападения.¹¹⁴ Ниже он еще раз подчеркивает: славяне пребывают в «анархии и взаимной вражде». ¹¹⁵ Говоря о «взаим-ной вражде», Маврикий без сомнения имел в виду — в том числе — межплеменные распри и непрочность племенных союзов. Далее он упоминает о несогласиях славянских вождей друг с другом.¹¹⁶ Но подразумевает он также и внутрплеменные разногласия, с легкостью обнаруживающиеся на вече и могущие проявиться да-же в бою.

Славянский политический строй ромеи по-прежнему вос-принимали как анархию. Теперь уже удавалось время от времени вступать в «соглашения» с отдельными приграничными племе-нами, и это свидетельствовало о значительном развитии самого славянского общества. Но, — предупреждает Маврикий, — «они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам». Виной тому, впрочем, не какая-то злокоз-ненность славян, а та самая «анархия»: «Так как господствуют у них различные мнения, — поясняет император-стратег, — они либо не приходят к согласию, либо, даже если и соглашаются, то ре-шенное тут же нарушают другие, поскольку все думают противо-положное друг другу и ни один не желает уступить другому». ¹¹⁷ Здесь перед

нами — описание решения политической проблемы на славянском вече. Коллективная власть племени заключает, на-пример, союз с Империей. Для принятия решения требуется «со-гласие» подавляющего большинства, если не всех участников ве-ча. Но при этом другое племя — даже того же союза — соглашени-ем ни к чему не обязывается, и с легкостью может открыть воен-ные действия сразу после его заключения.

С другой стороны, Империя могла использовать и использо-вала межплеменные раздоры и в собственных интересах. Маври-кий рекомендует «некоторых из них прибрать к рукам с помо-щью речей или даров, в особенности тех, кто ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к объединению или монархии».118

Итак, с одной стороны, у славян, по мнению Маврикия, ца-рит безвластие. С другой, многочисленных вождей, которые «не согласны друг с другом», он определяет термином «рикс». Слово это со второй половины VI столетия на время закрепило в каче-стве одного из ромейских обозначений предводителей славян. феофилакт, тем не менее, определяет этот термин как слово из «языка варваров».119 Поскольку в данном случае историк излага-ет сведения о словенском вожде, полученные ромеями от пере-бежчика-гепида, можно заключить, что «риксами» славянских вождей стали называть германцы. У самих славян этот термин совершенно не засвидетельствован.

В политическом лексиконе и Империи, и германских племен «рикс» (rhz > rik, латинское rex) — король, наследственный и по-жизненный правитель. Очевидно, во второй половине VI в. власть антских и словенских вождей, по крайней мере, на сто-ронний взгляд, соответствовала этому понятию. Тем не менее, «рикс» еще очень много, отдельные племена не сплочены в «монархию». Как «рикс» может определяться один из значитель-ного числа мелких правителей, племенной вождь. В то же время, термин приложим и к вождю крупного племенного объединения, каким, несомненно, выступает Мусокий у Феофилакта. Едва ли стоит сомневаться, что «рикс» передает славянское понятие «князь». В первом случае речь идет о каждом из множества «ма-лых» князей (или владык), во втором — о великом князе.

Власть князей (владык) у славян в описываемое время укрепилась. Вероятно, на всех уровнях она уже стала передаваться по наследству в пределах одной семьи. Одни и те же вожди предво-дительствоваали дунайскими словенами на протяжении десятиле-тий — надо думать, пожизненно. Скорее всего, обычай ритуально-го убийства откровенно «несправившегося» князя у славян при-менялся все реже. По крайней мере, никаких

свидетельств о нем нет. Маврикий, живописуя славянскую «анархию», ни словом не обмолвился о столь характерной детали. Славянские вожди (в том числе и с титулом князя-«рикса») выступают как представи-тели племени во внешних сношениях и, надо полагать, носители сакральной и судебной власти. Они — и военные предводители, как Мусокий у Феофилакта.

Еще одна любопытная деталь — Феофилакт впервые приме-нительно к славянам упоминает «страну, подвластную» конкретному вождю.¹²⁰ Он же впервые говорит о «Склавинии» как осо-бой территории за Дунаем.¹²¹ Это свидетельствует, что славян-ские племена уже имели довольно четкие границы. Общая их территория признавалась у соседей особой, им принадлежащей страной.

«Рикс» — не единственное обозначение вождя славянского племени в это время. Судя по труду Феофилакта, некоторые вож-ди, в том числе самостоятельные, весьма высокого ранга, «риксами» не числились. Один из таких предводителей у греческого историка назван «филархом», а ниже — «таксиархом».¹²² Первый термин обозначает предводителя «филы», родоплеменной группы и одновременно военной единицы. «Таксиарх» — воинское звание и может служить довольно точным соответствием для славянско-го слова «воевода». Надо думать, в это время у славян, как у позднейших владов или черногорцев, племенной вождь мог зваться и князем, и воеводой. При этом титул воеводы подразу-мевал изначально некоторое ограничение полномочий военной сферой.

Отсутствие упоминаний об убийствах правителей, о риту-альных зверствах на захваченной территории знаменует, видимо, некое умаление изначально большой (особенно у словен) роли воинских братств. То, что традиции, связанные с древними сою-зами «людей-волков», продолжали существовать долго, особых сомнений не вызывает. Однако конкретное значение союзов бойников-«волкодлаков» неизбежно падало. Они должны были отка-зываться от любых форм конфронтации с общиной и племенем (в том числе от свирепых воинских обрядов) — либо превращаться в безродных изгоев, «разбойников» в современном смысле слова. Первый путь с очевидностью вел к трансформации военного «тайного» союза во вполне открытую обществу княжескую дру-жину.

Но в описываемое время процесс этот оставался еще в на-чальной стадии и был довольно далек от завершения. Во всяком случае, насколько можно судить по скурым сведениям греческих источников, отборные отряды словен («из отборных и опытных воинов», «избранный цвет всего народа»¹²³) не были связаны с каким-то конкретным

предводителем. Их следует считать скорее племенной, чем княжеской «отборной» дружиной — то есть членами воинского союза. «Отборные и опытные» воины опознаются ромеями по внешности и боевому кличу.¹²⁴ Следует помнить, что во времена Прокопия часть воинов у славян сражалась полуобнаженными — очевидно, именно «волкодлаки», считавшие себя неуязвимыми в битве, подобно скандинавским берсеркам. Псевдо-Кесарий же упоминал, что словене используют в качестве клича волчий вой.

Вероятно, членом воинских братств имел в виду и Маврикий когда говорил об «отчаянных юношах, имеющих среди них [склавов и антов]» и атакующих ромеев из засад.¹²⁵ Нельзя не заметить, что праславянское слово *jupakъ («юнак») со значением «юноша, герой-воин»¹²⁶ вполне могло обозначать членом воинских союзов. Большую часть бойников, вне сомнения, всегда составляли молодые люди.

Итак, воинские союзы продолжали существовать и сохраняли известную автономию от княжеской власти. По крайней мере, так обстояло дело у словен. Ф-сть, однако, основания считать, что у антов, где их роль всегда была меньше, произошли уже важные перемены. Распространение «мартыновских» древностей свидетельствует о зарождении в антских землях культуры нового типа — дружинной, интернациональной по происхождению, характерной для большинства народов на сходной стадии развития. Во властную элиту антского общества вливались воины, чей профессионализм сформировался не в воинских братствах, а на службе Империи. Там же были заложены основы их материального достатка, а также сложилось своеобразное «культурное лицо». Этот новый общественный слой, очевидно, включал выходцев из разных этносов (как антов, так и словен, болгар, аланов). Для них естественно было группироваться вокруг военных предводителей — воевод или князей. Таким образом, упрочивая власть вождей, антские племена совершали важный шаг вперед, к ранней государственности.

Описание Маврикия дает нам сведения о славянских племенах юга — антах и словенах (в первую очередь, дунайских). Культура и общество северных славян, носителей суковско-дзедзицкой культуры, имели некоторые выразительные отличия. Судить о них мы можем почти исключительно по археологическому материалу. Единственный современный событиям автор, упоминающий о северных славянах и сообщающий кое-какие данные об их образе жизни — Феофилакт Симокатта. Его сообщение основано при этом на информации, полученной от захваченных императором Маврикием славянских послов к аварскому кагану. Едва ли эта информация соответствует действительности во всех своих деталях.¹²⁷

Особенности суковско-дзедзицкой культуры в немалой степени предопределились

особенностями ее предыстории. Венеды представляли собой совокупность разрозненных общин или крайне небольших племен, довольно пестрого в этническом плане происхождения. Разбросанные по почти безлюдной стране, они были вынуждены вести суровую борьбу не столько с враждебными соседями, сколько с природой.

Расселялись «суковцы» немногочисленными группами, и наиболее распространенный тип их поселения — небольшая весь. Ее население, вероятно, представляло собой патронимический коллектив, объединение нескольких близкородственных больших семей. У венедов преобладало подсечно-огневое земледелие. На давно освоенных землях, в Великой Польше или Силезии, оно могло сменяться перелогом. Там, где расселявшиеся славяне встречали германцев, продолжалось использование старых па-шен.¹²⁸ При этом земледелие, скорее всего, являлось основным источником существования.¹²⁹ Но можно не сомневаться, что в этих лесистых краях намного большую роль, чем на юге, играли охота и рыбная ловля. О скотоводстве данных мало, но ранние находки шпор свидетельствуют о наличии (едва ли широко распространении) коневодства.¹³⁰

Преобладает (если не безраздельно господствует) кучевая застройка поселений.¹³¹ Это также свидетельствует о большесемейно-патронимическом характере общественной структуры. Характерной особенностью суковско-дзедзицкой культуры, связанной с климатическими условиями, является строительство ее создателями исключительно наземных домов — изб. Сам термин «изба», впрочем, своим происхождением связан с югом и прине-сен на север словенскими переселенцами. Немногочисленные по-луземлянки на землях Польши, очевидно, оставлены ими же. В суковско-дзедзицком ареале отмечены два типа наземных жилищ наземные срубы и жилища с подпольными ямами. Последние, естественно, лучше прослеживаются археологически. Они отмечены также у словен и возможно, появились отчасти под их влиянием. Подпол устраивался посередине жилья, имел различные формы и площадь от 3 до 5,9 м², глубина его до 0,4 м. Очаг располагался рядом с подполом, на полу самой избы. Это одно-двухъярусная каменная кладка или углубление размером примерно 2,5 м². Печи-каменки, иногда встречающиеся в суковско-дзедзицких избах, очевидно, — следствие миграции с юга. Наряду со срубами отмечены дома столбовой конструкции — свидетельство участия ославянившихся германцев в сложении культуры.¹³²

Послы приморских славян утверждали перед Маврикием, что «их страна не знает железа».¹³³ Это представляется неким лукавством или преувеличением. Во всяком случае, металлические предметы на суковско-дзедзицких поселениях, в том числе самых ранних, отмечены. Другое дело, что среди них практически нет орудий земледельческого труда, оружие же встречается крайне редко. В основном это детали одежды и украшения, чаще всего привозные.¹³⁴ Можно думать, что металлообработка

была развита крайне слабо.

Лепная керамика довольно близка пражско-корчакской.¹³⁵ Суковские и пражские горшки сближаются наибольшим расширением в верхней части — что резко отличает их от пеньковских. Но горло суковских горшков шире, днище невелико. На суковской посуде чуть чаще, и все же очень редко встречаются простейшие узоры — ногтевые или волнистые. Наряду с близкими к пражским отмечены также горшки биконической формы. Биконическую форму имеют и суковские миски.¹³⁶

Значительно отличались суковские племена от южных сородичей своей духовной культурой. Это проявляется, прежде всего, в особенностях погребального обряда. Могильники суковцев нам почти совсем неизвестны. Сохранились следы разбрасывания остатков кремации умерших на поверхности, в определенных местах.¹³⁷ Единичные грунтовые могильники Повисленья — еще один след переселения словен с юга.

Именно в суковском ареале отмечено длительное сохранение жестоких обычаев, регулирующих численность населения. Потомки венеков в Восточной Германии и Поморье еще в средние века убивали новорожденных девочек и расправлялись с немощными стариками.¹³⁸ Сохранение или возрождение этих явлений надо связывать с крайне тяжелыми условиями жизни суковских общин. Следует отметить, что для суковцев было характерно особое поклонение богу загробного мира Велесу и, должно быть, иное отношение к смерти, чем у большинства славян. Это каким-то образом находит отражение и в их погребальном обряде. Изменения в религиозной сфере, связанные с воздействием других славянских племен, происходили медленно и не у всех венеков.

Любопытная деталь, связанная с культурой славян Севера, — именно у них, а не у более знакомых антов или словен, греческий автор впервые упоминает музыкальный инструмент. Захваченные Маврикием послы не имели при себе никакого оружия, зато несли «кифары»¹³⁹ — вероятно, широко известные у славян гусли. Если верить их словам, то музыка («безыскусные мусические упражнения», в трактовке ромейского автора) была весьма развита у славян Поморья.

Очевидно, что венеки дольше сохраняли архаику и в своем общественном строе (например, значительное влияние автономных от общин воинских союзов). Княжеская власть, основанная на представлении о происхождении вождей от Сварога-Перуна

через ритуальный союз кузнецов, характеризующаяся сакральными двусоставными именами, была, вероятно, принесена в великопольские земли с юга и сначала воспринималась как «рабст-во». У ободричей, в отличие от соседних велетов, двусоставные имена, кажется, не были в ходу еще и в конце VIII века.

О том, каков был политический строй венедов в Поморье, позволяет отчасти судить Феофилакт. Правителей их он определяет как «этноархов».140 Слово «этноарх» может обозначать «старейшину», мелкого варварского вождя. «Этноархи» племени принимают совместные решения, в частности, по внешнеполитическим вопросам, отправляют от имени племени послов — но от «монархии» эта ситуация отстоит весьма далеко. Вероятно, «этноархи» соответствуют зажиточным «господам», панам — старшинам отдельных патронимии, объединенных в соседские общины-миры и далее в племя. Едва ли можно предполагать в это время наличие у венедов Полабья и Поморья крупных племенных союзов. О крайней дробности их политического деления свидетельствует большое число равных по значению городищ, возникающих здесь в конце VI века.141

«Этноархи» обладали частной собственностью. Известно, что лично они принимали дары от аварского кагана, а клады (результат тех самых даров) найдены в Поморье археологами.142 Нет, однако, никаких оснований полагать, что до начала прямых контактов с каганатом имущественное расслоение у венедов Поморья или полабского региона зашло сколько-нибудь далеко. Не было им, очевидно, известно и денежное обращение — но драгоценный металл использовался в качестве эквивалента. Развитие общественных и экономических отношений в северном славянском регионе происходило по мере расширения контактов с Аварским каганатом и, особенно, с Франкским государством. Но определялось это развитие, конечно, внутренней потребностью славянского общества.

Военное дело

Длительные войны славян против Империи дали в рассматриваемый здесь период богатый материал ромейским авторам, описывавшим вооружение и тактику противника. Специальное внимание боевым характеристикам «варваров» уделяют, разумеется, Маврикий и Военный Аноним. Но и другие писатели сообщают ценные сведения о военном деле у словен. Антам, не являвшимся постоянными противниками Империи,

естественно, уделяется меньше внимания.

По Маврикию, каждый славянский воин (и «склав», и ант) «вооружен двумя небольшими копьями».143 По словам Иоанна Эфесского, это было основное, чаще всего единственное оружие словен, предназначенное для метания.144 Нередко встречались у славян сделанные из дерева луки с небольшими отравленными стрелами. Наконец, некоторые воины прикрывались щитами — как говорит Маврикий, «крепкими, но труднопереносимыми».145

Эти сведения о славянском оружии полностью соответствуют археологическому материалу, в котором отмечены металлические наконечники стрел и копий. Ножи и топоры, также засвидетельствованные археологами, для боя, очевидно, не предназначались. Однако этим арсенал славянского воина не исчерпывался. Во время войн и набегов в виде трофеев славянам доставалось самое разное оружие. 146 В частности, высоко ценились мечи, наличие которых у славян косвенно засвидетельствовал Ме-нандр.147 Примерно в описываемое время из древневерхненемецкого языка было заимствовано слово «броня».148

Насколько можно судить по свидетельствам современников, славяне сражались преимущественно пешими. Однако при набегах на Империю в руки им попадало достаточное количество коней, чтобы создать конницу.149 К концу VI в. она у дунайских словен уже имелась.150 У антов же, судя по устойчивым мотивам их искусства, коневодство всегда играло немалую роль. Следует отметить, что верховая езда отмечена археологами и для чрезвычайно удаленных от имперских границ племен — у венедов на землях нынешней Польши.

Маврикий оставил красочное, но несколько противоречивое описание боевой тактики славян. Сперва151 он повествует, что «они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают». Последнее совпадает со свидетельствами более ранних и современных авторов, которые единогласно свидетельствуют, что славяне предпочитали для войны места лесистые и гористые. «Если же и придется им отважиться на сражение, — продолжает Маврикий, — они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса». Там славяне имеют «большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах» — еще один отмеченный уже Прокопием факт. Более того, по описанию Маврикия, славяне нередко бежали в леса, будучи застигнуты с

добычей. Но как только противник скапливался у брошенного обоза, славяне внезапно обрушивались на него. Судя по «Стратегикону», подобную хитрость они применяли не раз.

В другом месте, — и здесь-то можно увидеть некое противоречие — Маврикий описывает достаточно правильное сражение со славянской ратью. Славяне здесь, кажется, уже имеют некий строй. Во всяком случае, «занимая более укрепленное место и будучи защищенными с тыла, они не допускают возможности, чтобы подвергнуться окружению или нападению с флангов либо тыла». Император предлагает в таком случае завлечь славян в засаду притворным бегством.¹⁵²

Скорее всего, противоречие кажущееся. В первом случае описывается славянская атака, видимо, действительно выглядевшая на взгляд ромея беспорядочной (хотя можно предположить, что в первых рядах сражались члены воинских братств — их боевой клич и внешний вид должны были повергнуть противника в страх). Далее говорится о славянах, застигнутых на марше — при чем стоит обратить внимание, что добычу они держали в одном месте строя, так что она могла служить зримой приманкой для противника. Во втором же описании характеризуется славянская оборона, удерживание занятой позиции (например, в тех же «теснинах»). Разбить ее можно было, по мнению Маврикия, спровоцировав славян на анархическую, по их обыкновению, атаку.

И Маврикий в данном фрагменте, и Военный Аноним¹⁵³ говорят об эффективности применения засад в войне со славянами. Но если автор трактата «О засадах» относится к славянам довольно пренебрежительно и не говорит об опасности засад с их стороны (в отличие от болгар), то Маврикий более осведомлен. Он не раз подтверждает известный уже Прокопию факт — славяне и сами чрезвычайно искусны в военных хитростях, внезапных нападениях, засадах.¹⁵⁴

Маврикий приводит любопытный пример военных хитростей славян. По его словам, они «мужественно выдерживают в воде, так что часто некоторые из них, оставшиеся дома и внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки, целиком выдолбленные и достигающие поверхности воды; лежа навзничь на глубине, они дышат через них и выдерживают много часов, так что не возникает на их счет никакого подозрения. Но даже если тростинки окажутся заметными снаружи, неопытные посчитают их растущими из-под воды».¹⁵⁵

Уже во времена Прокопия, при нашествии 550 — 551 гг., славяне впервые стали захватывать укрепленные города. Тогда еще неизвестно о применении ими каких-либо сложных техниче-ских средств. Но славяне учились — и у самих ромеев, на службе им, и у имеющих немалый опыт кочевников. Во всяком случае, при осаде Фессалоники в 586 г. славяне уже имели немало разнообразных осадных приспособлений.¹⁵⁶ Греческие авторы отмеча-ют особые способности славян в наведении переправ через вод-ные преграды. Тк, Маврикий пишет: «они опытнее всех людей и в переправе через реки».¹⁵⁷ Фефилакт Симокатта отмечает, что авары пользовались руками славян для переправы через Дунай. Для переправы, как и для движения по рекам, славяне использо-вали плоты и челны-однодеревки. На славянском челне умеща-лось два десятка воинов.¹⁵⁹

Во второй половине VI века славяне впервые спускают свои суда на море. Первым подобным примером, как уже говорилось, была попытка проникнуть морем за стену Хереонеса Фракийско-го в 559 г. Тогда «гунны» (а вернее, надо думать, словене из гунн-ского войска) построили примитивные транспортные плоты. При этом они не слишком умело подражали ромейскому кораб-лестроению.

О том, что представляли собой эти первые морские суда славян, можно судить по сообщению Агафия Миринейского: «Они собрали огромное количество тростника, самого длинного, крепкого и широкого и, окропив стебли и увязав их веревками и шерстью, изготовили множество плотов. Сверху поперек они на-ложили прямые деревянные бревна, как скамьи для гребцов, но не везде, а только по краям и посередине. Скрепив их самыми крепкими узами, они соединили и связали между собой как мож-но прочнее так, чтобы три или четыре образовали один плот, имеющий достаточное пространство для помещения четырех гребцов, и чтобы они способны были выдержать тяжесть поме-щенного там груза и не затонули вследствие недостаточной вели-чины... Чтобы увеличить их плавучесть, передние их части не-много округлили и загнули назад наподобие носа и, подражая бортам корабля и парапетам, они приладили с каждой стороны колки для весел и устроили нечто вроде передней и задней частей корабля, где не было весел и скамей для гребцов».¹⁶⁰

Мы помним, что первая попытка морского боя кончилась для славян неудачно. В 586 г. под Фессалоникой они строили «широкий деревянный плот» - вновь не добившись в морском штурме успеха.¹⁶¹ Впрочем, уже спустя год после осады Фессалоники славяне успешно вторглись на остров Эвбею. Негативный опыт учитывался, и в VII в. греческий автор уже признавал, что (славяне приобрели большой навык в отважном плавании по мо-рю с тех пор. как они начали принимать участие в нападениях на Ромейскую державу».¹⁶² Навык этот обретался не только на юж-ных морях. В последних

десятилетиях VI в. славяне на севере постигли Балтики. Уже в следующем веке они оказались в состоянии совершить переселение через ее воды на остров Рюген.

Военное дело славян развивалось и совершенствовалось в борьбе с ромеями и кочевниками. Слабые стороны славян — первобытный характер общества, отсутствие централизации, известная стихийность войн и набегов — были в то же время и сторонами сильными. Они делали невозможным, прежде всего, насильственное подчинение славянских земель, организацию на населенной славянами территории постоянного чужеземного управления. Силы славян и Империи были несопоставимы — но славяне начали с ромеями войну на измор в условиях, когда Константинополю противостояли и более сильные враги.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВТОРОЙ ШТУРМ ИМПЕРСКИХ ГРАНИЦ

Второе нашествие

Относительно мирная передышка в отношениях между дунайскими словенами и Империей продлилась до середины 570-х годов. Но она не означала прекращения расселения славян — как словен, так и антов, — на землях Империи. Всю вторую половину VI в. шло постепенное просачивание славян в провинцию Скифия. Оседание их здесь, кажется, не сопровождалось никаким сопротивлением имперских властей. Более того, важнейшим центром славянского присутствия еще с начала века оставалась крепость Диногения — опорный пункт ромеев на Дунае. Здесь анты и, возможно, словене жили на правах федератов Империи, сохраняя при этом все черты своей культуры.¹

Если Империя, надеясь защитить границы от других врагов, сквозь пальцы смотрела на занятие славянами Малой Скифии, то новое положение дел едва ли устраивало всех местных жителей. Археология фиксирует постепенную «варваризацию» культуры области. Та часть местных жителей, которая уцелела после набегов кочевников и тех же словен, либо покидала Скифию, либо должна была смешаться с пришельцами. С другой стороны, избравших последний путь было не так уж мало. По крайней мере, пришлые «варвары» смогли перенять и развить навыки прежних обитателей в действительно важных для себя областях — в добыче и обработке металлов, в земледелии.²

Словене, конечно, не всегда приходили с миром. После ухода авар на запад мелкие набеги, сопровождавшиеся грабежами и захватом пленных ромеев, возобновились. Вероятно, они не прекращались в течение всей первой половины 570-х гг.³ Эти предпрятия, однако, носили локальный характер и не нашли никакого конкретного отражения в источниках.

Основной причиной, побуждавшей словен искать новых мест к югу от Дуная, несомненно, являлась возрастающая численность населения. Судя по масштабам развернувшегося в 578 г. славянского нашествия, накануне его к северу от Дуная скопилась огромная масса безземельных словен. Именно это и разрушило долгий, хотя ненадежный и негласный, мир между основной их массой и Империей. Причина могла быть только одна — внезапный и почти одномоментный приток нового населения.

Материалы могильника Сэрата-Монтеору показывают, что переселения с севера в земли дунайских словен происходили периодически на протяжении второй половины VI века. Источником для этих миграционных волн служил «пражский» ареал.⁴ Первую из них, проложившую путь последующим через ранее принадлежавшее антам поречье Прута и Сирета, следует отнести к 560-м или 570-м гг., времени после разгрома антов аварами. Не будет, скорее всего, ошибочным предположение, что именно эта волна сдвинула с места массы словен около 577 г.

Источником миграции стали дулебские земли по Западному Бугу. Проходя через Верхнее Поднестровье и нынешнюю румынскую Молдову, дулебы покорили или увлекли с собой местные антские племена. В VII в. такие антские племена, как северы и сагудаты, уже считались словенами. В миграции, вызванной, скорее всего, нехваткой пахотных земель в Полесье, участвовали самые северные дулебские племена — дреговичи и берзичи с далекой Припяти.

Миграция имела своим непосредственным итогом установление непосредственной границы и прямых связей между дунайскими словенскими племенами и дулебским племенным союзом под предводительством Мусокия-Маджака. Любопытно, что только с 580-х гг. мы имеем определенные сведения об употреблении у дунайцев двусоставных княжеских имен. Антские племена, оставшиеся на своих местах, влились в один из словенских союзов. Некоторые из них были увлечены переселением дулебов и переместились в их числе в Мунтению. Граница между Империей и условно-союзными ей антами в последующий, период ограничивалась дельтой Дуная.

Переселение родственных дулебов не привело к серьезным столкновениям даже с антами, тем более с родственными дунайскими племенами. Дунайцы приняли дулебов с миром. Лучшее свидетельство тому — сохранение структуры дунайского союза. Его в конце 570-х гг. возглавлял все тот же Добрыта. Но вожди дунайцев должны были решать проблему расселения пришельцев — тем паче, что за этими шли другие, не только из дулебских, но и из «ляшских» земель. Самым лучшим, если не единственно возможным вариантом была переправа через Дунай. Мы лишены данных о непосредственном начале вторжения, хотя Менандр в утраченной части труда, видимо, что-то сообщал.⁵

Обстановка складывалась благоприятно для словенского нашествия. Держава ромеев, казалось, агонизировала. В 573 г. лангобарды, авары и персы почти одновременно разгромили имперские войска в Италии, Фракии и Сирии. Император Юстин, полностью отчаявшись, сошел с ума, к тому же его разбил паралич. Императрица София добилась в 574 г. назначения кесарем — фактическим правителем Империи — полководца Тиверия. Тиверий, за год до того разбитый аварами, поспешил заключить с ними мир. Перемирие удалось было заключить и с персами. Но в 576 г. военные действия на восточной границе возобновились.

Тиверий попытался обратиться за помощью к тюркам, с которыми Империя с 568 г. поддерживала союзные отношения. Но их каган к тому времени сам заключил мир с Ираном и не собирался его нарушать ради ромеев. Имперские послы получили от Турксанфа, сына Истеми и правителя западной части каганата, резкую отповедь, смешанную с угрозами. Турксанф небезосновательно обвинил Империю в двуличии, в заигрывании и с ним, и с Баяном. К этому времени тюрки уже разгромили и покорили Аланию и утигур. Ромеи лишились последних возможных союзников в Степи. Ответом на посольство Тиверия стала война. Турксанф двинул свою орду к Боспору — опорному пункту Империи в Приазовье. Когда под ударами тюркютов и утигур Боспор пал, Турксанф атаковал ромейские границы в Крыму и Закавказье.⁶

В этой-то обстановке на фракийскую границу обрушились словене. Нашествие началось на рубеже 577/578 г. Славяне, вероятно, как и в 559 г., перешли замерзший Дунай по льду. После этого огромная масса «варваров» атаковала ромейские земли во Фракии.

Менандр оценивает число вторгшихся словен в 1000008. Даже если цифра эта преувеличена, скажем, вдвое, она о многом свидетельствует. Во-первых, речь идет о нашествии, многократно превосходящем по своим масштабам все предыдущие. Вторглось просто войско — целый «народ» шел, очевидно, с семьями в поисках новых мест поселения. Словене рассеялись по диоцезу Фракии, проникнув в сопредельные земли, действуя во многих местах одновременно — это посеяло панику и создало преувеличенные представления об их численности. Между тем, Империя не могла организовать должного отпора. На востоке велись затяжные переговоры с персами, и снять оттуда войска у Тиверия не было возможности. Между тем воевать приходилось и в Африке с берберами, и в Приазовье с тюркютами. Балканские провинции оказались предоставлены сами себе.

Сильнее всего пострадала, конечно, Фракия, подвергшаяся первому и наиболее сильному удару. Она была разграблена, причем «многие города римлян», захваченные словенями, оказались полностью опустошены и брошены. Словене пока не оседали на новых местах, стремясь полностью очистить и обезопасить их для себя.

Нашествие очень быстро выплеснулось за границы диоцеза. Словене, вероятно, не решились двинуться к Константинополю, и направились главным потоком на запад, в земли Иллирика — причем не в придунайские, прилегающие к рубежам Аварского каганата, а южнее, в Элладу. Вскоре основные силы словен уже опустошали Грецию. На этот раз Фермопилы не остановили вторжения. Насколько велик был ущерб, неясно. Кажется, что в тот год словеням еще не удалось захватить ни одного крупного города.

Тиверий весной 578 г. оказался в крайне затруднительном положении. Войск, чтобы защитить Европу, ему не хватало. Главная угроза, с его точки зрения, исходила все же от персов. Приходилось для защиты Запада искать союзников вне границ Империи. Между тем, союз с антами никак себя не проявил. Он мог использоваться лишь против авар, врагов антов. В настоящее же время Империя находилась в «дружеских» отношениях с Баяном. Анты логично должны были сократить или прервать контакты с Константинополем и искать других союзников — среди общих врагов ромеев и авар. Можно не сомневаться, что отдельные антские отряды участвовали в боях как тюрки и

болгар, так и словен с ромеями. Ромейские офицеры времен Тиверия — Маврикий и Военный Аноним — в своих руководствах по военному делу однозначно считают ангов врагами или потенциальными врагами, о чем уже говорилось. И так, на ангов Тиверию надеяться не приходилось. Единственной возможностью — хотя кесарь не мог не сознавать опасности этого шага — оставалось в сложившихся обстоятельствах обращение к Баяну.

Аварский каган умело разыгрывал роль «друга» ромеев. Как бы хорошо ни понимали в Константинополе неискренность кагана, положение было слишком тяжелым. И надо признать, что Баян оправдал надежды Тиверия. Кесарь обратился к кагану с просьбой — «поднять войну против славян, чтобы те, кто разоряет ромеев, отвлекаемые своими бедствиями и желая помочь отчужденным, скорее бы прекратили разорение ромейской, а другие приняли на себя опасности своей [земли]»¹¹. Баян с готовностью откликнулся. Он давно ждал повода и возможности расплатиться с Добрыней за гибель своих послов. Не последним (а может, и главным) аргументом была для аварского кагана и возможность захвата богатой добычи: «издавня ромеи опустошались славянами, их же собственная земля каким-либо другим из всех народов — никоим образом».¹² Кроме того, помощь Империи усыпила бы бдительность Тиверия в условиях, когда Баян уже подумывал о нарушении мира.

Ромейский военачальник Иоанн организовал переправу войск Баяна через Саву в Иллирике. Переправилось, по данным Менандра (впрочем, как отмечает он, так «говорят»), огромное войско — около 60 тысяч всадников. Это шесть «туменов» по счету самих кочевников. Во всяком случае, численность армии авар и подвластных им племен была сопоставима с разбредшимися по землям Империи словенами и превосходила их в вооружении. Конница Баяна была «облачена в панцири». Основные силы напавших словен находились в Греции, и на землях Мезии и Скифии серьезных столкновений не произошло. Иоанн без каких-либо проблем провел орду Баяна по северным пределам Империи и в низовьях Дуная переправил их через реку на заготовленных для этой цели грузовых судах.

Баян «немедленно» обрушился на словен. Удар его был, очевидно, неожидан. В условиях массового нашествия словенские вожди не могли предвидеть ответа из-за Дуная. Свидетельство Менандра, кажется, подтверждает его слова о многочисленности аварского войска. Словене не осмелились вступить в битву. Подавленные, как представляется, численным превосходством кочевников, «они убежали в чащи и укромные уголки леса». Баян безнаказанно «принялся жечь деревни славян, разорять поля, все абить и опустошать». Едва ли добыча обманула его ожидания.¹³

Неизвестно, как именно отреагировали на вторжения Баяна вене, действовавшие за Дунаем. Однако разорение Балкан прекратилось, и заселения Греции славянами в эти годы еще не произошло. Очевидно, словене отхлынули из Эллады назад к Дунаю. Частично они могли вернуться за реку, чтобы попытаться противостоять Баяну, частично остаться в Скифии, где прирост славянского населения, кажется, не прерывался.

Столкновение с аvaraми оказалось для словен неудачным. Нашествие, видимо, было грандиозным предприятием, в которое втянулись многие племена. Земли самих дунайцев не готовились к обороне. Удовлетворив себя грабежом, Баян навязал словенам мир на своих — и Тиверия — условиях, и дунайцы вынуждены были согласиться. Очевидно, в числе условий было прекращение военных действий против Империи. Словене освобождали всех ромейских пленных. Как позже хвалился Баян, он «много мириад пленников из ромейской земли, у словен бывших в рабстве, снова вернул ромеям свободными». Дунайским словенам была назначена ежегодная дань в пользу Баяна.¹⁴ С тем аvarы и покинули разоренную страну, — вновь пройдя по землям Империи. Судьба Добрыты неизвестна. Но едва ли он пережил торжество питавшего к нему давнюю личную «вражду» Баяна. Описываемые события произошли, вероятно, весной — в начале лета 578 г.

Тиверий добился своего. Но появление аvar в Нижнем По-дунавье стало крупной стратегической ошибкой кесаря. Натиск тюрков на рубежи Империи стал только сильнее. Турксанф стремился свести счеты со своими «беглыми рабами», показавшимися теперь в пределах досягаемости. С другой стороны, рейд Баяна не мог не обеспокоить антов. Они должны были охладеть к ромеям и искать себе новых сильных партнеров. Нет ничего удивительного в том, что к моменту восшествия на престол Тиверия после смерти Юстина II (сентябрь 578 г.) союз Империи с антами распался. Позже его пришлось воссоздать.¹⁵

Есть основания думать, что новых союзников анты на время рели в лице тюрков Турксанфа. В подчинение к ним в ту пору попали болгарские племена — давние соседи антов, связанные с ними разнообразными узами. Своим наместником над болгарами Турксанф назначил некоего Гостуна из рода Ерми — судя по славянскому имени, как минимум полуанта. Гостун стал первым правителем нового болгарского племенного союза в Приазовье, созданного под протекцией тюрков из признавших их власть оногур, кутригур и утигур. Его приход к власти датируется 579 г.¹⁶

Анты имели не менее оснований, чем Турксанф, быть недо-вольными заигрыванием Тиверия с Баяном. По сути, отношение антов и тюрков к аварам и к аваро-ромейской «дружбе» не могло не совпадать. Анты едва ли вошли в прямое подчинение Тюрк-скому каганату. Но личность Гостуна в таких условиях могла стать залогом и воплощением союза между антами или их частью и тюрко-болгарами. В известной степени этот эпизод являлся многозначительным прологом к появлению на этнической карте Европы славяно-болгарской народности.

Начало третьего нашествия

Дунайские словене впервые со времен Аттилы оказались под игом иноязычных завоевателей. Но Баян не подумал о том, чтобы закрепить свое новое приобретение. Удовлетворившись назначением дани, он не остался в Нижнем Подунавье. Словене же не стали мириться с унижением. Когда в 579 г. аварские по-слы явились за данью, они ничего не получили и в конце концов были убиты.¹⁷ Независимость дунайцев была, таким образом, восстановлена.

Вероятно, именно тогда во главе племенного союза встал вождь Радогост (Ардагаст греческих источников¹⁸), правивший уже к 585 г. и неплохо известный ромеям.¹⁹ Это первый досто-верно известный правитель словен с двусоставным («княже-ским») именем. Он находился в союзе с могущественным словен-ским «риksom» на севере — «Мусокием».²⁰

Возможно, ища опоры в борьбе против авар, дунайцы всту-пили в дулебский племенной союз Маджака (Мусока). Из дулебских земель пришло в те годы на Дунай немало переселенцев. Можно предположить, что Радогост был из их числа. Можно предположить также, что он выступал как прямой представитель дулебского «царя» на юге. Но это не более чем догадки. Интересно, что Радогост, кажется, именовался не князем («риksom»), а лишь воеводой.²¹

Естественно было бы полагать, что последует война между венами. теперь консолидировавшимися на пространстве от Дуная до Припяти, и аварами. Но этого не произошло. Напротив, в последующие годы обе стороны действуют против общего про-тивника — Империи — и закономерно вступают в союз. Союз этот сложился не сразу, но, в целом, был predetermined. Убийство словенами аварских сборщиков дани лишь дало Баяну давно же-лаемый повод к войне с Константинополем.

Яблоком раздора между аварами и ромеями стал Сирмий (ныне Сремска Митровица) — хорошо укрепленный город на ле-вом, северном берегу Савы. Прежняя столица гепидских королей была передана ими Империи в 567 г., в надежде на союз против авар. Баян считал, что поскольку Империя помощи гепидам не оказала, а теперь и признала его право завоевателя, Сирмий по этому самому праву принадлежит ему. В Константинополе, ко-нечно, считали иначе — Сирмий, помимо прочего, являлся надеж-ным оплотом имперского присутствия в Паннонии и базой на случай войны с аварами.

Отношения между Баяном и Тиверием вошли в полосу кри-зиса сразу после общей (по сути же, Баяновой) победы над сло-венами. Есть основания думать, что пребывание авар на землях Империи в 578 — 579 гг. уже было отнюдь не мирным и безопас-ным для ее граждан.²² Получив же от императора «дань» (плату за мир и союз) 579 г., Баян окончательно сбросил маску «друга».

Огромное войско во главе с самим каганом уже в конце 579 или в начале 580 г. прибыло к Саве. Баян занял позицию между Сирмием и Сингидуном, главным опорным пунктом Империи в Среднем Подунавье. Часть авар прошла вниз по Саве, перерезая речной путь. Сверх того, Баян начал строить мост, чтобы пере-правиться на южный берег и, таким образом, полностью блоки-ровать Сирмий, прервав его сообщение с Империей. Стратиг Сингидуна Сеф потребовал от Баяна объяснений. Баян заявил, что строит мост, дабы опять через земли Империи напасть на с ловен, от которых «терпит оскорбления». Каган потребовал от императора судов для переправы, но при этом настаивал, что сам будет продолжать строительство. Присягнув, что не замышляет никакого зла Сирмию, каган отправил через Сингидун послов к Тиверию.²³ В Константинополь послы Баяна прибыли в 580 г. Прием они встретили прохладный. Тиверий, не раз имевший дело с Баяном, понял его замысел. Но силы ромеев в Европе остава-лись слабыми — на востоке с новой силой полыхала война с пер-сами, а Турксанф осаждал Херсонес. Тиверий решил потянуть время и сделал вид, что не понимает намерений кагана.

Между тем развернулись события, по видимости подтверждавшие правоту Баяна. Поздней осенью 580 г.²⁴ словене вновь вторглись в пределы Империи. Началось третье и самое мощное в VI в. словенское нашествие. События развернулись в столь удобный для Баяна момент, что можно было бы думать о сговоре его со словенами. Но это не так — дунайцы и авары пока еще оставались врагами. Начиная нашествие, словене руководствовались своими интересами. Неудача предыдущего вторжения и непрекращающийся приток людей с севера усугубляли проблему перенаселения. После же опустошительного похода Баяна ресурсы Нижнего Подунавья полностью истощились. Их можно было пополнить (а заодно найти новые места для жительства) только путем войны. Масштабы развернувшихся в 580 — 588 гг. событий убеждают в том, что численность вторгшихся словен была не меньшей, чем в 577 — 578. По сути, в течение восьми лет на Балканах не осталось области, не затронутой нашествием. Военные действия вели одновременно, вероятно, десятки переселявшихся родов и племен, а также возвращавшихся после первых успехов за Дунай боевых отрядов.

Первый удар словен на этот раз принял Иллирик.²⁵ Переправившись через Дунай ниже Сингидуна, словене, большей частью не задерживаясь в иридунайских землях, вторглись в Элладу. Путь их лежал, очевидно, через гористый Эпир. Греческие области были слабо защищены. Крупные города в тот год еще не пали, но вне их стен безнаказанно хозяйничали «варвары». Словене продвигались «стремительно». Они пронеслись, опустошая все на своем пути, «через всю Элладу» (Среднюю Грецию). Коринф, однако, устоял и служил надежной преградой для вторжения на Пелопонесс. К Фермопилам же словене подошли уже не с севера, а с юга, из разоренной Ахайи. По всему пути следования отдельные группы славян оседали на имперских землях.

Однако даже славянское нашествие не побудило Тиверия довериться кагану. Император прекрасно понимал, — согласившись на настойчивые предложения Баяна, он лишь допустит на земли ромеев еще одного врага. Впрочем, Тиверий убеждал аварских послов, «что и сам хочет, чтобы они двинулись против славян, разоряющих многие владения ромеев». Но «время не благоприятствует намерению авар» — «тюрки уже стали лагерем у Херсона и быстро узнают, если они переправятся через Истр». Запугивание тюрками всегда казалось надежным орудием в руках ромеев. Сработало оно, но видимости, и на этот раз. Посол, по словам Менандра, притворился, что принял логику императора, и обещал отговорить кагана от похода. Возвращался он с небольшим ромейским конвоем. В Иллирике, по пути к Сингидуну, аварское посольство столкнулось с одним из словенских отрядов. Послы и их сопровождающие были перебиты. Щедрый императорский дар, с которыми был отпущен аварский посланец, достались словенам.²⁷

В 581 г. каган с новым посольством открыто потребовал «вернуть» себе гепидский Сирмий. Тиверию ничего не оставалось, как принимать экстренные — и все же запоздавшие — меры к спасению города. В тот год он лишился даже возможности столкнуться с аварами и тюрками. В Тюркском каганате разгорелась междоусобная распря. Турксанф прекратил военные действия в Закавказье, где тогда находился, и повернул на восток. Сразу после этого пала власть тюрков в приазовских степях. Наместника Гостуна сменил в качестве уже независимого общеполгарского хана юный Куврат из рода Дуло, восходившего к Ирнику, сыну Аттилы.²⁸ Задачей основателя будущей «Великой Болгарии» являлась консолидация под своей властью все еще достаточно разрозненных племен, а не вмешательство в балканские дела.

Итак, Баяну противостояли лишь те ничтожные силы, которые Тиверий мог держать в Европе и при этом не бросил против словен. Тюрком же аварский каган мог не бояться. Когда строительство моста было завершено, авары переправились через Саву. Война началась предсказуемо неудачно для ромеев. Авары отрезали Сирмий от остальной Империи и плотно осадили. Они также опустошили вслед за словенами Иллирик вплоть до «частей Греции».²⁹ Тогда-то и началось смешение отдельных аварских и словенских отрядов. Это было тем более естественно, что в войске Баяна наверняка находились среднедунайские словене — подвластные ему мораване. Сближение авар и дунайцев явилось естественным следствием военных действий против Империи, которые они разворачивали примерно на одной и той же территории. Отсутствие же в обоих племенных объединениях (но особенно у словен) твердого военного единоначалия способствовало соглашениям на уровне командиров. Такие соглашения, несомненно, заключались еще тогда, когда словен и авар разделяла формальная вражда. На севере, у Дуная и Савы, где располагалась ставка кагана, в 581 — 582 гг. верховодили авары, тогда как на юге, в Греции и на юго-западных подступах к Фракии, преобладали словене.

Серьезного сопротивления на своем пути они не встречали. Тиверий справедливо в целом связывал главную опасность для столицы с ордой Баяна. Потому главным фронтом для военных и дипломатических усилий был Сирмийский. Отдаленные южные провинции были фактически брошены на произвол судьбы, и словене разоряли их совершенно безнаказанно. Между тем, они уже подступали к границам Фракии. Из «Эллады», где они, вероятно, зимовали, словене столь же «стремительно» (скорее всего, в 581 г.) вступили в «пределы Фессалоники»³⁰ — то есть в Первую Македонию. Фессалоника была давним предметом вождения словен и важнейшим опорным пунктом Империи на Эгеиде. Но на этом этапе нашествия словене еще не решились осаждать город, ограничившись разорением «пределов».

Однако к этому времени относится, вероятно, попытка нападения, описанная епископом

Иоанном в «Чудесах святого Димитрия Солунского».31 К Фессалонике двинулось до 5000 словен — «отборных и опытных воинов», «избранный цвет всего народа». Очевидно, это были члены воинских братств, рассчитывавшие, по меньшей мере, разграбить предместья. В виду городских стен словенское войско появилось перед рассветом 27 октября (очевидно, 581 г.). Накануне город праздновал день своего покровителя — Димитрия Солунского, и едва ли знавшие об этом словене имели, тем не менее, все основания рассчитывать на внезапность ночного нападения.

На равнине к северу от Фессалоники словене натолкнулись на укрепленный комплекс храма святой Матроны, прикрывавший подступы к городу. Не задерживаясь под его стенами, их аван-гард достиг храма Трех мучениц «на кратчайшем расстоянии от города». Но здесь наступление словен внезапно для них было остановлено массой вооруженных горожан. Как раз наступил рассвет, и фессалоникийцы, раскрыв ворота, атаковали противника.

Горожане оказались на стенах, по рассказу очевидца событий Иоанна, в результате серии удивительных совпадений. Той ночью в храме святого Димитрия случился пожар, тушить который сбежалась вся городская молодежь. Огонь победили, но избавиться от добровольных помощников у служителей храма теперь не было никакой возможности — толпа не расходилась, не-взирая на уговоры. Тогда один из служителей, ветеран гвардии иллирийского префекта, опасаясь, что в суматоху затешутся во-ры, стал кричать: «Горожане, варвары неожиданно появились у стен, все выходите с оружием за отечество!».

Приблизившееся нашествие словен, разумеется, держало город в постоянном напряжении, и опытный воин справедливо рассудил, «что нет способа легко и под удобным предлогом из-гнать толпу из храма, чем выставить в качестве предлога внезапное нападение варваров». Фессалоникийцы разбежались по домам, а затем, вооружившись, спешно поднялись на стены. Позже, когда служители, занятые уборкой, услышали отдаленный шум битвы и знакомые словенские кличи, ветеран признался им в об-мане.

Битва была упорной — горожане и словене вступали в схватку не менее трех раз, причем с переменным успехом. Однако словене не ожидали вовсе столь упорного сопротивления. К стенам они так и не пробились, станом встать не могли. Единственной возможностью для сравнительно небольшого отряда являлось от-ступление. Иоанн отмечает, что словене «отступили в меньшем числе, чем напали». Впрочем, конечно, не обошлось без потерь и с ромейской стороны.32

Фессалоника отбила атаку, но македонские «пределы» словене разорили. И без Фессалоники. по словам Иоанна Эфесского, они «захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен».33 Из Македонии словене вторглись во Фракию. Вторжение словен во Фракию из Иллирика произошло уже в последний, четвертый год правления Тиверия (осень 581 — лето 582).34 В тот год словене опустошали и Фракию, и уже от-части захваченные области Иллирика. Их набеги охватили «всю» Фракию (весь диоцез, а не только провинцию Фракия).35

Военные действия начались и в Нижнем Подунавье, в Ски-фии. Видимо, именно тогда в результате активизации местных словен пала Диногечия.36 Присутствие славянского (антского и, возможно, словенского) населения в стенах города не помешало этому — возможно, даже способствовало. Крепость разрушили и сожгли. Ее уничтожение ослабило ромейскую оборону на Ниж-нем Дунае.

Между тем, в 582 г. авары, наконец, взяли блокированный Сирмий. Надежды на его отвоевание не было никакой — Персид-ская война поглощала все силы Империи. Смысла в продолжении военных действий императорский двор не видел. Требовалось лишь выйти из войны с наименьшими потерями. На довольно по-зорных условиях мир с каганом был заключен. Ромеи не только безвозмездно уступали потерянный Сирмий, но и вносили кага-нату оплату федератства (теперь уже неприкрытую дань) в преж-нем размере 80000 номисм и обязывались неукоснительно вы-плачивать ее впредь. Добившись своего, авары отошли за новые границы.

Тиверий, уже тяжело больной, смог сосредоточиться на Персидской войне. Уделяя ей первостепенное внимание, он ниче-го не мог поделаться со словенами, разошедшимися почти по всему Балканскому полуострову. Дни императора были сочтены. Своим наследником и зятем с титулом кесаря он избрал командующего восточной армией, небесталанного полководца Маврикия. 14 августа 582 г. император скончался, предварительно возведя кесаря на престол.

Словене и не думали на этот раз покидать разоренные ими земли Империи. По словам Иоанна Эфесского, писавшего в 583/4 г., они «стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха... они растеклись по земле и живут на ней, и теперь распространились на ней».37

Иоанн имел в первую очередь в виду области придунайской Фракии. Хотя отдельные общины словен остались в Ахайе, Фес-салии и Македонии, основная их масса скопилась в более знако-мых и близких к родным местам землях Нижнего Подунавья. Сюда отправившиеся в поход за наживой воины могли перевезти свои семьи и роды из-за реки. А переселившиеся племена и общины имели бы отсюда постоянную связь с заречными сороди-чами. К тому же север Фракии уже был почти свободен от мест-ного населения. Ромеи скрывались за стенами немногих уцелев-ших крепостей, а сельские жители (в основном фракийцы и вла-хи) погибли или бежали.

Примерно в описываемое время, к концу VI в., на правобе-режье Нижнего Дуная сложилась новая славянская археологиче-ская культура. Она получила название по селищу Попин в то-гдашней Мезии, близ крепости Доростол (Силистрия). Культура представлена поселениями и могильниками. Основным районом ее распространения являлся придунайский север Болгарии (тогда провинция Нижняя Мезия). Здесь находятся древнейшие могиль-ники исключительно с трупосожжениями. Из этих областей сло-вене распространялись в течение еще и следующего столетия на юг, по всей Фракии.38

Особенности попинской культуры, вероятно, были связаны с особенностями ее формирования в результате военного нашест-вия. Среди переселившихся словен распадались старые и возни-кали новые общинно-племенные связи. Поэтому неудивительно, что попинские общинные поселки представляли собой с самого начала совокупность отдельных дворов — отграниченных друг от друга жилищно-хозяйственных комплексов. Хозяйственная авто-номия отдельных семей в общине оценивается как весьма высокая.29

Жилища попинской культуры — полуземлянки с печами-каменками в углу. Умерших «попинцы» погребали с небогатым инвентарем, по обряду кремации, зарывая урны с прахом на глу-бину до 80 см в землю. В погребениях и жилищах найдено нема-лое количество металлических вещей — в том числе отдельные украшения «антских» типов. Лепная керамика восходила к корчакской и пеньковской, но ее немного — основную

массу посуду составляла гончарная, иногда с волнистым орнаментом, напоминающая ипотештинскую.⁴⁰ Вероятно, изготовителями посуды в основном являлись рабы-пленники и гончары-«волохи», пришедшие со словенами из-за Дуная. Но и сами словене, надо думать, уже начали перенимать на новых землях навыки гончарства, как происходило и в других областях. Возможно, что от местного населения был перенят метод сохранения воды в специальных «цистернах», устроенных в грунте. Такие общинные запасы найдены на ряде селищ.⁴¹ В целом, однако, «попинцы» слабо смешивались с ромеями и фракийцами, сохраняя все основные черты словенской культуры.

Возможностью спокойно обживать ромейские земли, расселяясь при этом все шире и тесня местное население, словене были обязаны Персидской войне.⁴² Маврикию досталось тяжелое наследство, и из-за его вступления на престол дела на Востоке пошли только хуже. Полководцы, сменившие отбывшего в столицу кесаря, не отличались его дарованиями и вели войну неумело. Поражения и сомнительные локальные успехи чередовались друг с другом, но главное — затяжная война истощала Империю, поглощала все ее силы. Между тем, остаткам италийских владений угрожали лангобарды, а мир с Аварским каганатом был более чем зыбок.

Нуждалась в этом мире лишь сама Империя, кагану же (по всей видимости, это был уже сын и наследник Баяна) мир только шал. Сразу после восшествия на престол нового императора каган начал изводить Константинополь нелепыми и провокационными требованиями. То он требовал прислать себе императорского слона — и, добившись своего, тут же вернул дар; затем история повторилась с золотым императорским ложем. Наконец, в мае 583 г.⁴³ каган потребовал от Маврикия увеличить сумму выплат до 100000 номисм. Император наотрез отказал, и в конце лета того же года война возобновилась.

Каган основательно подготовился к ней. В его войске находились союзные лангобарды,⁴⁴ в ту пору теснившие ромеев и в Италии. Но самым большим его достижением стало заключение союза со словенами. Сотрудничество с ними началось, вероятно, еще в ходе кампании 581 — 582 гг. Но тогда оно не могло принять сколько-нибудь организованной формы — слишком свежи были в памяти взаимные обиды. Теперь, когда во главе авар и дунайцев стояли новые вожди, и их связывала общая вражда с Империей, тесный союз становился вполне достижимым. При этом словене, уже обосновывающиеся на землях Империи, являлись для каганата незаменимым подспорьем в борьбе с ней. С другой стороны, и словенские князья, должно быть, рассчитывали на поддержку и покровительство со стороны авар. Последние обладали тем, чего словене пока были лишены — центральной властью и единым, не-плохо организованным войском.

Неудивительно, что не слишком хорошо осведомленные авторы с самого начала восприняли союз дунайцев и авар как подчинение всех словен кагану.⁴⁵ Но придворный историк Феофилакт Симокагта, подробно описывающий всю совокупность событий, рисует несколько иную картину. Каган, с одной стороны, может «приказывать» словенам,⁴⁶ и, по крайней мере иногда, объявляет их своими «подданными».⁴⁷ С другой стороны, у словен где-то к северу от Дуная имеется свой «рикс», Мусокий. С ним-то и связан в политическом смысле дунайский вождь Радогост. Таким образом, «подданство» кагану повисает в воздухе — разве что и Мусок («Маджак» у Масуди) его «подданный», но это из источника никак не следует.

Явная ошибочность одних свидетельств и двусмысленность других наводит на мысль, что ромеи в принципе неверно, в своих политических понятиях, истолковали аваро-словенский союз. Но возможно, что их заблуждение проистекало из того, что каган, претендуя на власть над «всяким народом», сам подпитывал подобные мнения. Разумеется, имелись и непосредственно подчиненные кагану словене — северные и южные мораване. Они входили в войско кагана и выполняли его приказы. Но в аварском войске были и иные, «восточные» словене — что однозначно воспринималось ромеями как знак покорности.

На самом же деле суть достигнутого в 583 г. аваро-словенского соглашения, вероятно, состояла в следующем. Каган признавался общим военачальником («воеводой», в славянской терминологии) объединенных сил в войне против Империи. Поэтому-то дунайцы исполняли его военные приказания и временами входили в его войско — но при этом оставались совершенно самостоятельными политически. Какая-то координация была просто необходима рассеявшимся по Балканскому полуострову словенским отрядам, а ни у кого из вождей, включая самого Радогоста, подобных прав не имелось. Потому они и согласились на кагана, прибегнув к нему как к центру силы и независимому арбитру. Неясно, впрочем, насколько эффективным было само начальствование кагана. Ясно, что реальное военное подчинение ему выказывали лишь те вожди, которые непосредственно заключили пакт, в том числе Радогост. Все это не означает, конечно, что каганат вовсе не оказывал на нижнедунайских словен никакого политического влияния. Само вручение кагану военной власти давало ему возможность так или иначе вмешиваться в племенную жизнь словен, манипулировать ими, прежде всего, в своих сношениях с Империей. Каганат как гораздо более сильное и прочное образование, чем дунайский и тем более эфемерный дулебский союз, неизбежно играл в партнерстве с ними ведущую роль. Тем более каганат превращался в естественный центр притяжения для мелких родов и племен, разбросанных нашествием по Балканам. Словене к югу от Дуная попадали в реальную зависимость гораздо быстрее, чем их дакийские сородичи. Авары отчасти смешивались со словенами по обе стороны реки; к словенам проникали элементы аварской материальной культуры.⁴⁸

Внезапно напав на ромеев во время сбора урожая, каган с налета захватил Сингидун. В его войске были как авары, так и союзники — словене и лангобарды. За этим последовал захват большого числа других городков и крепостей провинции Верхняя Мезия. Ромеи не ожидали столь быстрого нападения, сил для обороны и сопротивления не хватало. На стороне кагана оказа-лись и численное превосходство, и быстрота действий. Вслед за Сингидуном пал Виминакий — столица Верхней Мезии. Продви-гаясь вдоль Дуная на запад, к столичной области, каган взял Ав-густы — важную крепость в провинции Дакия, прикрывавшую од-ну из переправ.⁴⁹ Перейдя границу Фракии, каган свернул на юго-восток, направившись к черноморскому побережью.

В захваченных землях Верхней Мезии «варвары» не стали истреблять или изгонять местное население. Более того, завоева-тели заявили: «Выходите, сейте и жните только половину нало-га мы будем забирать у вас!»⁵⁰ Каган, таким образом, вдвое сни-жал налоговое бремя для подданных Империи, пытаясь привлечь их на свою сторону. Он был заинтересован в прочном тыле, и планы его носили далеко идущий характер.

Упрочивая власть над покоренными землями, каган расселил в Верхней Мезии зависимых от себя словен — мораван, воз-можно, вперемешку с аварами. При этом он отселил или изгнал из окрестностей Сингидуна живших здесь ранее словен, поддан-ных Империи, оставивших селище Апатины. Основной террито-рией расселения новопришлых словен стали низовья балканской Моравы (ранее Марг), которой они дали принесенное с севера имя. Какая-то часть мораван осталась к северу от Дуная, где их спустя столетия упомянет Баварский географ. Скорее всего, мораване по обе стороны реки сохраняли политическое единство — в описываемый период под верховной властью аварского кагана.

Одно из ранних (конца VI в.) поселений мораван размести-лось в самых предместьях Сингидуна — в Винче, на площади со-временного Белграда. Другое известно собственно на Мораве, в Слатине. В селищах, устроенных по правилам славянского домо-строительства, преобладает гончарная керамика.⁵¹ Очевидно, словене — преимущественно пришедшие с аварами мужчины-воины — смешивались с местными жителями. При этом перени-мались многие культурные традиции. Политика кагана, направ-ленная на привлечение симпатий местных селян, видимо, прино-сила какие-то плоды.

Вероятно, основная масса словен после захвата Верхней Мезии отделилась от кагана.

Лишенные возможности поживиться и массово осесть в провинции, населению которой был дарован мир, они устремились на юг, в Элладу. С ними шла какая-то не-большая часть авар, чье участие в последующих событиях не кажется значительным — источники говорят, прежде всего, о словенах.

Вторгшись в Ахайю, словене и авары подступили к Коринфу — и на этот раз, наконец, город пал. Жители Коринфа спаслись бегством на остров Эгина в Эгейском море. Город был подожжен и отчасти разрушен, многие из не успевших бежать граждан по-гибли. Словене увозили из разграбленных храмов Греции «церковную утварь и большие кивории» целыми возами («крепкими колесницами», по словам Иоанна Эфесского). Киворий из кафедрального собора Коринфа они отправили в дар кагану — тот использовал его «вместо шатра — натянул и укрепил и под ним сидел».52

Коринф, прежде надежный ключ к Пелопонессу в руках Империи, теперь перешел в руки «варваров». Они не стали разрушать дотла захваченный город и сразу принялись его обживать. Следы славянской культуры в Коринфе скудны, но они есть. Известно трупоположение с «пражскими» сосудами, найдены серьги «антского» типа.53 Очевидно, в городе осталось какое-то число авар и словен (в основном словен, причем обоего пола).

Занятие «варварами» Коринфа вызвало панику на Пелопонессе. Спартанцы, ожидая их вторжения, начали переселяться в труднодоступную приморскую крепость Монемвасия, основанную при Юстиниане.54 Однако Маврикий, среди поднявшейся уже в самой столице тревоги, тем не менее попытался помочь и Элладе. Стремясь оттянуть силы словен и лишить кагана союзников, он прибег к помощи антов.

С момента возобновления войн с аварами отношения между Империей и антами не могли не ухудшиться. Уход тюрок на восток и затяжная война в их огромном каганате лишали антов альтернативы. Между тем, аварское влияние из-за сближения авар и словен опасно придвинулось к антским границам.

В первой же, еще совместной с Тиверием новелле (11 августа 582 г.) Маврикий возвращает титул «Антский».55 Речь едва ли шла о каких-то военных успехах, которые могли бы восприниматься как «усмирение» неверных союзников. Скорее Маврикий подчеркивал, что намерен как-либо вернуть антов под «покровительство» Империи.

Время для этого настало уже в следующем году, когда раз-разилась война с аварами. Притом, что союз в известном смысле был небесполезен для антов, их, по сложившейся имперской практике, пришлось «подкупать». Обновив союз с Империей, ан-ты напали на словен. Земли Мунтении подверглись жестокому опустошению. Анты «подчинили» страну дунайцев, «вывезли добро ее и выжгли ее».56

Последствия не заставили себя ждать. Словене действительно скоро узнали о разорении родных мест — но ответный удар на-несли не по далеким антам, а по ромеям, которых справедливо винили в случившемся. «Многие тысячи» словен, собравшись в единую рать, с опустошением ринулись на Константинополь. Меры, спешно принятые императором еще после начала военных действий в Мезип. помогли — словене «не смогли подняться и за-хватить царственный град». Отбитое от Длинных стен, словен-ское войско устремилось к Анхиалу. Этот приморский город во Фракии являлся важной крепостью. Неподалеку находилось ме-сто отдыха и лечения знатных ромеев — прославленные термы над горячими источниками. Туда же «тотчас» после Август по-шел и каган. Таким образом, обе армии вторжения соединились в западной Фракии, на черноморском побережье.57

Гарнизон Анхиала упорно защищался. Когда многие защит-ники погибли, воины кагана пробили брешь в стене и ворвались в город. Авары и их союзники предали разграблению и сам Анхиал, и его округу.58 Было много разрушений. Знаменитые термы спасло лишь то, что в них помылись жены аварского владыки. 59 Когда-то после посещения терм жена Тиверия пожертвовала церкви в Анхиале императорские пурпурные одеяния. Найдя цар-ский пурпур при разграблении храма, каган облачился в него со словами: «Желает этого царь ромеев или не желает, но вот. цар-ство отдано мне!»60

В этом дерзком заявлении имелась немалая доля истины. Авары и словене хозяйничали почти повсюду вне Длинных Стен. Не подвергшиеся нашествию Пелопонесс и Далмация, фактиче-ски отрезанные от Константинополя, могли сообщаться со столи-цей лишь по морю. В таком же положении находилась Фессалоника. В условиях безуспешно длящейся Персидской войны у Маврикия не оставалось иного выбора, кроме поисков мира. В конце 583 или начале 584 г. к кагану в Анхиал прибыли ромейские послы Элпидий и Коментиол. Каган отказал в перемирии и грозил «срыть» Длинные стены. Коментиол, упрекавший кагана в нарушении прежнего договора, испытал его гнев и подвергся за-ключению. Послам с трудом удалось избежать смерти.61

В условиях дрящущей войны словенские набеги и расселение почти беспрепятственно продолжались. Иоанн Эфесский так описывает ситуацию 584 г.: «И доселе, благодаря тому, что царь был занят персидской войной и все свои войска посылал на вос-ток — именно поэтому, — они растеклись по земле и живут на ней и теперь распространились на ней. Пока Бог на их стороне, они, конечно же, и опустошают, и жгут, и грабят вплоть до стены до внешней: и все царские табуны, многие тысячи, и все остальное. И вот, даже и доньше... они располагаются и сидят в этих ромейских пределах. Без заботы и страха захватывают пленных, уби-вают и жгут. И они обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать луч-ше, чем ромеи...» 62

Достоинo замечания, что именно нашествие 580-х гг. кажет-ся, сыграло важнейшую роль в обогащении дунайских словен и, соответственно, в имущественном расслоении словенского обще-ства. Последствия этого мы могли наблюдать на материалах мо-гильника Сэрата-Монтеору и других памятников. Отметим также слова о военном деле — при осаде словенами Фессалоники в 586 г. ромеям действительно пришлось удостовериться в их новых во-енных навыках. Именно в это время они, очевидно, овладевают передовой осадной техникой.

Лишь в ходе второго посольства (584 г.) Элпидию удалось склонить кагана к миру. Мирный договор заключался, по сути, на условиях авар. Дань, выплачиваемая Маврикием, увеличивалась до 100000 номисм. «Небрежность» в выплате автоматически влекла за собой немедленное возобновление военных действий.⁶³ После заключения мира каган отвел авар из пределов Империи. Однако он не освободил всех захваченных территорий. В Верх-ней Мезии расселялись мораване, подданные кагана. Коринф также остался за «варварами».

С каганом, вероятно, ушла некоторая часть словен, не на-шедших себе места в ромейских владениях и не желавшая воз-вращаться в Мунтению. Многим после разорительного набега ан-тов было просто некуда возвращаться. Каган, вероятно, расселил новых подвластных словен в древнем Норике. Эти земли он под-чинил себе как раз около этого времени — не исключено, что как-раз их руками.⁶⁴

Воспоминания о приходе с востока после долгих поисков плодородной, пригодной для жизни земли сохранились в позднем словенском предании. Здесь вытесненным из благодатных род-ных мест перенаселением предкам словенцев покровительница-«богиня» дает зерно, которое прорастает лишь в Словении.⁶⁵ От-ражается, видимо, в словенском фольклоре и былая зависимость словенцев от авар

правда, смешивающихся в народной памяти с гуннами Аттилы. Последний рисуется как угнетатель и покоритель жителей Словении. Предания повествуют о его победе над местным правителем — «графом Коцяном» из Градища или неко-ей «словенской владарицей», которые оказываются бессильны оказать сопротивление превосходящим полчищам врага. Притом Агтила выступает персонажем совершенно мифологическим — то как псоглавец, то как живой мертвец.⁶⁶

В действительности завоевание, кажется, почти не сопровождалось насилием или изгнанием местного романского населения. Как представляется, новые пришельцы легко пришли к со-глашению со своими альпийскими сородичами и быстро смешались с ними. Приток нового населения ускорил ассимиляцию здешних лангобардов и романцев. Словене нередко подселялись на местные поселения, наследуя элементы культуры (погребения с ингумацией, гончарство). Политическими и культурными центрами складывающихся словенских племен становились старые римские крепости.⁶⁷

Но о ростках христианства, появление которых у альпийских славян возвестил в 550-х гг. Мартин Бракарский, мы более ничего не слышим. Позже проповедь в Карантании пришлось начинать с нуля. Видимо, пришельцы с востока, враждебно относившиеся к вере ромеев, грабившие балканские храмы, положили предел трудам первых миссионеров. Впрочем, сама религиозная нетерпимость у словен возникла лишь в условиях войн с ромеями и под аварским влиянием. Там, где это влияние было меньше — в дулебских землях — даже христиане-чужеземцы мирно уживались со словенцами еще в 590-х годах.⁶⁸

Радогост во Фракии

Мир, заключенный между Империей и каганом, едва ли распространялся на словен. Они и не думали покидать пределы державы ромеев. Словене обживали свои новые земли во Фракии и Верхней Мезии. Отдельные поселения возникли в Ахайе (Коринф) и в Македонии, куда словене приходили и из Поморавья. Отсюда они начали проникать на запад, в Новый Эпир (современная Албания с прилегающими землями).⁶⁹ После ухода кагана в балканских провинциях, вероятно, наступило относительное затишье. Словене ограничивались, возможно, локальными набегами. Однако уже летом 585 г. война запылала с новой силой.

Кагану удалось «натравить» словен на ромеев. Он убедил словенских вождей нанести

удар в направлении столицы. Види-мо, он все еще признавался верховным «воеводой», и само временное замирение с ромеями было согласовано со словенями. Соединенными силами словен руководил Радогост. В связи с этими событиями он упоминается в источниках⁷⁰ впервые. По-этому нельзя с уверенностью сказать, по какую сторону Дуная находился Радогост к началу событий. Вместе с тем, не упоминается вообще о переправе словен через Дунай. А значит, большая часть отрядов, участвовавших в нападении, уже находилась в пределах Империи, во Фракии.

Словене, опустошив «большую часть ромейской земли». «будто перелетев, лавиной» подступили к Длинным стенам. Маврикий принял экстренные меры. Усилив гарнизоны Длинных стен, он сам во главе всех наличных сил вышел из Константинополя. Присутствие императора, надо думать, вдохновляло воинов. Но сам он не вступил в битву с врагом, передоверив полевое командование Коментиолу. Под предводительством последнего ромеи вышли за Длинные стены. Словене, вероятно, не готовились к битве и были заняты опустошением окрестных земель. По-этому Коментиол без особого труда «отогнал» их от Стен.⁷¹

Словене отступили немного на запад, к реке Эргиний. Здесь они, кажется, попытались организовать оборону. Но Коментиол шел по пятам и «внезапно появился» перед противником. Произошло решающее сражение, в котором словене потерпели поражение. Коментиол, по словам Феофилакта, «учинил великое избиение варваров». За победу «Маврикий даровал своему полководцу высшее военное звание магистра милиции (презента).⁷²

Дав войскам отдых, осенью Коментиол вновь выступил против словен. К этому времени, вероятно, остатки словенского войска вновь разделились на отряды, небезуспешно действовавшие во Фракии. «Огромные полчища» собрались под главенством Радогоста. Он действовал в отдалении от Длинных стен, в Астике, и, вероятно, не участвовал в битве на реке Эргиний. Опустошение Астики, некогда богатейшей и недоступной «варварам» области Фракии, принесло ему «многочисленных пленных и великолепные трофеи». Проходя с богатой добычей через окрестности Адрианополя, Радогост столкнулся с войском Коментиола. Битва разыгралась ранним утром под стенами крепости Ансин. Коментиол атаковал и с самого начала захватил инициативу. Словене сперва начали отступать, а затем обратились в бегство. Ромейские пленники были освобождены. Преследуя противника, Коментиол выбил Радогоста из Астики.⁷³ Таким образом, стратег полностью очистил подступы к Константинополю. Видимо, именно тогда сам Радогост покинул пределы Империи и ушел в свои земли к северу от Дуная. С этого времени он, кажется, лично не участвовал в набегах — но организовывал их.

Торжество ромеев было недолгим. Словене оставались в дунайских провинциях. Каган же, используя их для изматывания скудных ромейских сил, готовил новую войну. Сам Маврикий осознавал зыбкость достигнутых успехов и принимал спешные меры по обороне хотя бы южной Фракии. Уже той же осенью 585 г. стало ясно, насколько нелишни эти приготовления.

Каган использовал в качестве повода для нарушения мира бегство своего шамана-тюрка, переспавшего с женой владыки. Когда Империя — в своих видах, но неблагоприятно, — предоставила беглецу убежище, аварские набеги немедленно возобновились. Невзирая на фактическое начало войны, каган отправил к императору посольство с требованием дани. Реакцию Маврикия нетрудно было предугадать — он не дал ничего и на полгода задержал послов под стражей. Закономерным и в каком-то смысле законным (по букве мирного соглашения) ответом кагана стала большая война, разразившаяся сразу после возвращения послов летом 586 г. Нападение произошло, очевидно, как и в 583 г., в пору сбора урожая. Хотя на этот раз ромеи лучше были подготовлены, успех сопутствовал вновь их врагам. Авары совершили опустошительный рейд вдоль Дуная и далее в Нижнюю Мезию и Скифию. Они захватили и разорили ряд ромейских укрепленных городов, в том числе Бононию (ныне Видин), Доростол, Маркианополь.⁷⁴

Набег до самой дельты Дуная преследовал цель, очевидно, не только навредить ромеям, но и запутать антов. Судя по тому, что в дальнейшем анты, кажется, не слишком активно помогали Маврикию, последняя цель была достигнута. Конечно, авары едва ли обошлись в этом деле без помощи словен — тем более, что разрушение фракийских крепостей и умиротворение антов были в их интересах. Однако каган не слишком вовлек словен в военные действия во Фракии. В качестве главной их цели в кампании этого года он определил Фессалонику.

Осада Фессалоники

После возобновления военных действий каган вновь принял общее командование союзными войсками. Он, пишет епископ Иоанн, «призвал к себе все звериное племя славян», дабы направить их в поход против Фессалоники.⁷⁵ Основную ударную силу вторжения, несомненно, составляли прямо подвластные каганату племена Потисья и Поморавья. По и из дунайцев многие откликнулись на призыв — последствия опустошения их страны антами не могли не сказываться. У немалого числа жителей Нижнего Подунавья не осталось крова и средств к существованию, так что они жаждали и богатой добычи, и новых мест для жительства. Наконец, каган прибавил к словенам

«некоторых варваров других племен» — то есть авар, подвластных болгар, гепидов. В результате собралось огромное войско в несколько десятков тысяч человек.⁷⁶ Следует полагать, что наряду с «вооруженными людьми» в этой рати шли и семьи словенских воинов, которые надеялись осесть в захваченной стране.

Фессалоника, столица Иллирика и второй по значению город Балкан, являлась ненамного менее возжеланной целью, чем Константинополь. Ее взятие парализовало бы ромейское сопротивление на западе полуострова. Каган рассчитывал, что падение Фессалоники, богатого и стратегически важного оплота Империи, сыграет решающую роль в войне. С другой стороны, сами словене давно мечтали об этом богатом городе, расположенном в плодородном краю.

Обстоятельства складывались благоприятно для планов кагана. Он знал, что весной — летом 587 г. по Македонии прокатился мор, и потому в Фессалонике осталось «очень мало воинов». Словенских вождей он вдохновил сообщением об этом, заявив, что они «захватят город в тот же день». Кроме того, нападение, как и в 583 г., было рассчитано на время сбора урожая.

Словене двинулись, очевидно, из Поморавья, по отчасти обезлюдившей или заселенной их соплеменниками стране. Движение их было стремительным, так что ромеи в Фессалонике узнали о вторжении слишком поздно. Македония была разорена чумой, и многие крепости, прикрывавшие столицу провинции, остались заброшенными. По пути «варвары», нуждавшиеся в пропитании, опустошали страну. До города дошли слухи, «что иссякали реки и источники, у которых они только разбивали лагерь».⁷⁸ Припасов у огромного войска, двигавшегося стремительно и единым целым, не распадаясь на мелкие шайки, действительно не хватало. Но, рассчитывая на быстрый захват богатейшего города, словене и их союзники не уделили этому должного внимания.

В ночь на понедельник 23 сентября словене подошли к предместьям Фессалоники. Их не ждали — вести о приближении «варваров» достигли города лишь 22 сентября. На стенах держали небольшие ночные дозоры, но словен ожидали не раньше, чем через четыре дня. Между тем, войско приближалось к Фессалонике под покровом ночи бесшумно, и не привлекло внимания немногочисленных дозорных. Фессалонику в ту ночь спасла череда случайностей. Словене сначала скопились под стенами храма-крепости святой Матроны. Они решили, что это уже сам город. Лишь с наступлением рассвета они поняли, что ошиблись, и бросились на приступ стен Фессалоники. К этому времени как раз ушли дозорные — так что город остался беззащитным. Словене приставили к стенам лестницы.⁷⁹

Первый залезший «уже перекинул правую ногу на стену», когда какой-то воин, — оставшийся неизвестным, несмотря на объявленную позже награду, — пронзил его копьем и сбросил вниз. Падающее тело увлекло за собой поднимавшихся следом. Никого другого на стене не было. Однако, как только начался штурм, по словам Иоанна, «в городе великое волнение охватило всех разом, так что все без исключения воины поднялись на стены». Словене, «охваченные вдруг безмерным страхом, отступили далеко от стены». По их собственным словам, им представилось там «столько воинов и таких, что по числу и мужеству намного превосходят наше войско». Они решили, что сведения кагана не-верны и город подготовлен к обороне лучше, чем ожидалось.⁸⁰

Словене ошиблись. Фессалоника была действительно сильно ослаблена чумой. Большая часть оставшегося гарнизона отправилась вместе с префектом Иллирика «по государственным делам» в Ахайю. Кроме того, многие знатные люди со своими людьми тогда находились в Константинополе, с жалобой императору на префекта. Наконец, множество граждан собирало за городом урожай. Когда подступили словене, лучшим выходом для отрезанных сборщиков было бегство прочь от города — те, кто пытался пробиться назад, погибли или попали в плен. Оставшиеся же в городе люди были крайне напуганы нашествием. Большинство горожан не имело боевого опыта, к тому же городу на их памяти не доводилось переживать осаду.⁸¹

Когда окончательно рассвело и наступил день 23 сентября, словене плотно оцепили город. Им благодаря огромной численности удалось взять Фессалонику в длинное полукольцо — от моря до моря. Демонстрируя свою мощь и перекрывая все выходы из города, словене выстроились сплошным строем, «фалангой» с сомкнутыми щитами. Тем не менее, и это было не все войско — значительная его часть отправилась занимать крепости в предместьях (храм Матроны и другие), а также захватывать провиант. Им сопутствовал успех — предместья были захвачены, их жители и защитники бежали или попали в плен. Словенам достался весь хлеб, только что собранный на полях, плоды пригородных садов. Помимо этого они захватывали и иную добычу — загородные поместья и крепостцы не нищенствовали.⁸²

Вечером, разбив лагерь, словене собрали много хвороста и зажгли вокруг города огонь, напомнивший осажденным библейскую «огненную реку». Очевидно, это был какой-то воинский обряд, быть может, посвящение осаждаемой твердыни покровителям и предкам словенских князей — богам грозы и огня. Во всяком случае, когда пламя поднялось к небесам, все войско издало некий громовой клич, вселивший ужас в сердца ромеев. Иоанну, свидетелю событий, пришли на ум слова из псалма: «земля тряслась и небеса таяли».⁸³

Ночью словене и их союзники не предались сну. Осаждавшие взялись за изготовление осадных орудий. Это первое упоминание об использовании их словенами. На приготовление орудий ушли ночь и наступивший день (24 сентября). В итоге к утру 25 сентября у словен имелось четыре вида осадных приспособлений. Это были передвижные осадные башни (гелеполы), «бараны» (тараны с железными «лбами» в виде бараньих голов), камнеметы («огромнейшие», по словам Иоанна, и покрытые сухой кожей) и «черепахи» (сплетенные из прутьев и также покрытые кожей укрытия для пехоты). Иоанн особо описывает словенские камнеметы: «Они были четырехугольными, широкими в основании и суживающимися к верхушке, на которой имелись очень массивные цилиндры, окованные по краям железом, к которым были пригвождены бревна, подобные балкам большого дома, имевшие подвешенные сзади пращи, а спереди — прочные канаты, с помощью которых, натянув их разом по сигналу книзу, запускали пращи... А четырехугольные камнеметы они оградили досками только с трех сторон, чтобы те, кто находился внутри, не были ранены стрелами со стены».84

Словене неплохо подготовились к взятию города, однако недостаточно хорошо представляли мощь укреплений Фессалоники. Кроме того, у них был еще один повод для беспокойства — кончались припасы. Захваченного в предместьях провианта хватило только до утра 24 сентября. Словене и их союзники вынуждены были собирать «плоды деревьев и ветви, и корни их, а также овощи-корнеплоды». Впрочем, пока у них еще оставался скот, как приведенный с собой, так и захваченный — быки и разводившиеся кочевниками верблюды.85

Утром 25 сентября начался штурм. Словене подступили к городу со всех сторон. На стены обрушился шквал стрел и огромных камней. Натиск был наиболее силен на северной и западной сторонах, к которым подступили «более мужественные и самые жестокие» из словен с большим числом «мощных орудий». Под прикрытием «черепах» они пытались ломачами и топорами подрывать стену. К Кассандрийским воротам (в восточной стене) словене подвели таран. Однако при виде железного крюка, которым жители безуспешно пытались повредить «барану», словен охватила внезапная паника. Они откатились от ворот, бросив тараны и подпалив их. Усиленный штурм с севера и с запада также не дал результата. Видимо, горожане подожгли несколько «черепах» кипящей смолой и зажженными стрелами. Одновременно словене попытались проникнуть в город с юга, по морю. Для этой цели они соорудили «широкий деревянный плот». Однако горожанам сопутствовала удача, и они какой-то «хитростью» сорвали замысел словен — плот унесло в открытое море, и он погиб.86

В стане осаждавших первые неудачи вызвали уныние. Голод все сильнее мучил словен.

В тот вечер они начали забивать скот. Это, впрочем, позволило покрыть окровавленными шкурами жи-вотных «черепахи», защитив их тем самым от огня. На всех, од-нако, мяса не хватало. К тому же, судя по всему, отдельные пле-менные отряды не делились продуктами друг с другом. Скота, ес-тественно, было больше всего у авар и болгар. Плоды, коренья и овощи заканчивались. Огромное войско вынуждено было переи-ти в прямом смысле на подножный корм — «выращенную зелень и дикорастущие травы, и так называемый зеленый терновник».87

Со стен осмелевшие горожане начали насмехаться над словенами. Из города внимательно наблюдали за осадным станом, так что тяжелое положение «варваров» стало очевидно осажден-ным. Словен призывали перебежать в город и заполнять «неис-пользуемые общественные бани». Насмешки, а также «уговоры и обещания» горожан подействовали — в последующие дни «мно-гие» из разноплеменного войска, отчаявшись в победе и изголо-давшись, переходили в город. Словене и союзники окончательно уверились, что Фессалоника скрывает свои главные силы и вовсе не истощена мором. «Мы, не надеясь захватить вас, — говорили перебежчики через толмача городским властям, — решили, обду-мав, что скорее спасемся у вас».88

Тем не менее, основная масса словен была полна решимости продолжать осаду. Захват города теперь, должно быть, казался им единственным спасением от голода. 26 сентября словене вновь подступили к Кассандрийским воротам. Они были прикрыты «черепахами» и принялись за разрушение протейхизмы — передо-вого укрепления, прикрывавшего стену и ворота. От стоявших на стенах защитников словене были скрыты и «черепахами», и час-токолом протейхизмы. К тому же «черепахи» теперь стали неуяз-вимы для огня. Тогда небольшой отряд копейщиков рискнул вый-ти из города к протейхизме и подняться на нее. Словене не ожидали от защитников такой смелости. Неожиданное появление на укреплении воинов спугнуло их. Бросив ломы и топоры, кото-рыми почти уже разнесли частокол, словене бежали. Когда со-вершивший вылазку отряд вернулся в город, одну из створок за-крывавшей ворота решетки заело, и ворота оставались открыты-ми до вечера и часть ночи. Но словене об этом не знали или просто не осмелились воспользоваться обстоятельствами89 (может, подозревали ловушку?).

По всей видимости, немалая часть войска в ту ночь занима-лась подготовкой к бою камнеметов. Всего их было, вероятно, не менее полугора сотен — во всяком случае, по подсчетам оборо-няющихся, против восточной стены стояло «более пятидесяти».90 Утром 27 сентября начался общий обстрел города из камнеметов крупными камнями. Но ни один из «непрерывно» летевших кам-ней не попал в главную цель — стену. Все они либо не долетали, либо перелетали городские укрепления, оставляя при падении глубокие воронки. Наконец, горожанам удалось поджечь один из камнеметов, все еще покрытых сухой кожей и к тому же защи-щенных досками. Тогда словене, поняв свою

ошибку, отступили, увозя орудия с собой.⁹¹

С рассветом 28 сентября камнеметы вновь атаковали стены на всем их протяжении. Примерно до часа пополудни продолжался непрерывный обстрел. Теперь орудия вместе с защитными досками были покрыты уже влажными шкурами только что забитых животных. Под этой защитой, надежно предохранявшей от пламени, словене смогли подвезти камнеметы ближе к стенам. Однако и на этот раз атака орудий не дала ожидаемого эффекта. Горожане растянули по стене на прутьях плотную завесу из парусины и мешковины, используя для ее изготовления подстилы городских трапезных. Завеса смягчала удары камней, и они не наносили стене ущерба. Большинство камней вновь упало перед стеной или за ней. Лишь один ударил в зубец стены, «одним ударом разрушив его до основания». Стрельба, которую вели в ответ горожане, оказалась более удачной. Посылаемые с укреплений камни часто влетали внутрь словенских сооружений и убивали тех, кто их обслуживал.⁹²

Не добившись успеха, словене прекратили обстрел и отступили в лагерь. Вдохновленные победой горожане, выбежав из города через западные. Золотые ворота, спустились к морю и убили нескольких купавшихся там после боя врагов. Потом, впрочем, страх побудил ромеев спешно вернуться за врага — пока о вылазке не узнали в «варварском» лагере.⁹³

Утром 29 сентября, в воскресенье, вожди осады собрались на совет. Обстановка в голодающем лагере сложилась тяжелая и внушавшая опасение. Скот еще оставался,⁹⁴ но хозяева (преимущественно авары и болгары) делиться им, видимо, не желали. Основной массе войска приходилось к тому времени питаться «прахом земли» — все съестное в окрестностях Фессалоники было уничтожено.⁹⁵ Штурм города всеми наличными силами казался теперь надеждой на спасение. Другим вариантом могло стать только отступление и рассеяние войска по Македонии в поисках пропитания. Осаждавшие решили — на следующий день «всем вместе напасть по окружности стены» и в результате «либо, напугав силой нападения, сбросить вниз охрану на зубцах, либо, если не достигнут цели, по крайней мере убедиться наконец в том, что не должны напрасно сражаться».⁹⁶

Далеко не все осаждавшие, однако, решились идти на смертельно опасный штурм. Иные поспешили перебежать в город, силы и ресурсы которого переоценивали. Там они рассказали о готовящемся приступе. Горожане, таким образом, узнали от перебежчиков о плане «варваров». Однако это знание большой пользы принести не могло — силы Фессалоники были на исходе. Горожан охватил «ужасный страх».⁹⁷

То, что произошло далее, лучше нас опишет непосредственный участник событий — епископ Иоанн. Не стоит прибегать к рационализирующим объяснениям происшедшего. Там, где со-временный скептик увидит, скажем, некий «массовый психоз» изголодавшихся воинов, религиозное сознание вправе видеть подлинное чудо. Во всяком случае. «Чудеса святого Димитрия» — наш единственный источник информации, и сопоставить его не с чем. Следует при этом помнить, что Иоанн являлся современником и очевидцем событий — и писал не столь уж долгое время спустя, также для современников и очевидцев. Отсюда следует довольно простой вывод — и он, и его читатели верили в то, что все произошло на их глазах именно так.

Итак, жители Фессалоники были уверены, что утром поне-дельник их ждет страшный натиск «варваров». Но около двух часов пополудни их взору явилось странное зрелище — «все вар-вары, подняв одновременно крик со всех сторон, отступили к вершинам, поспешно покинув палатки вместе со всем пригото-вленным ими. И таким был испуг, поразивший их, что некоторые из них бежали безоружными и неодетыми. После того как около трех часов они оставались на вершинах ближайших гор, наблю-дая... когда наконец зашло солнце, они снова спустились к своим палаткам, грабили друг друга... так что было много раненых, а некоторые погибли».98

На рассвете 30 сентября к воротам сбежалось «весьма мно-го» недавних врагов. Горожане опасались засады, и потому не сразу поверили перебежчикам, которые «сильно кричали и кля-лись, что все враги бежали бесшумно ночью». Только примерно за час до полудня горожане решились открыть ворота. Перебеж-чики рассказали следующее: «Мы прибежали к вам, чтобы не по-гибнуть от голода и, кроме того, зная, что вы победили в войне. Ибо мы убедились, что вы скрывали до сих пор в городе ваше войско и что только вчера в восемь часов [от рассвета] внезапно послали его с оружием против нас из всех ворот: тогда вы виде-ли, как мы, побежденные, бежали к горам. Когда, спустившись вечером, мы узнали, что войско вернулось назад через ворота, то-гда разделились между собой и грабили друг друга. Посовещав-шись, они бежали бесшумно всю ночь, ибо заявили, что до рас-света войско опять устремиться против них. И вот, они бежали, а мы остались».99 Горожане поразились, но подали вида. «Воисти-ну до вчерашнего дня мы не высылали против вас войско, — ска-зали городские чиновники. Но чтобы мы знали, что вы говорите правду, скажите, кого вы видели во главе его?» Один из «варва-ров», как сообщает Иоанн, сказал в ответ: «Мужа огненного и сияющего, сидящего на белом коне и одетого в белую одежду — вот такую». С этими словами он коснулся хламида одного из служащих префекта.100

Дело, начатое таинственным разгромом, довершила распря, вспыхнувшая в голодном и

отчаявшемся войске — несомненно, как раз из-за продуктов. Огромная армия вторжения превратилась в распадающуюся на мелкие родоплеменные отряды, охваченную паникой толпу. Бегство осаждавших от Фессалоники было действительно паническим и беспорядочным. За одну ночь они далеко ушли от города, не задерживаясь и бросая одежду, вооружение, даже скот и тела мертвых.»¹⁰¹ Воины могли гибнуть как от голода, так и во вновь возникавших стычках. Так бесславно завершилась осада столицы Иллирика — драматичная кульминация словенского нашествия на Империю 580-х годов.

Вторжение в Ахайю

Откатившись от стен Фессалоники, разноплеменное войско, видимо, рассеялось по Македонии в поисках пропитания и мест для зимовки. Особых трудов это не стоило — обе македонские провинции не пощадила чума. Сейчас, в пору сбора урожая, многие селения почти опустели. Пришельцы могли селиться в них и пользоваться плодами труда погибших от мора хозяев. Помешать им вряд ли кто-то мог — Македония оставалась почти беззащитной, кроме того, на ее землях уже селились словене.

На Фессалонику же сразу после ухода осаждавших обрушилась новая беда. Голод, недавний союзник горожан, теперь перешел из брошенного осадного лагеря за стены победителей. В окрестностях не осталось ничего съестного, а припасы самого города кончились. По Империи распространился слух, что Фессалоника пала, и транспорты с хлебом подоспели буквально в последний момент, когда голодная смерть уже косила горожан.¹⁰²

Словене, между тем, понемногу заселяли Македонию. Они захватили и отчасти разрушили полупустой после мора укрепленный город Лихнид в пограничье Македонии Второй и Нового Эпира. На его месте возникло славянское поселение, позже известное как Охрид и ставшее важнейшим центром расселения в этих землях.¹⁰³ Большая часть словен, однако, не стремилась остаться в опустошенной войной и мором Македонии. Новые, более богатые земли они рассчитывали найти дальше на юг.

С наступлением весны большая часть авар и болгар, очевидно, ушла из Македонии на север. Там, в Скифии и Нижней Мезии их каган вел кровопролитную и опасную войну с ромейскими полководцами и явно нуждался во всех наличных силах. Роль авар в дальнейших событиях на юге была невелика, даже если какое-то малое число кочевников и осталось со словенами.¹⁰⁴ Словене, может, и действовали формально под

предводительством и в интересах кагана, захватывая ромейские провинции как будто для него. Но реально они руководствовались только своими интересами — поиском новых земель для оседания.

Кагану, чьи дела во Фракии шли не лучшим образом, много-тысячное словенское войско пригосило бы скорее там. Завоевание брошенных Империей на произвол судьбы южных провинций ничего не давало для большой войны. В Константинополе его, по большому счету, не заметили, и в общегосударственных хрониках сведений о событиях почти нет. Но после поражения у Фессалоники каган утратил реальную власть над словенами. Собрать их в единое войско и установить хотя бы подобие единоначалия теперь уже не было никакой возможности.

Словене, так и не сплотившись вновь в единую рать, вторглись в греческие земли широким фронтом — через Фессалию и Старый Эпир. Серьезного сопротивления они, судя по всему, не встречали — основная часть вооруженных сил Империи на Балканах сражалась с каганом во Фракии. Повсюду на своем пути словене разрушали или захватывали города и другие греческие поселения, изгоняя жителей. Опустошив «всю Фессалию», словене вторглись в среднегреческие земли. Упоминается о захвате города Линия на берегу Саронического залива. Словене разорили Аттику. Видимо, именно тогда были взяты и частично разрушены Афины — хотя в этом древнем городе словене не задержались. Из Аттики или Фессалии они переправились на остров Эвбею и прошли по нему с войной. Из горного Эпира (пострадавшего сравнительно мало) завоеватели прорвались в области по северному берегу Патрского и Коринфского заливов — так называемую Локриду — и разорили ее.¹⁰⁵

Словене, вероятно, повсеместно оседали на «захваченных» землях. Но основная их масса стремилась дальше на юг. Миновав Истм (в Коринфе, вероятно, все еще стоял аваро-словенский гарнизон), словене вторглись на Пелопонесс (осень 587 или уже весна 588 г.¹⁰⁶). Их появление вызвало панику в эллинских городах, жители которых готовились к бегству с момента падения Коринфа. В числе первых словене захватили Аргос, чьи жители бежали на остров Орови в Аргонидском (Навплийском) заливе.¹⁰⁷ На западе крайней точкой, которой они достигли, двигаясь вдоль южного берега Коринфского залива, стала важная ромейская крепость Патры. Жители ее были «изгнаны, точнее выселены народом славян» и переместились в южную Италию, в Регий.¹⁰⁸

Нашествие захватило восточный и центральный Пелопонесс, причем преимущественному разорению подверглись приморские районы. Видимо, основная

масса словен двигалась вдоль побережья. Когда нашествие приблизилось к Спарте, епископ и многие жители города бежали в Монемиасию. Эта неприступная крепость, подобно некоторым другим горным твердыням, устояла, тогда как сама Спарта была захвачена. Уцелевшие жители отплыли на Сицилию, где поселились в городе Деменна.¹⁰⁹ Завладев, по сути, большей частью полуострова, словене расселились на нем. Дальше идти было некуда — на юг простиралось море. Не исключено, что словене восприняли Пелопонесс как «последнюю» землю. Впрочем, места на полуострове хватало — словене оставили нетронутым его запад, удовольствовавшись завоеванным.

Местные хроники и позднейшие источники изображают захват Пелопонесса, на первый взгляд, как тотальное разорение, сопровождавшееся повальным бегством местных жителей.¹¹⁰ Действительно, опустошение было весьма велико — погибло или бежало большое число эллинов. На враждебные отношения и недостаток мирных контактов между пришельцами и аборигенами указывает ничтожное количество общеславянских заимствований из греческого языка.¹¹¹

Но внимательное изучение как письменных, так и археологических источников восстанавливает более сложную картину. В X в. приходилось уже подчеркивать неславянское происхождение жителей Майны, горной цитадели, прикрывавшей некогда крайний юг и юго-восток Пелопонесса. К моменту вторжения словен обитатели этой неприступной крепости, «древние ромеи» (римляне) по происхождению, оставались «эллинами» по вере — то есть язычниками. После нашествия они вышли из повиновения имперским властям. В IX в. их пришлось подчинять заново — наравне со славянами.¹¹² По всей вероятности, язычники из Майны вошли в некое соглашение с «варварами». Соглашение сохранило за майниотами не только крепость (которую словене не могли взять, как и Монемиасию), но и богатые оливой окрестные земли главный источник существования в безводном краю.

Словене громили в основном крупные города и верные Империи крепости — оплоты военной, церковной и гражданской власти. Сельское население, тяготившееся религиозной и налоговой политикой властей, пострадало в меньшей степени. Оно не вступало в конфликт с захватчиками, хотя едва ли приветствовало их. Словене могли облагать греческие общины данью (не это ли имеют в виду хронисты, говоря об «унижении» эллинов?), но не уничтожать их. Так, лаконские селяне, судя по всему, довольно мирно сосуществовали со словенами. Согласно «Монемиасийской хронике», после бегства спартанских граждан «пастухи стад и земледельцы» остались в Лаконии, «в лежащих поблизости каменных местах». Под влиянием словен, вероятно, образ жизни этой группы населения претерпел серьезные изменения. С X в. потомки древних лаконцев воспринимались уже как особое этническое меньшинство — «цаконы».¹¹³

Помимо того, следует помнить, что Эллада оставалась в рамках державы ромеев своеобразным заповедником классического рабовладения. Для немалого числа неполноправных ее жителей война сулила освобождение. Рабство же у самих словен (не стоит сомневаться, что они брали пленников) было не в пример легче, а главное — не пожизненным. Смешение со своими данниками и пленниками, видимо, стало одной из причин быстрой утраты словенами восточного и центрального Пелопонесса ряда черт своей культуры (домостроительство, погребальный обряд, керамика). Словене, несомненно, смешивались не только с эллинами, но и гораздо быстрее с союзниками — гепидами, болгарами, аварами. Процесс этот начался еще в Поморавье.¹¹⁴

В то же время славянская культура сохраняла самобытность. Словене держались за свой язык.¹¹⁵ Сохраняли они и этническое самосознание — потомки всех пришельцев с севера (включая авар) к началу IX в. уже считались славянами. Словене сохранили на Пелопонессе и в других областях Эллады многие элементы своего земледельческого хозяйства, некоторые особенности домостроения — позднее воспринятые и местными жителями.¹¹⁶

Завоевание греческих земель являлось частью войны, которую авары и словене вели против Империи. Поэтому эллины восприняли происшедшее, как покорение своей страны каганом. Но по сути, и греческий хронист признает, что «авары» (точнее, славяне) на Пелопонессе, не покоряясь Империи, не были подвластны и «кому-либо другому»¹¹⁷ — аварскому кагану в том числе. На землях Пелопонесса сформировались новые славянские племена, в которые влились и союзники словен.

Из словенских племен, осевших на Пелопонессе в конце VI в., нам известны по имени лишь два. Это милинги и езеричи, жившие в центральных областях южного Пелопонесса. Они являлись, очевидно, сильнейшими и наиболее многочисленными славянскими племенами полуострова и дольше сохраняли независимость. Между собой они находились в тесном союзе.¹¹⁸

Название «милинги» определено германское по форме. Вероятно, оно образовано с германским «отчеством» — *ing* от славянского имени с основой на «Мил». ¹¹⁹ Основой племени, видимо, стал гепидо-словенский отряд во главе со словенским предводителем. Милинги поселились в окрестностях древней Спарты, в Лакедемоне.¹²⁰ В самом городе следы присутствия славян незначительны.¹²¹ Видимо, одним из источников существования для племени стал сбор дани с немногочисленных вернувшихся горожан и

лаконского крестьянства (будущих цаконов).

«Езеричи» — результат перевода на славянский греческого названия «Элос», то есть «Озеро». Так звалась область расселения этого славянского племени — в топких низовьях реки Эврот, к югу от Лакедемона.¹²² Позже местность стала именоваться также по-славянски «Езеро» (Ezeron).¹²³ Восприятие местного названия — свидетельство достаточно тесных контактов первых езеричей с эллинами. Именно эти славяне могли находиться в союзе со своими близкими соседями — изменившими Империи язычниками из Маины.¹²⁴

Итак, словене добились значительных успехов, заняв без заметных препятствий обширные области Ахайи. Действия кагана на севере, во Фракии, оказались в 587 г. гораздо менее удачны. Весной смелые операции ромейских командиров свели на нет все успехи авар в Нижней Мезии и Скифии. Самому кагану, зимо-вавшему близ Том, пришлось спасаться бегством. Позже ему удалось, однако, разбить противника и разорить фракийские провинции, загнав ромеев за Длинные стены. Но в Астике он был застигнут Коментиолом, и лишь внезапно вспыхнувшая в рядах ромеев паника свела дело вничью, к «взаимному бегству». Каган вновь принялся разорять Фракию (именно в это время авары овладели осадной техникой). Он штурмовал Адрианополь — но безуспешно. Осенью новый стратиг Иоанн Мистакон разбил авар под стенами Адрианополя и этой победой завершил войну.¹²⁵

Каган отступил на запад и, видимо, вновь попытался призвать к оружию нижнедунайских словен. Это ему удалось — во всяком случае, в 588 г., как и в 585, «полчища славян причинили большой вред области Фракии». ¹²⁶ Но на этом волна нашествия иссякла. Словене, несомненно, устали от многолетней войны. К тому же с востока им теперь угрожали анты. Те, кто искал новых земель, обрел их — будь то во Фракии, Поморавье, Македонии или Греции. Теперь эти земли требовалось осваивать и обживать — а делать это в состоянии непрерывных военных действий с Империей, все еще мощной, и вражды с аборигенами едва ли стоило. Интересы кагана, натравливавшего дунайцев на ромеев, на время вошли в противоречие с нуждами самих словен. Ни о каких крупных столкновениях во Фракии в ближайшие годы после 588 нам неизвестно.

Основным итогом нашествия 580 — 588 гг. стало поселение значительных масс словен к югу от Дуная, на землях Империи. Этим было положено начало истории южнославянских народов — хотя их непосредственное формирование относится уже к следующему периоду. Дунайский лимес не стал для словен и авар непреодолимым

препятствием. Тем не менее, в последнем десятилетии VI в. он еще существовал. Задачей Империи стало удержание границы по Дунаю — пусть и за спиной уже прошедших ее «варваров» — любой ценой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. БИТВА ЗА ДУНАИ

Север в пору аварских войн

Поражение 587 г. побудило кагана к поискам новых, союзников. Силы словен Нижнего Подунавья оказались недостаточны для сокрушения Империи. К тому же их племена не были склонны выполнять любые распоряжения авар и действовали исходя из собственных интересов. Каганат нуждался в увеличении численности племен непосредственно подчиненных, которые выполняли бы прямую волю кагана. Внимание авар обратилось на славянский север.

Естественно было искать союзников среди тех словен, которые прибывали с севера к Нижнему Дунаю, побуждаемые недостатком пахотных земель. Выше уже говорилось, что наряду с дулебами в этих переселениях участвовали и ляхские (лендзянские) племена Юго-Восточной Польши. Часть их переселенческого потока кагану удалось перенаправить в свои земли. Вероятно, он привлек лендзян мощью каганата и посулами земель, которые удастся вместе захватить у ромеев.

Далматинский хронист Фома Сплитский в XIII в. передавал предание о том, что «вместе с Тотилой» (Фома смешивал готов и авар¹) в Далмацию «из земель Полонии пришли семь или восемь знатных родов, зовущихся лингонами». ² Это те самые славяне, которые вместе с аварами («готами») в начале VII в. захватили Далмацию и о которых писал также Константин Багрянородный. «Лингоны» обычно и, видимо, справедливо толкуется как ученое искажение племенного названия лендзян. ³

Предания, передаваемые Константином, помещают этих славян близ границ Далмации, за пограничной рекой, отделявшей ее от Аварского каганата. Реку эту Константин отождествил с Дунаем. Но на самом деле, очевидно, предания имели в виду Са-ву. Именно Сава отделяла в ту пору земли ромеев от аварской Паннонии, и только к Саве имело смысл высылать воинов из кре-пости Клис (в 4 км к северу от Салоны, столицы Далмации).

Фома сообщал о переселении целых славянских «племен». ⁶ Константин рисует славян («авар») занятыми, помимо войны, и мирным трудом, живущими с женщинами и детьми. Очевидно, привлеченные каганом лендзяне были действительно не просто военными отрядами неженатой молодежи, а общинами земле-дельцев, искавшими новых мест. Возможно, на новых местах они быстро перемешались с аварами и приняли некоторые элементы их культуры. Но Константин, писавший три столетия спустя, мог отождествить славян и «авар» просто из-за их совместных дейст-вий. Не следует преувеличивать и ту «знатность», о которой го-ворит Фома — для позднейшего, уже средневекового предания ес-тественно преувеличивать родовитость предков.

Благодаря привлечению на свою службу лендзян каган, должно быть, получил какие-то более или менее определенные сведения о ситуации на севере славянского мира. Во всяком слу-чае, едва ли он действовал в дальнейшем наобум, без конкретных данных о прибалтийских землях. В скором времени после поражения осени 587 г. (едва ли позже весны 588) каган отправил по-слов на север. Его послы просили у славянских племен Полабья и Южной Балтики «воинских сил», предлагая вождям «богатые да-ры». Но всей вероятности, это были суммы из ромейской же дани — они частично обнаружены в кладах поморских земель.

Однако «этнархи» приморских славян (то есть поморян ни-зовий Одера), «приняв дары, отказали ему в союзе». Они ссыла-лись при этом на дальность пути. Рассчитывая на благородство кагана, «этнархи» отправили к нему посольство из трех человек с извинениями. Оскорбленный вождь авар, однако, «забыв о законе послов, начал чинить им препятствия к возвращению». Очевидно, он рассчитывал таким путем либо получить

назад деньги, либо добиться высылки воинов. Послы сбежали во Фракию, где попали в руки самому Маврикию, уверив его при этом, что к ромеям и бежали — те, дескать, «славятся богатством и человеколюбием». Император, «восхитившись» славянами; в то же время, видимо, не слишком им поверил — и отослал во фракийскую крепость Ираклию.⁹ Дальнейшая их судьба неизвестна.

Неудача с поморянами не была катастрофой для кагана. Большинство подкупленных им племен откликнулось и выслало свои силы на подмогу. В лесистых землях между Одрой и Лабой места хватало явно не всем, и племена могли стремиться избавиться от части беспокойной молодежи. В результате на землях каганата появились ободричи, смоляне и стодоряне. Каган призывал в данном случае именно «воинские силы», а не общины переселенцев. Прибывали, соответственно, молодые воины, которых каган расселял и обустроивал среди своих подданных — словен и гепидов. Утрачивая при этом большинство черт духовной и материальной культуры, такие переселенцы, однако, сохраняли племенное самосознание — и племенные имена.

Ободричи осели в Потисье, к востоку от Паннонии, где оставались еще и в первой половине IX столетия.¹⁰ Возможно, что в этом же регионе, основной базе для вторжений кагана в Иллирик, или даже уже за Дунаем, в Поморавье, были сначала поселены смоляне. В первой половине IX в. это племя жило далеко к югу от Дуная, на юго-западе современной Болгарии.¹¹ Стодоряне же были помещены существенно западнее. Их след — Стодорская долина в верховьях Дравы,¹² на подступах к Истрии и ромейским владениям в Италии.

Установление связей с каганатом способствовало обогащению племенной знати венедов и, как следствие, — усилению ее власти над соплеменниками. С другой стороны, должно было усилиться давление каганата на единственных своих врагов в северном регионе — хорватский племенной союз. Хорваты и союзные им племена, занимая Чехию и частично Силезию, являлись естественным препятствием на пути прямых контактов между каганом и венедами. Связь с последними могла осуществляться лишь в обход хорватских земель, через территорию лендзян. Именно ляхские племена, видимо, и явились союзниками каганата в натиске на чешских и верхнесилезских славян.

С этим напором можно увязать не только продолжавшуюся миграцию из Чехии в бассейн Лабы — Заале, но и движение из Силезии на север, приведшее к сложению новой, фельдбергской культуры. Носителями фельдбергской культуры признаются славянские племена велетов (вильцев).¹³ Их миграция могла быть вызвана аварским

нашествием на обжитые прежде земли. С другой стороны переселение предстает скорее как целеустремленное военное вторжение. Это заставляет думать и об иной возможности. Не была ли миграция велетов сознательной военной акцией враждебных аварам племен — дабы нанести удар по северным союзникам каганата и всемерно ослабить противника?

Основным толчком к началу завоевательных войн явилось, вероятно, само возникновение племени (или уже небольшого союза «родов») велетов. Костяком его, давшим общее имя, стали, как уже говорилось, переселенцы из Юго-Западной Прибалтики, где племя вельтов известно во II в. н. э. В Верхней Силезии они быстро ославянились. переняли традиции суковско-дзедзицких племен в домостроительстве и погребальном обряде.¹⁴

Главной культурной особенностью «фельдбергцев»-велетов является керамика — изготовленная на гончарном круге, с хорошим обжигом и богатым орнаментом (горизонтальные линии, ряды волн, реже штампы и наlepка). Керамика эта представлена невысокими сосудами с широким горлом, выпуклыми боками и суженым низом.¹⁵ Как уже говорилось, появление гончарной керамики указывает на еще один компонент сложения велетского племени — бродячих гончаров, возможно, германского происхождения. Скорее всего, гончары совместно с балтийскими пришельцами вошли в элиту нового объединения. Быть может, основу племенной дружины составили члены бойнических братств, происходившие из разных племен. Это объяснило бы прослеживаемую даже археологически повышенную агрессивность велетов.

В велетской элите можно выделить и еще один, несколько неожиданный компонент. В конструкции известных уже с VII в. (Фельдберг) и уникальных для славян велетских храмовых зданий явно ощущается кельтское влияние. Верхняя Силезия издавна являлась местом встречи праславянской, германской и кельтской культур, и кельтские традиции храмового строительства могли уцелеть именно здесь.¹⁶ Кельтский друидизм был, пожалуй, наиболее развитой из языческих религиозных систем «варварской» Европы. Нет ничего удивительного в том, что он оказывал воздействие на местных жителей, даже когда кельтский этнический элемент в Силезии полностью стерся. Далекие потомки кельтских жрецов-друидов, сохранившие некоторые их традиции, влились в велетскую знать.

Точная датировка событий невозможна, но вторжение в венедские земли велеты начали в конце VI в.¹⁷ К этому моменту они уже продвинулись в Нижнюю Силезию, где, видимо, и завершилось формирование племенной общности. Первый удар пришелся

на стодорян в бассейне Шпрее — Хафеля.¹⁸ Велеты передвигались большими организованными группами, ударную силу которых, несомненно, составляли мужчины-воины. Вторжение встревожило местные племена. Повсеместно, сначала в землях стодорян, а потом и дальше на север, начали возводиться укрепленные грады. На рубеже VI — VII вв. были основаны крепостцы Бранибор (Бранденбург), Кепеник, Шпандау, Бланкенберг.¹⁹ Однако само количество этих городищ-убежищ свидетельствует о слабой (по сравнению с велетами) черте политической организации стодорян и их сородичей. В отличие от врага, венецкие племена были крайне раздроблены политически. До создания единого «княжения» даже в рамках сравнительно небольшого региона они дошли не сразу.

В то же время велеты, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, не стали в массе задерживаться в земле стодорян. Присоединение стодорян к велетскому союзу, видимо, произошло уже позже. По крайней мере, массового разрушения градов не отмечено, и главный очаг фельдбергской культуры сложился дальше к северу. Велеты, сперва двигавшиеся вдоль Лабы, отклонились затем на северо-восток, к Одре. По пути они, вероятно, существенно потеснили ободричей. Под давлением завоевателей суковские племена на рубеже VI/VII вв.²⁰ сдвинулись на север и осели на берегах Балтики, в срединной части междуречья Лабы и Одры. Именно здесь ободричей позже знают письменные источники.

Основную же тяжесть велетского натиска приняли на себя племена Западного Поморья. Вторжение велетов отмечено группой невоскрывших кладов с имперскими монетами в низовьях Одры, о которых уже говорилось. Брежане и поморяне, жившие к западу от Одры, были частично изгнаны за реку. Эта часть земель Южной Прибалтики превратилась в главный район расселения велетов. На западе велеты потеснили жившее здесь (по реке Варне) древнее германское племя варнов. Варны были вынуждены влиться в ободричский племенной союз, тем более, что ободричи уже начали расселяться на их землях. Главной побудительной причиной образования венецкого союза во главе с ободричами, очевидно, как раз и была борьба против велетов. Позднее варны, проживавшие на границе между ободричами и велетами, ославились.

На пути своего движения и в отдельных военных акциях велеты уничтожали венецкие грады, истребляя или изгоняя жителей. На захваченных территориях они возводили собственные укрепленные поселения. В каждом велетском граде имелось несколько десятков дворов, на которых проживало в общей сложности от 600 до 1000 человек.²¹ Численное превосходство, несомненно, стало наряду с лучшей организацией одним из залогов велетских успехов. С другой стороны, постоянное проживание в укрепленных градах свидетельствует о том, что велеты на захваченных землях жили в условиях

постоянной угрозы — будучи са-ми, впрочем, едва ли склонны к вечному миру.

В то же время основная масса вене-дов осталась на прежних местах. Велеты в первую очередь уничтожали грады — центры сопротивления — и враждебную племенную элиту. Остальная же часть побежденного племени включалась в велетский союз на условиях, видимо, даннической зависимости. Со временем велеты стали обильно смешиваться с покоренными племенами, а фельдбергская керамика распространяется на суковских поселениях.²² Собственно велеты, жившие в градах, составили элиту нового союза. В эту своеобразную аристократию входили племенные князья, дружинники, ремесленники-гончары и жрецы. Велетское общество было гораздо в большей степени иерархично, чем вене-дское. Велетские вожди (в отличие от ободричей) в VIII в. но-сили двусоставные «княжеские» имена.

Память о велетских завоевательных войнах сохранилась в средние века не только в молве об особой свирепости велетов (позже — лютичей). В норвежской «Саге о Тидреке», которая представляет собой перевод германских эпических сказаний, выделяется так называемая «Вильцина-сага», то есть сага о вильцинах (вильцах, велетах-лютичах).²³ В ней заметны некоторые эле-менты уже не немецкого, а славянского эпоса.

Повествование о вильцинах открывается рассказом о завое-вательных войнах «конунга» Вильцина (то есть Велета), разо-рившего и покорившего многие страны, в том числе Польшу и Русь. По его имени и названы, будто бы, вильцины.²⁴ В дальней-шем, после смерти Вильцина, его народ побеждают и покоряют обложенные ранее данью русские.²⁵ В последующем повествовании о русских и вильцинах давно и не без оснований видят пер-вую запись русских былин «Владиминова» цикла. Это наводит на парадоксальную, на первый взгляд, мысль — не из Руси ли, через Новгород, была воспринята вся канва «Вильцина-саги»? Новго-родские словене были выходцами из Южной Прибалтики.²⁶ Их предки, скорее всего, имели дело с велетами и были ими подчи-нены. Память об этом факте сохранилась в предании, а освобож-дение трактовалось спустя века как конечная победа над против-ником и его покорение.

Велет, точнее «Волот Волотович» (в северорусских преда-ниях волоты — мифические великаны), действительно, обнаружи-вается и в русском эпосе. Но в эпических песнях XIX — XX вв. царь Волот — уже не воитель, а мудрец, восприемник и хранитель сокрытой мудрости. Этот персонаж (смешиваемый с былинным Владимиром) — главный в т. н. «духовном стихе» о Голубиной книге. Здесь он вопрошает библейского царя Давида о смысле «выпавшей» с небес «книги Голубиной», скрывающей знание об

устройстве мира.²⁷ «Голубиная книга» — произведение, родившееся в атмосфере «народного христианства», а по сути многоверия — сочетает самые разные по происхождению элементы. В основном она восходит к переводному апокрифу «Беседа трех святителей». Сложился памятник не позднее XV столетия.²⁸ Присутствие в «Голубиной книге», наряду с чертами «христианских» ересей, частиц языческой мифологии признается многими специалистами.²⁹

Итак, до нового времени сохранилась не только (а затем и не столько) память о велетских войнах, сколько о велетах и их «царе» как носителях некоей сакральной «мудрости». В связи с этим, восходящим к языческим временам представлением нельзя не вспомнить о «кельтской» составляющей в религиозной культуре велетов. Как уже указывалось, кельтский друидизм являлся наиболее развитой из «варварских» религиозных систем Европы. Видимо, велеты наследовали не только внешние проявления, но и отдельные космологические доктрины этой сложной религии, хранителем которой являлось замкнутое жреческое сословие. Кельтское «знание» было не только частично воспринято велетами, но и навязано ими покоренным племенам. В связи с этим язычество в сфере велетского влияния обрело некую цельность и связность, «философскую» подоплеку, незаметную в других славянских землях. Недаром именно полабско-поморский и северо-русский рет-ионы стали позже главными оплотами языческого сопротивления христианизации.

В то же время велетской традиции оказалась чужда такая черта друидизма, как главенство жрецов в духовной сфере. Верховным носителем священного «знания» считался князь — сакральным и военный вождь одновременно. Возможно, он являлся одновременно главой игравшего большую общественную роль дружинного союза, связанного с культом волка (ср. позднейшие названия велетов — «вильцы», «лютичи»³⁰). Все это отразилось в славянских преданиях о князе Велете — великом завоевателе и приобретателе «глубинных» знаний.

Завоевательные войны велетов привели к образованию на славянском северо-западе двух противостоявших позднее друг другу веками племенных объединений — велетского и ободричского. В исторической ситуации VI в. эти события отрезали Аварский каганат от северных венецких союзников и сковали силы последних. Но решающего значения для аваро-ромейских войн эти далекие события иметь не могли. Судьбы Империи решались не на Балтике, а на Дунае.

Возобновление аварских войн

Разгром кагана во Фракии в 587 г. позволил Маврикию сосредоточить на Персидской войне все свое внимание. В 588 — 589 гг. ромеям удалось создать против персов новую коалицию, в которую вошли, помимо кавказских владетелей, также отвлекшиеся от своих междоусобиц тюркюты и хазары. Персы разгромили вторгшихся кочевников. Но вслед затем удача улыбнулась императору. В Иряне внезапно вспыхнула гражданская война, стоившая трона шаху Хормизду. Сын свергнутого царя, Хосров, в итоге нашел убежище у Маврикия. Теперь Империя вела на востоке совсем другую войну — войну за восстановление законной власти, при поддержке влиятельной партии в среде самих персов.

Как только стало возможно, Маврикий начал переброску частей с Востока в Европу. Угроза аварского вторжения во Фракию сохранялась, и сведения из-за пределов Астики с трудом доходили до Константинополя. В октябре 590 г.,³¹ стремясь предупредить возможное вторжение. Маврикий предпринял со всеми наличными силами военную демонстрацию во Фракии. Он обошел с войсками всю реально подвластную Империи часть диоцеза — собственно говоря, его юго-восточную часть вплоть до Лахиала. Именно в этом походе, по пути к Анхиалу от побережья Мраморного моря, в руки Маврикия попали послы поморских славян, о которых речь шла выше. То, что они беспрепятственно прошли вглубь Фракии, почти до самых Длинных стен, ясно свидетельствует о слабости ромейского контроля над территорией.

Но акция Маврикия достигла цели — нападения авар не последовало. Каган на какое-то время удовлетворился возобновлением договорных выплат. К тому же император обрел нового союзника. Король Австразии Хильдеберт,³² стремившийся укрепить свои восточные рубежи и опасавшийся возрастающей мощи авар, сам предложил Маврикию заключить против них союз.

Видимо, результатом мер, предпринятых императором, стало восстановление ромейского контроля во Фракии и отчасти на севере Иллирика. Во всяком случае, в 592 — 593 гг. граница по Дунаю функционировала. Путь к фракийским переправам шел по более или менее контролируемой ромеями территории. Ромеи удерживали — хотя и во враждебном окружении словен — даже Сингидун. Каган же удалился в Паннонию. По-видимому, тогда же были восстановлены некоторые позиции и на юге, в Ахайе. В 591 г. Коринф и его окрестности уже снова принадлежали Империи.³³ Видимо, тогда же отчасти вернулись жители в города на севере Пелопонесса — Аргос и Патры. В результате осевшие на полуострове словене оказались заперты там.

В начале 591 г. Хосров II Парвиз при поддержке ромеев вступил на отцовский престол. Персидская война, наконец, завершилась, и осенью стороны подписали выгодный для ромеев мир. Теперь у Маврикия были окончательно развязаны руки. Войска спешно перебрасывались из Азии в Европу. Каган, вне сомнения, быстро осознал сложившуюся ситуацию. Он решил ускорить события, пока противник еще не успел набрать сил.

В 592 г.³⁴ каган потребовал от Маврикия снова увеличить «даннические» выплаты. Не последовало даже ожидаемого отка-за. Осмелевший император попросту проигнорировал «речи вар-вара». В ответ каган «немедленно» двинул войска к границе Мезии. Он приказал словенам, жившим по обоим берегам Дуная близ Сингидуна, «построить множество челнов» для переправы аварской орды. ³⁵

Мораване не слишком хотели ввязываться в новую войну с Империей. Но они боялись кагана и решительно приступили к делу.³⁶ При этом они столкнулись с ожесточенным сопротивлением горожан. «Частыми набегами» сингидунцы «сводили на нет труды славян и предавали огню все, заготовленное ими для переправы». Отсюда следует, что работа шла преимущественно на южном, сингидунском берегу Дуная. В конце концов, раздраженные словене подступили к городу и осадили его. Осада длилась неделю. Давно потерявший связь с Империей, отрезанный от подвоза продовольствия Сингидун был «доведен до крайней степени несчастья». Горожане, казалось, готовились к сдаче — когда недовольный промедлением каган отозвал словен. Он решил переправляться дальше на запад, не через Дунай, а через менее полноводную и протекающую по его владениям Саву. Словене ушли от Сингидуна, не преминув, впрочем, взять с горожан откуп — 2000 золотых, «инкрустированный золотом стол и одежду».³⁷

Вместе с «полчищами» словен каган прошел вверх по Саве к давно захваченному Сирмию. Здесь он разбил лагерь и велел словенам снова взяться за строительство. Словене спешно принялись за работу. Когда они построили необходимое количество «су-дов», каган со своим войском переправился через реку.³⁸ В раз-вернувшейся далее кампании словене сколько-нибудь заметного участия не приняли. Каган, должно быть, отметил их недовольство и решил не привлекать к военным действиям в глубине имперской территории.

Дела авар сперва шли достаточно успешно. Каган без сопротивления миновал земли Верхней Мезии и Дакии, вступил во Фракию. Лишь на перевалах, ведущих к Астике, ромеи попытались дать ему отпор. Но авары, в конечном счете, прорвались через горы и дошли с войной почти до самых Длинных стен. Разгромленный каганом стратиг Приск был осажден поблизости от них, в крепости Цурул. Маврикию, однако, удалось

хитростью отвести угрозу от столицы. Он подбросил аварам дезинформацию о том, что ромейский флот готовится к удару по аварам. Обеспокоенный каган поспешил заключить перемирие с Приском и удалился из Фракии за Дунай.³⁹

Возможно, тревогу кагану внушили и события на западе. Здесь франки вели уже активные действия близ самых границ каганата. В 592 г. Хильдеберт покорил баваров и посадил на баварский престол своего ставленника — Тассило из рода Агилольфингов. Первым действием нового короля стал грабительский набег на «страну славян» — земли альпийских словен. Разгромив их, Тассило «возвратился с величайшей добычей».⁴⁰ Набег Тассило на славян был, видимо, призван поднять авторитет поставленного франками короля среди подданных. Но, помимо этого, он отвечал и политическим целям Хильдеберта, врага авар и их союзников. Таким образом, возобновившаяся Аварская война теперь приобрела почти что общеевропейский масштаб, и в нее оказались втянуты самые разные славянские племена.

Экспедиция Ириска

Вторжение авар немедленно привело к активизации славянских набегов на Фракию. Теперь они диктовались уже не столько поиском новых мест, сколько жадной наживы племенной знати. Набеги организовывал лично Радогост, посылавший за Дунай племенные дружины дунайцев. При этом сам он в военных действиях участия не принимал. «Роды славян», судя по всему, несли в 592 г. серьезный ущерб северным землям диоцеза. Они беспрепятственно переправлялись через Дунай, используя слабость здесь ромейской власти и нашествие кагана.⁴¹ Свою лепту в разор, очевидно, внесли и единоплеменники дунайцев, уже осевшие в Скифии и Нижней Мезии.⁴²

Раздраженный происходящим на севере Фракии, Маврикий решил использовать образовавшуюся в аварской войне передышку для расправы над словенами. К весне 593 г. в Европе было уже достаточно сил для масштабного военного предприятия. Маврикий вверил их Приску и отправил стратига к границе — прикрыть переправы через Дунай, «чтобы роды славян... против воли оставили Фракию в покое». «Варвары не уймутся, — наставлял император полководца, — если ромеи не будут усердно охранять Истр». ⁴³

Ранним летом Приск достиг Доростола. Здесь к нему явились послы кагана, обвинившие его в нарушении договора о перемирии. Судя по всему, авары уже

воспринимали чуть ли не все Нижнее Подунавье как свою территорию. Приск ответил на пре-тензии авар сдержанно. Он заявил, что «война начата против сла-вян: ведь соглашения и договоры с аварами не отменяют войны с гетами».44 Таким образом, он мягко дал понять кагану, что не признает его притязаний на все задунайские «варварские» земли. Аварские послы, казалось, удовлетворились ответом. Осмелевший Приск стал готовиться к переправе через Дунай и вторже-нию непосредственно в словенские земли, — строю говоря, во-преки данным ему полномочиям. Наступательная война казалась ему, вероятно, эффективнее оборонительных действий.

Между тем, Радогост тоже готовил войну — вернее, обычный «поход за добычей» племенного ополчения дунайцев.45 Можно не сомневаться, что о Приске он знал — если слух дошел даже до ка-гана. Но словенский вождь, вероятно, рассчитывал на заступни-чество сильного союзника. К тому же он чувствовал за собой прочный тыл. Где-то между Прутом и Сиретом расположился в ту пору станом сам Мусок — «рикс» словен.46 Видимо, он со своими воинами объезжал тогда гощением южные дулебские земли. Как уже говорилось, гощение главы дулебского союза, скорее всего, падало на теплый сезон.

Собрав большое войско, Радогост отправил его к Дунаю. Еще не знавший об этом Приск тем временем переправился через реку близ Доростола. Получив известия о начале набега, стратиг решил не медлить. Радогост явно не ожидал нападения. Подго-товка ромеев к переправе, вероятно, была скорой и скрытной. Основные силы словен готовились к набегу в ставке Радогоста (в пределах дневного перехода от Дуная, южнее Яломицы). В пер-вую же ночь за Дунаем Приск внезапно атаковал врага. Радогост был захвачен чрасплох. Разбуженный шумом начавшегося боя, он «вскочил на неоседланного коня и обратился в бегство». Но ро-меи, для которых словенский вождь был желанной добычей, пе-рехватили его. Радогост спешился и вступил в схватку. Враги, однако, превозмогли, и Радогост бежал вновь — теперь уже пе-шим. В бегстве через «непроходимые места» он налетел на дре-весный ствол и едва не попал в руки врага. Но, в конечном счете, Радогост ушел от погони, переплыв близлежащую реку.47

Разгромив ставку Радогоста, Приск принялся за опустошение страны. «Полчища», отправленные словенским вождем к Ду-наю, ромеи «сделали добычей меча» — очевидно, ударив в тыл той же ночью. Вся округа подверглась разграблению. В руки ро-меев попала «великолепная» добыча, в том числе пленные словене. Из-за дележа захваченного в войске чуть не вспыхнул мятеж. Приску с трудом удалось убедить своих солдат расстаться с большей частью добычи в пользу императорского семейства. Пленники, забитые в колодки, и выделенная для Маврикия льви-ная доли добычи были отосланы в Константинополь под охраной трехсот воинов во главе с Татимером.48

Первое поражение, видимо, сделало невозможным организованное сопротивление дунайцев. Они применили свою старую тактику — бегство в труднодоступные лесные укрытия. Во всяком случае, разведчики Приска, отправившиеся на поиски врага после замирения бунта, за два дня не обнаружили признаков словен до самой Яломицы (Иливакия). Кто-то за минувшее время успел добраться до стана Мусока за Сиретом и донести до него известие о разгроме Радогоста. Дулебский вождь поспешил, в свою очередь, выслать к Яломице разведывательный отряд, который должен был оценить силы ромеев. Не доходя до реки, разведчики натолкнулись на ромеев.⁴⁹

Приск, ничего не зная о словенском «риксе», не собирался останавливаться на достигнутом. Выяснив, что в окрестностях разоренной ставки Радогоста словен не осталось, он приказал одному из своих таксидаров, Александру, переправиться через Иливакий. Именно с Александром столкнулась разведка Мусокия на северном берегу Яломицы. К битве словене не готовились, и потому обратились в бегство, скрывшись в «близлежащих болотах и дикой чаще». Устремившиеся в погоню воины Александра едва не погибли в трясины поголовно. Александр приказал поджечь топь, чтобы выкурить словен из зарослей либо спалить вместе с ними. Но эта попытка окончилась ничем — влажность пересиливала огонь. Ромеям помогла измена. Находившийся среди словен (в качестве толмача?) крещеный гепид перебежал к единоверцам и указал проход через болото.⁵⁰

Воины Мусока, попав в руки Александра, мужественно выдержали допрос с бичеванием. По словам Феофилакта. «варвары, впав в предсмертное безумие, казалось, радовались мукам, как будто чужое тело испытывало страдания от бичей». Впрочем, большой нужды в этом дознании у Александра не было — он, скорее, рассчитывался с пленниками за свои трудности. Ген ид без всякого принуждения рассказал ромеям о «риксе» Мусоке, о местонахождении его походного лагеря и намерениях. Более того, перебежчик «убеждал ромеев совершить дружное нападение и взять варвара неожиданностью атаки». Александр вернулся к Приску с новостями и пленниками. Стратиг приказал убить захваченных словен. Гепида же, вызвавшегося «с успехом обмануть» словенского «рикса», Приск наградил и обещал ему еще более щедрые дары.⁵¹

Пока Приск переправлялся через Яломицу, гепид вернулся в лагерь Мусока. Он попросил у князя «множество однодеревков, чтобы переправить» беженцев из владений Радогоста через Сирет (Паспирий). Мусок с готовностью и радостью согласился выручить соплеменников и передал гепиду 150 лодок с 300 гребцами.⁵² Словене переправились через Сирет и разбили лагерь на южном берегу, ожидая придуманных

гепидом беженцев.

Приск, между тем, уже двигался к реке. Ночью после пере-правы гепид скрытно выбрался в лагерь ромеев и попросил у Приска сотню воинов. Стратиг, чтобы действовать наверняка, дал две сотни во главе с Александром. Неподалеку от реки гепид скрыл Александра и его воинов в засаде, а сам вернулся к слову — нам. В лагере царила беспечность. Гребцы предались пьянству, а гепид им как будто в шутку «грозил гибелью». Когда сон сморил всех, гепид вывел из засады Александра и указал ему дорогу. За-тем, вернувшись в лагерь и убедившись, что спутники все еще спят, он пропел «аварскую песню» — условный сигнал. Ромеи, напав, перебили спящих гребцов и захватили лодки. Александр послал Приску извещение об успехе, призывая его торопиться с нападением. Погрузив на лодки три тысячи воинов, Приск пере-правился через Паспирий.⁵³

Мусок, тем временем, в ожидании беженцев, перенес стан ближе к Сирету. На беду для словенского князя, у него как раз в эти дни скончался брат. Пока Приск переправлялся через Сирет, Мусок и его воины справляли тризну. В полночь ромеи обруши-лись на отягощенных трапезой и возлияниями словен. Приск уст-роил в лагере «варваров» бойню, не встретив серьезного сопротивления. Мусок попал в плен. Его воинов ромеи убивали до са-мого рассвета. Лишь с восходом солнца стратиг остановил своих солдат. Два дня он оставался на месте разгрома дулебов. Но затем Приск переправился обратно вместе со всей захваченной добы-чей.⁵⁴ Он, видимо, счел, что пленение «рикса» ожесточит славян. а сам он зашел слишком далеко вглубь едва изведанных земель.

Однако осторожности Приска не разделяли его солдаты. Бо-гатая добыча (легко объяснимая, если Мусок действительно объ-езжал подвластные племена) позволила ромеям «впасть в рос-кошь». Затем, в довершение, войско «погрязло в пьянстве». До-зорами стали пренебрегать. Это позволило словенам «отплатить ромеям за набег». Словене напали ночью, «собравшись вместе» — очевидно, ополчение дунайцев и пришельцы из-за Сирета, вклю-чая уцелевших воинов Мусока. Феофилакт довольно скуп в опи-сании этого боя. Но все же греческий историк вынужден был признать, что возмездие словен едва не оказалось «еще страшнее нападения» Приска на них. Потери ромеев явно были очень серь-езны. Словен удалось отогнать лишь благодаря решительным действиям Генциона, командующего пехотой. К утру ромеи отби-лись. Приск велел посадить на кол начальников караула и выпо-роть их подчиненных.⁵⁵

Разорение земель Радогосга взволновало не только Мусока, но и словен, осевших за Дунаем. Татимеру, посланному, как мы помним, в Константинополь, не удалось достичь

столицы без боя. Поскольку «полчища» Радогоста за Дунай переправиться не успели, можно не сомневаться, что ромейскому офицеру пришлось иметь дело именно с фракийскими словенами.⁵⁶ Главной целью словен, возможно, было отбить пленных соплеменников.

Татимер беспрепятственно переправился через Дунай видимо, в окрестностях Доростола. Шел он со своим небольшим (300 человек) отрядом без всяких опасений. На шестой день после выступления, однако, его стоянка была посреди дня атакована словенами. Ромеи только разбивали палатки и устраивали палисад, отпустив пастись лошадей. Атака на собственной земле застала их врасплох. Началась паника. Татимер и некоторые другие успели вскочить в седло и приняли первый бой со словен было гораздо больше. Татимер обратился в бегство и едва избежал гибели — «его настигли несколько шальных стрел». Подоспевшие пешие ромеи закрыли командира, и началась настоящая битва. В конце концов, верх одержали ромеи. Многие словене погибли, а 50 было захвачено в плен. Отогнав остатки врагов, ромеи вернулись в лагерь.⁵⁷

Когда раны начали заживать, Татимер приказал сняться с лагеря и двигаться дальше. Вскоре он уже прибыл в Константинополь. Первая за долгие годы внушительная победа в Европе привела Маврикия в восторг. Он приказал отслужить в честь разгрома словен всеобщую в Святой Софии, а затем «вместе со всем народом вознес молитвы, прося Бога дать еще большие трофеи».⁵⁸ О победе над «Мусокием» император еще не знал. Но уже разгром Радогоста достаточно вдохновил Маврикия. Он отправил Татимера обратно с приказом для стратига — зазимовать на словенских землях.⁵⁹

Войско, однако, оценивало свои достижения иначе, чем император. Когда Татимер доставил приказ, солдаты зароптали и отказались повиноваться. «Они говорили, что не станут лагерем на варварской земле, что морозы здесь невыносимы, а толпы варваров неодолимы». Вновь Приску пришлось пустить в ход красноречие. Он сумел заглушить голоса недовольных, и бунт стих, толком не начавшись. Наведя порядок, стратиг обустроил зимний лагерь за Дунаем.⁶⁰

Однако зимовку не удалось довести до конца. Солдаты вскоре вновь начали роптать. В войске нарастал страх за свою богатую добычу (известно, что в руках ромеев было 5000 пленников). Все ждали внезапного нападения словен. В конечном счете Приск, не желая иметь дело с мятежом, вывел войско обратно за Дунай. За рекой его встретили посланцы кагана — тот любопытствовал, почему ромеи внезапно снялись со стоянок. Основную причину ухода — избыток добычи и недовольство воинов — Приск, разумеется, постарался скрыть.⁶¹

Но уже на третий день после переправы стратиг узнал, что интерес кагана был отнюдь не праздным. Разгром словен, в це-лом, был на руку аварам. С поражением Радогоста и пленением Мусока каган получал реальную власть над дунайцами, остав-шись для них на какое-то время единственной организующей си-лой. Теперь, когда речь шла о добыче, размеры которой каган и без Приска хорошо представлял, он мог использовать обстоятельства в своих интересах. Пылавшим жаждой мести и стре-мившимся освободить пленных сородичей словенам каган «при-казан» переправиться через Дунай. Кроме того, он сам готовился атаковать Приска. Впрочем, алчность кагана встретила с недо-вольством аварской знати. Аристократы под главенством Тарги-тия — второго лица в каганате — заявили кагану, что «он неспра-ведливо гневается на ромеев». Они, таким образом, не считали дунайцев «подданными» каганата и не хотели нарушать мир ни ради них, ни ради личных прихотей вождя. Именно эта группи-ровка, скорее всего, и известила о происходящем Приска.⁶²

Приск отрядил к кагану в качестве посла лекаря Феодора. Переговоры начались трудно. Каган заявлял, что является «вла-дыкой всякого народа» (в том числе и дунайских словен) и грозил своей непомерной мощью. Но ловкий и красноречивый Феодор смягчил кагана древней притчей о гордыне фараона Сесотриса. Поучительный пример произвел на кагана впечатление. Он уме-рил притязания и ясно сформулировал, чего хочет: «Да не оста-нется каган лишенным доли в добыче: он [Приск] напал на мою землю, причинил зло моим подданным. Пусть и плоды успехов будут общими». В этом случае Приск мог стать кагану «хорошим другом».⁶³ Иными словами — в возмещение за разорение земель дунайцев ромеями каган требовал себе часть имущества, нагреб-ленного у его «подданных».

Домогательства кагана, которые Приск склонен был под-держивать, вызвали ярость в ромейском войске. Стратигу с трудом удалось убедить вновь забунтовавших солдат поступиться хоть чем-то. Ромеи решили отдать, всех пленников — наиболее обреме-нительную часть добычи. Тем самым невольно, в буйстве мятеж-ной сходки, они нашли довольно удачный ход. Каган не получал ничего, поскольку удержать «подданных» (в том числе славян-ского «рикса») у себя в тех условиях едва ли осмелился бы. Зато удовлетворялись пересекшие Дунай словене. которые и были главной угрозой на пути к Константинополю. И действительно, после передачи пленников кагану ничего не оставалось, как вы-казать «радость» и «обеспечить ромеям проход».⁶⁴ Ослабленные войной словене и без того возвратились бы за Дунай, добившись свободы для соплеменников. Замирившись с каганом, ромеи бес-препятственно прошли балканские перевалы и вернулись в окрестности столицы, встав лагерем в Дризипере.

Приск отправился с докладом в Константинополь. Здесь его ждал неприятный сюрприз — император еще до обратной пере-правы отравил стратига в отставку. Видимо, Маврикия раздра-жала неспособность Приска жестко пресечь буйство солдатни. Во главе европейской армии теперь был поставлен Петр — брат им-ператора. Уступка пленным кагану также вызвала гнев Маврикия — так что вместо благодарностей за действительно значимый ус-пех Приск снискал лишь попреки.⁶⁵

Пирогостова война

После похода Приска за Дунай мы не находим в источниках никаких упоминаний о славянском вожде Радогосте. О судьбе его после бегства из разгромленной ставки можно лишь строить предположения. Причем догадки эти могут быть прямо противоположными. Не исключено, что с Радогостом в итоге расправи-лись сами соплеменники, поставив ему в вину бесславный раз-гром. С другой стороны, с пленением (пусть временным) Мусока освобождалось место главы дулебского союза. Не исключено, что Радогост отправился на север, и его статус в дулебском объеди-нении каким-то образом возрос.⁶⁶

Так или иначе, но в следующем, 594 году дунайцев возглав-лял уже новый предводитель — Пирогост.⁶⁷ Феофилакт определя-ет его как «филарха» и «таксиарха», что, вероятно, соответствует славянскому «воевода». Пирогост, таким образом, считался не общим князем, а общим военачальником дунайцев. Совпадение второй составной части имен прежнего и нового вождя («-гост»), скорее всего, свидетельствует об их родстве.⁶⁸

Уже говорилось, что удар, нанесенный словенам Империей, сыграл на руку аварам. Их влияние распространялось все дальше вниз по Дунаю. Жившие в соседстве с каганатом племена попа-дали в зависимость от него. Подвластные аварам болгары уже в 594 г. «беззаботно» передвигались по словенским землям в Олтении.⁶⁹ Это было знаком резкого ослабления дулебского союза. Возможно, именно после пленения ромеями Мусока начались усобицы, ставшие предвестием конечного упадка.⁷⁰ Тем не менее, Пирогост действовал против ромеев еще вполне самостоятельно.

Видимо, как только ромеи покинули словенские земли, беженцы вернулись в свои дома и стали готовиться к отмщению. Неясно, хватало ли реально сил для масштабного вторжения — его так и не последовало, хотя слухи о нем тревожили

Константино-поль.⁷¹ Но небольшой отряд словен все-таки вторгся в пределы державы ромеев. Дерзость и жестокость этих напавших, видимо, указывает на состав дружины. В нее могли войти как члены бойнических братств, так и кровники, чьи родные погибли или были уведены в рабство ромеями.

Словене переправились через Дунай на крайнем западе Олтении, близ самой границы с каганатом. Отсюда их набегов, вероятно, не ждали. Первым делом они захватили крепость Акис, которая менее десятка лет назад пережила аварское разорение. От Акиса словене двинулись на юг и дошли до окрестностей Сердики (ныне София), столицы провинции Дакия. Здесь они взяли одну из близлежащих ромейских крепостей — Скопис. Из Дакии они с полоном и добычей перешли во фракийские земли. Все эти территории слабо контролировались Империей. Хотя о маршруте отряда ромеям было известно, серьезного сопротивления словене не встретили. Пройдя через всю Нижнюю Мезию, они разорили крепость Залдапа в пограничье с Малой Скифией, а уже отсюда повернули к Дунаю, намереваясь переправиться где-то близ Доростола. К этому времени в отряде насчитывалось около 600 человек. На «огромном множестве повозок» они везли «большую добычу», а кроме того, гнали с собой пленников.⁷²

Так они и были застигнуты ромеями. В начале лета 594 г. новый стратиг Петр прибыл к войску, расположенному в Одиссе (ныне — Варна). Имея, вероятно, некоторые сведения о словенах, он намеревался сперва перехватить этот отряд, а затем переправиться за Дунай. Из Одиссы Петр привел войско в расположенный западнее, недалеко от Залдапы Маркианополь. Отсюда он выслал авангард — тысячу конников. С ними словене и столкнулись.⁷³

Словене заметили ромеев первыми. Поняв, что также замечены, словене перебили из числа пленников всех боеспособных мужчин. Детей и женщин они согнали в середину спешно возведенного круга из повозок. Взойдя на возы, словене стали кидать дротики в коней приблизившихся ромеев. Командовавший ромейским авангардом Александр отдал приказ спешиться и идти врукопашную. Ромеи пешими ринулись на заграждение, стреляя в ответ на дроты. Словене упорно защищались. Но, наконец, одному из солдат Александра удалось заскочить на воз и сойтись с противниками лицом к лицу, пустив в ход меч. За ним последовали и другие. Когда ромеи разрушили кольцо повозок, словене, потеряв всякую надежду, перебили оставшихся пленников. Затем все они погибли в бою с ромеями, причем те одержали верх «с трудом».⁷⁴

На следующий день Александр известил о происшедшем Петра. Стратиг лично прибыл на место боя. Осмотрев все, он наградил солдат, не поставив никому в вину трагических

последствий. Охотясь по соседству, Петр получил травму от клыков вепря.— Это задержало его на какое-то время в окрестностях Залдапы. Но Маврикий выразил резкое недовольство промедлением брата, добиваясь скорейшего выступления к Дунаю. «Не вынеся упреков», стратиг 2 августа 594 г. выступил в поход, еще страдая от раны. 6 августа передовые части ромейского войска начали переправу через Дунай.⁷⁵

Между тем до Маврикия дошли от границы слухи, будто «полчища славян готовы обрушиться на Византии». Обеспокоенный император немедленно отправил Петру новый приказ — отступить на правобережье и защищать Фракию. Получив приказ 16 августа, стратиг вернулся на ромейскую территорию.⁷⁶ Следующие дни армия провела в блуждании вдоль Дуная, по приграничным крепостям. Петр бесплодно ожидал нашествия словен, но его не последовало.⁷⁷ Возможно, словенские вожди нарочно распускали подобные слухи и предпринимали демонстрации силы. Они рассчитывали, что таким путем смогут навязать ромеям оборонительную войну и предотвратить новое вторжение.

И тем не менее, вторжение произошло. Кульминацией «похода» Петра по южному берегу Дуная явилась ссора с горожанами Асима — крепости на одноименной реке (ныне Осым), правом притоке Дуная. Стратиг разбил лагерь под стенами 29 августа. Восхищенный парадом городского гарнизона, Петр попытался присоединить его к своему войску. Горожане наотрез отказались, ссылаясь на дарованное императором Юстином I право защиты. Попытка силой мобилизовать солдат вылилась в грандиозный скандал с участием епископа, давшего им убежище. Петр был готов осадить Асим, но в конце концов понял, что превращается в посмешище и удалился под издевательства горожан.⁷⁸

Именно эта позорная ситуация, должно быть, побудила стратига немедленно переправиться через Дунай и тем реабилитировать себя. Переправа произошла неподалеку от Асима, то есть в восточной Олтении.⁷⁹ От переправы Петр 5 сентября отправил вперед тысячный разведывательный отряд. Словенские ромеи не обнаружили — это лишний раз доказывало, что реальные силы вторжения готовы не были. Зато авангард ромеев натолкнулся на «десять сотен» болгар. Кочевники не ожидали нападения со стороны ромеев, полагаясь на мир между ними и каганом. Последний, к тому же, находился тогда неподалеку. Ромеи внезапно забросали болгар дротиками. Те в ответ призвали не нарушать мира. Тогда командир отряда отправил гонца к стратигу, разбившему лагерь в 8 милях (11,84 км) от места стычки. Петр, желавший воинской славы, «велел... предать варваров мечу». Болгары, однако, разгромили равный по числу ромейский отряд и ушли к кагану.⁸⁰

Вскоре к Петру явились аварские послы, обвинявшие императорского брата в нарушении мирного договора. Петр заявил, «что он не знал об этой ошибке». Он отправил кагану «блестящие дары» и посулил в будущем возместить нанесенный ущерб за счет «трофеев». Каган встретил предложение стратига с «благо-склонностью». Он вновь был готов все простить ромеям, если те поделятся с ним добром, захваченным у словен.⁸¹

Стратиг спешно, невзирая на усталость, повел войско дальше, за Олт. На четвертый день после переговоров с каганом (видимо, еще в сентябре, но теперь мы не можем твердо судить о хронологии) Петр подошел к некоей реке. По всей вероятности, это был Арджеш.⁸² Пирогост, зная о ее приближении, привел войско к восточному берегу. Не подозревая о присутствии врага, Петр послал за реку двадцать разведчиков. Но разведчики, обес-силенные долгим переходом, перед рассветом уснули в прибрежных зарослях. Здесь их и застали словене, проезжавшие мимо верхом и также захотевшие отдохнуть в тени. Ромеев взяли в плен и допросили. Те, «отчаявшись в спасении, рассказали все». Пирогост стал готовиться к битве, скрыв своих воинов в лесах вдоль берега реки.⁸³

Не дождавшись возвращения разведки, Петр, тем не менее, отдал приказ к переправе. Впереди вновь двинулся тысячный авангард. Когда он оказался на том берегу, Пирогост вывел войско из засады. Ромеев перебили поголовно. Стратиг, поняв свою ошибку, перестроил переправу. Он слил отряды и направил к лодкам все войско сразу. Поняв, что повторить операцию не удастся, Пирогост тоже вывел всю рать на берег и выстроил ее вдоль реки. Это был просчет — ромеи обстреляли и забросали словен копьями с лодок, посеяв панику. Словене обратились в повальное бегство, когда пал сам Пирогост — воевода был смертельно ранен стрелой в бок. Ромеи высадились на берег и пустились в погоню. Они «учинили большую резню». Однако, поскольку кони еще не переправились, преследование быстро прекратилось. Ромеи разбили лагерь на отбитом берегу.⁸⁴

На следующий день они выступили в путь. Шли они при помощи проводников (видимо, влахов или беглых от словен ромеев). Однако те заплутали — или заявили, что заплутали.⁸⁵ К тому же Петр, вероятно, двигался без должной разведки местности, периодически подвергаясь нападениям мелких славянских отрядов. Известно, что если ромеи разбивали лагерь близ леса, словене «легко отваживались на нападения» и угоняли коней. Они также могли нападать на арьергард, оставший из-за спешки передовых частей.⁸⁶

Ромеи не могли найти питьевой воды и начали утолять жажду вином из своих фляг. Так продолжалось три дня, пока, наконец, в плен не попал какой-то «варвар» (очевидно, Словении). От него узнали, что до Яломицы всего «четыре парасанга» (то есть 18,5 км). К утру следующего дня ромеи добрались до реки и жадно набросились на воду. Но, видимо, пленник недаром вывел их на реку. Из густого леса на противоположном берегу в воинов Петра полетели стрелы и копья. Множество ромеев погибло. Оставшиеся принялись спешно сооружать плоты, чтобы сойтись с врагом в ближнем бою. Но беспорядочно начавшаяся переправа уставшего войска кончилась плачевно. На другом берегу «варвары все разом обрушились на ромеев». В завязавшейся битве те потерпели сокрушительное поражение.⁸⁷

Ромеи в панике бежали на юг, где Петр сумел переправиться с остатками армии через Дунай. Произошло это, вероятно, в конце сентября — начале октября 594 года. Император, вполне удивившись в бездарности брата, был вынужден отозвать его в Константинополь. На должность командующего европейскими войсками вернулся Приск.⁸⁸ Однако и словене, несмотря на победу у Яломицы, больше не беспокоили Фракию. Видимо, потери в боях с ромеями были слишком велики. Пленение Мусока и гибель Пирогоста не могли не вызвать некоторой внутренней смуты. По-этому неудивительно, что натиск дунайцев на границы Империи ослаб. Как иногда полагают, именно под влиянием неудачного похода Петра Маврикий писал «славянскую» главу своего «Стратегикона».⁸⁹ Это весьма подробная рекомендация по ведению боевых действий против славян. Маврикий, как уже говорилось, характеризует образ жизни «склавов и антов», их военную тактику и способы противостояния ей.

Император советует при вторжении в земли славян подготовить преимущественно легковооруженное войско и запастись всем необходимым для переправ (ведь реки там «многочисленны и труднопреодолимы»). Нападения следует «производить больше в зимнее время, когда они не могут легко укрыться», страдают от мороза, а реки покрыты льдом. Для прикрытия ромейских провинций за Дунаем необходимо оставить часть конницы. Это подразделение должно, кроме того, запугивать славян возможностью вторжения на другом участке. Первым делом после переправы следует захватить языка. При следовании через вражескую территорию, особенно летом, остерегаться лесистых мест; расчищать их за собой на случай отхода.⁹⁰

Летом военные действия вести также необходимо — «грабить места более открытые и обнаженные и стремиться задержаться в их земле», способствуя бегству ромейских рабов.⁹¹ Желательно не обременять себя в лесах многочисленной конницей, обозом, тяжелым вооружением.⁹² Переправы через реки Маврикий рекомендует производить как можно быстрее, силами пехоты. Под ее прикрытием можно уже наводить мосты. Главную ставку в борьбе со славянами император советует делать на внешность.⁹³

Добытые припасы не скапливать при войске, а пере-правлять на Дунай по его левым притокам.⁹⁴

Против славян Маврикий предписывает применять крайне жесткие меры, — как военные, так и дипломатические. Он считает необходимым стравливать словенских вождей, подкупая, прежде всего, тех, чьи владения расположены «ближе к границам». Пе-ребежчикам, даже ромейского происхождения, император призы-вает не доверять. «Благонамеренных из них, — пишет Маврикий, — подобает благодетельствовать, творящих же зло — карать».⁹⁵

В прошедших экспедициях, по свидетельству Маврикия, войско обычно задерживалось в первой захваченной «хории» (гнездовье славянских весей). Благодаря этому жители соседних получали возможность бежать и «избегали им предназначенно-го». Впредь, — указывает император, — следует брать славянское племя в клещи. Два отряда должны двигаться с двух концов группы «хорий» и грабить их, гоня друг на друга беженцев. Если из-за расположения местности это невозможно, следует сделать ставку на стремительность передвижения, оставляя для грабежа каждой «хории» по пути следования небольшие отряды из аван-гарда. Позднее их будет собирать стратег. идущий следом за авангардом с главными силами. «Всех встречных», особенно спо-собных к сопротивлению, следует убивать на месте.⁹⁶

Неясно, насколько все эти предписания были претворены в жизнь. Возможно, они учитывались в будущих экспедициях за Дунай. Но ромейские полководцы после 594 г. уже не заходили так далеко, как раньше, вглубь словенских земель в низовьях ре-ки. Впрочем, дипломатические указания императора могли сыг-рать свою роль в относительном затишье на этом участке в сле-дующий период.

Аварские войны 595 — 599 гг. и славяне

Экспедиции ромеев за Дунай только способствовали усиле-нию Аварского каганата. Каган, конечно, так и не получил доли в словенской добыче. Однако обстоятельства складывались так, что после каждой ромейской акции перед ним огкрывались новые возможности для подчинения словен. Дунайцы были ослаблены и охвачены междоусобицами. Их распри разжигала к тому же ромейская дипломатия. Ни о каких значительных вождях — «риксах» или «таксиархах» — на этой территории источники больше не упоминают.

В Константинополе, видимо, понимали перспективу усиления авар за счет словен. С каганом Маврикий хотел рассчитаться давно. К тому же в 595 г. возобновились дипломатические контакты с тюрками, у которых завершалась гражданская война. Император получил хотя бы зыбкую (так и не оправдавшуюся при нем) надежду на возвращение сильного союзника.

В начале весны 595 г. Приск принял командование поредевшей армией Петра. Подсчитав потери, стратиг хотел сперва обвинить незадачливого преемника перед Маврикием, но его отговаривали. Не тратя времени на придворные интриги, Приск двинулся к Дунаю, и на пятнадцатый день разбил лагерь на северном берегу. Судя по дальнейшему, переправился он где-то в западной Олтении. Любопытно, что не сообщается не только о каких-либо столкновениях со словенами, но и о захвате добычи.⁹⁷

Видимо, Приск шел по этой редконаселенной земле четыре дня, не встречая никаких препон в движении к западу. Местные словене, судя по всему, были замиренны дарами — как и советовал Маврикий. Их вожди могли счесть, что теперь их черед быть сторонними наблюдателями в борьбе ромеев и авар. То же, что Приск решил испытать силы именно каганата, вскоре стало очевидно.

Следует помнить, что и далее на восток, в землях, уже бесспорно относившихся к «Склавинии», воины кагана «беззаботно» бродили уже год назад. Теперь же Приск подступил к самым рубежам собственно каганата. Он прошел вдоль реки до самых Катаракт (Железные Ворота, где Дунай проходит через горы), перешел их и переправился на южный берег близ Верхних Нов. Эта крепость располагалась в провинции Верхняя Мезия, которую ромеи едва контролировали. Каган воспринял действия Приска как провокацию и потребовал объяснений. Приск издевательски ответил, что прибыл поохотиться. Каган обвинил стратига в нарушении мира. Приск резонно заметил, что стоит на ромейской земле. Но каган стал утверждать, «что она отнята у ромеев оружием, согласно законам войны». Строго говоря, полевое соглашение 592 г. давало почву для любых толкований. В споре с послами кагана Приск обозвал его «беглецом с востока».⁹⁸

Каган понял, что ромеи начинают войну. Не желая оставлять у себя в тылу оплотов противника, он подступил к Сингидуну, срыл его стены и приказал тамошним гражданам выселяться в Паннонию. Любопытно, что охрану занятого города каган поручил не

жившим в его окрестностях словенам, а болгарам.⁹⁹ Видимо, он не слишком полагался на мораван. В связи с дальнейшими военными действиями словене тоже ни разу не упоминаются. Это подтверждает, что они решили остаться в стороне от противостояния Империи и каганата. Видимо, каган не мог или не хотел принудить к участию в войне даже непосредственно подвластных ему обитателей Потисья.

Приск прибыл для переговоров с каганом в его ставку (Константиола на северном берегу Дуная, против устья Моравы). Стратиг потребовал отказаться от уничтожения Сингидуна, но вернулся ни с чем. Тогда началась открытая война. Заместитель ромейского командующего Гудвин подошел к полуразрушенному городу на кораблях и выбил болгар. В ответ каган вторгся во внутренние области Далмации, доселе не страдавшей от его набегов. Гудвиину, однако, удалось настигнуть авар и истребить крупный их отряд, охранявший добычу. Каган свернул военные действия против ромеев и отвел войска за Дунай.¹⁰⁰

Причиной этому стало не только поражение в Далмации. Тревожные вести пришли с западных рубежей каганата. Бавары Тассило в 595 г. решили повторить удачный набег, совершенный их королем за три года до того. Примерно двухтысячный отряд вторгся в земли альпийских словен. Целью разорителей стали верховья Дравы, где жили стодоряне. Не исключено, что набег инспирировали ромеи, пытавшиеся прикрыть собственные владения в Истрии. Узнав о происшедшем, каган поспешил на запад, оставив на Дунае силы, достаточные для сдерживания Приска. В битве на холме Фикторибюэль каган, чьего появления бавары никак не ожидали, поголовно истребил всю вторгшуюся шайку.¹⁰¹ Ближайшие полтора года, до лета 597, каган посвятил войне на западе, против франков и их союзников. На Дунае противостоящие армии бездействовали.

Летом 597 г. каган вновь прибыл к ромейским рубежам и возобновил войну. Форсировав Дунай, он вторгся в Нижнюю Мезию. Похоже, перешел Дунай он именно в этой провинции. Значит, авары беспрепятственно миновали «Склавинию», покорив или склонив к союзу племена ее западной части. Возможно, слух о помощи, оказанной каганом их соплеменникам, возродил симпатии к нему у многих словен. Зимой 597/598 гг. каган осаждал Томы (ныне Констанца) — важнейший порт провинции Скифия. Приск пришел от Сингидуна на подмогу осажденному городу, но осаду снять не смог. С началом весны 598 г. в ромейском лагере начался голод. В Великую Субботу (29 марта) каган внезапно предложил Ириску перемирие. Сверх того, на Пасху он благородно снабдил ромеев продовольствием. Полководцы обменялись дарами. По окончании же пасхальной недели каган снял осаду с Том и удалился.¹⁰²

Но, проявив великодушие к Приску, с которым у него сложились некие личные отношения, каган вовсе не намеревался прекращать войну. Узнав, что Маврикий послал в Мезию с войском Коменгиола, каган выступил навстречу. В устье реки Янтра, правого притока Дуная, 20-21 апреля 598 г. произошло сражение, решившее исход кампании. Ромеи были разбиты наголову. Коментиол позорно бежал. Его небезосновательно винили в том, что он намеренно, чуть ли не по императорскому приказу предал кагану постоянно бунтующее войско. Каган вновь разорил окрестности столицы. Лишь вспыхнувшая в войске чума и смерть семерых сыновей вынудила его остановиться. В Дризиперу к убитому горем кагану отправился ромейский посол Гарматон с предложением мира.¹⁰³

Каган согласился на мирный договор и продиктовал его условия, возложив всю вину за развязывание войны на ромеев. Дунай признавался границей между ромеями и аварами. При этом, однако, оговаривалось, что «против славян реку можно будет переходить».¹⁰⁴ Очевидно, что условие было на руку ромеям. Но обоюдный характер договоренности четко указывает на причины согласия кагана. Страх ромейского вторжения неизбежно толкал дунайцев в объятия каганата. С другой стороны, на племена, союзные ромеям или стремившиеся сохранять независимость, каган получал право напасть сам.

Каган потребовал выкупить у него всех ромейских пленных. Однако император отказался уплатить запрошенную сумму. В ответ каган поголовно перебил пленников. Это еще более усугубило подозрительность и ненависть войска к Маврикию. Каган же все равно добился своих денег, повысив по условиям договора «дань» с Империи.¹⁰⁵ Только тогда авары ушли за Дунай.

Итак, война завершилась со страшным позором для ромеев и их императора. Маврикий, конечно, не мог смириться с таким поражением. К миру он отнесся лишь как к временной передышке и сразу начал готовить новую войну. За Империей остались все придунайские провинции, включая Верхнюю Мезию. Здесь, в районе Сингидуна, стоял на зимовке Приск. Сюда же весной 599 г. была переброшена восстановленная армия Коменгиола. Двигнувшись к востоку, ромеи начали переправу через Дунай в районе разрушенного Виминакия. Коментиол сказался больным, и Приск принял общее командование. Каган, оставив охранять северный берег четверых сыновей, сам вторгся в пределы Империи. Но отвлекающий маневр не подействовал — Приск переправился и разгромил сыновей кагана в трех битвах подряд. Погибло более 35000 авар. Пали и сыновья кагана. Сам он, подтянувшись было им на поддержку, бежал к Тисе.¹⁰⁶

Здесь каган быстро собрал новое войско. Потисье было за-селено гепидами и отчасти словенами. Несомненно, всех их обеспокоило ромейское вторжение. Не могло оно не вызвать тре-воги и у словен ниже по Дунаю. В дальнейших сражениях, ка-жется, словене составляли почти половину аварского войска.¹⁰⁷ Видимо, многие племена — как в Потисье, так и с востока — при-слали своих ополченцев на помощь каганату.

Военные действия разворачивались не только на дунайском фронте. Они охватили всю границу Империи с каганатом. В мае 599 г. альпийские словене через «истрийский вход» (то есть по римским дорогам в Истрии) атаковали ромейские владения в се-веро-восточной Италии. Очевидно, это были подвластные кагану стодоряне. Но экзарх Равенны (имперский наместник в Италии) Каллиник разбил словен в нескольких сражениях.¹⁰⁸

Вероятно, в то же время ромеи начали войну на Саве, слу-жившей рубежом Далмации. Подходы к столице Далмации — Салоне с севера прикрывала крепость Клис (название от обозна-чения пограничного укрепления — клисура). Отсюда тысячный отряд ежегодно отправлялся к Саве. Каждую Великую Субботу в Салоне происходила встреча и смена пограничников. Клис слу-жил для них перевалочным пунктом и главной базой. Местность за Савой была уже занята словенами (лендзянами), подвластными аварам и отчасти смешанными с ними.»» Салонские «римляне», до сих пор в войне не участвовавшие, в гот год перешли Саву. Все словенские мужчины тогда «находились в военном походе» (видимо, на войне в Потисье). Внезапное нападение застало в приречных селах лишь женщин и детей. Захватив их в плен и раз-грабив страну, салониты безнаказанно вернулись к себе.¹¹¹

Между тем, на Тисе продолжались бои. Приск развивал ус-пех. Спустя месяц после гибели сыновей кагана он вновь сошелся в битве с врагом — и снова победил. Каган ушел за Тису, оставив весь восточный берег в руках Приска. Тогда стратиг отрядил 4000 воинов за реку. Те во время народного праздника захватили врасплох три гепидских поселения и устроили в них страшную резню. Среди убитых и пленников оказались как гепиды, так и «другие варвары» — очевидно, жившие бок о бок с германцами славяне. С полоном и добычей ромеи вернулись к Приску.

Спустя двадцать дней каган, оправившись от поражения, вновь вывел свои войска на левый берег. Основную силу состав-ляли подвластные и союзные племена — словене, гепиды, болга-ры. «Большой отряд славян» играл главную роль среди них. Приск, к тому времени отошедший от Тисы, вернулся к реке для решающей битвы. В ней авары потерпели последнее в кампании этого года поражение. «Варвары, — пишет

Феофилакт, — разби-тые, так сказать, наголову, захлебнулись в речных потоках». Многие словене, пришедшие помочь кагану, погибли. Других за-хватили в плен. Пленных словен было 8000 — почти половина общего числа пленников. Приск в цепях отослал пленных «вар-варов» в Томы.¹¹³

Каган, однако, предпринял решительную попытку вернуть пленников. Он отправил в Константинополь послов. Аварам уда-лось опередить вестников Приска. О происшедшем, таким обра-зом, Маврикий узнал от кагана. Тот, конечно, всячески пре-уменьшал ромейские успехи. В его предложениях обычные угро-зы смешивались с лестью по адресу императора. В итоге Маври-кий отправил Приску приказ — вернуть кагану пленников, но лишь авар.

Так император, не представлявший себе реальных достиже-ний ромеев, рассчитывал, видимо, поссорить кагана с подданны-ми — прежде всего, со словенами. Уже из Том аварские пленники были возвращены. Ромеи отошли за Дунай, и военные действия завершились.¹¹⁴

Падение лимеса

Весной 600 г. европейская армия Империи вернулась во Фракию и бездействовала там более года.»¹¹⁵ Каган, между тем, сложа руки не сидел. На западе он укрепил союз с лангобардами. Они в том году возобновили войну с ромеями, мстя за захват эк-зархом Каллиником дочери короля Агилульфа. С помощью лан-гобарде ких мастеров каган начал строить на Дунае собственный флот. На востоке каган расширил сферу влияния среди словен. По большому счету, условия мира 598 г. не оставляли словенам с их политической раздробленностью выбора. Они должны были подчиниться либо каганату, либо Империи. В противном случае обе стороны имели право на карательную экспедицию в их земли. Ромеи, несмотря на все ухищрения, оставались для массы словен давними и кровными врагами — особенно после разрушительных походов Приска и Негра. Каган же на протяжении почти двух десятилетий числился, пусть не слишком надежным, союзником. Выбор был предсказуем. С этих пор нам уже неизвестны никакие самостоятельные от авар действия дунайцев против Империи. Авары же в первые годы VII в. свободно и без участия словен действовали в низовьях Дуная.¹¹⁶ Таким образом, под их влияние попали словене не только Олтении, но и Мунтении.

Формально между Империей и каганом сохранялся мир. Но то, что он не

распространялся на в разной степени подвластных кагану словен, создавало двусмысленную ситуацию. Весной 600 г. военные действия развернулись в Далмации.¹¹⁷ Начало их опи-сано в предании, сохраненном Константином Багрянородным. Когда словене Посавья обнаружили разорение своих земель ро-меями, то рассудили: «Эти римляне, которые переправились и взяли добычу, отныне не перестанут ходить против нас войной. Поэтому сразимся-ка с ними». Действительно, пришедшие на смену предыдущим салонские пограничники «то же самое... держали в помыслах». Переправившись за Дунай, они внезапно для себя столкнулись с соединенными силами противника. Одни из тысячного отряда погибли, другие попали в плен. Не спасся никто.¹¹⁸

Допросив пленных, словене («авары» по Константину) уз-нали о достоинствах приморской Далмации и восхитились ими. Узнали они и о времени, назначенном для возвращения погра-ничной стражи. В урочный день «авары» переправились через Дунай в захваченной форме и с трофейными значками римской кавалерии, подражая ее маршевому строю. «Основная масса вой-ска» скрытно следовала за авангардом - тысячей в ромейских доспехах. Таким образом, они беспрепятственно прошли вглубь Далмации и овладели Клисом, где их приняли за своих.¹¹⁹ Хотя Константин называет вторгшееся войско аварами, реальное уча-стие кочевников было крайне незначительно. Максим, епископ Салоны, писал в Рим лишь о словенской угрозе.¹²⁰

Константин ошибается и еще в одном — Салона, вопреки его легенде, пала не сразу. Здесь более прав другой поздний историк, Фома Сплитский, также использовавший далматинские предания. По словам Фомы, во вторжении «готов» (под ними следует разу-меть авар) участвовали семь или восемь племен «лингонов» (лендзян). Когда внутренняя Далмация была разорена, и в ней «остались редкие обитатели», лендзяне «истребовали и получили ее от своего вождя», надо думать — аварского кагана. «И так ос-тавшись там, — продолжает Фома. — они начали теснить местных жителей и силою поработать их». Они постоянно нападали на приморье, где еще держались местные «латиняне», «прежде всего на Салону». ¹²¹ Об этом, собственно, и сообщал Максим, говоря, что «народ славян» «сильно угрожает» салонигам. Крушение далматинской границы сказывалось и на Италии — тем летом словене вновь беспокоили Истрию.¹²²

Во всех этих событиях, происходивших далеко от Констан-тинополя, Маврикий предпочел не .увидеть нарушения мира. Тем более, авары не принимали в набегах словен непосредственного масштабного участия. Но осенью 601 г. каганский главнокоман-дующий Лпсих явился к Катарактам и попытался занять перевал. Захват этого стратегического пункта решал аварам две задачи. С одной стороны, ромейский речной флот переставал быть угрозой для основной территории каганата. С другой — сами авары полу-чали возможность беспрепятственно плавать по реке. Ни того, ни

другого ромеи допустить не могли. Назначенный в августе и стоявший на Дунае страхиг Петр подвел к Катарактам войска и обвинениями в нарушении мира вынудил Лисиха отступить. Лвары отошли в Константиолу, а армия Петра вернулась во Фракию. До войны дело не дошло.¹²³

Наступил 602 год. Ситуация для Империи становилась все более непростой. На западе каган еще в минувшем году скрепил клятвой «вечный» союз с лангобардами и принудил к миру франков. После этого Истрию атаковали соединенные силы. Лангобарды вторглись с запада. Лвары и словене (видимо, стодоряне) напали с северо-востока. Вместе они прошли по стране, «опустошили все огнем и грабежами». ¹²⁴ В результате пал и этот участок имперской границы. Вторжение открыло дорогу для заселения Истрии словенами, которое начинается как раз в эти годы.¹²⁵

Маврикий заподозрил, что каган дожидается лишь роспуска уставшей ромейской армии - и тогда атакует Фракию. Летом 602 г. он отдал Петру приказ: «покинуть Адрианополь и... переправиться через Истр». Для организации переправы ему в подчинение был дан один из высших чинов придворной гвардии Вонос. Согласно распоряжению Негра, Вонос должен был «доставить ромейские плавучие средства, чтобы войско могло переправиться». Целью Петра было атаковать подчиненные кагану «войска Славинии», собравшиеся, по его данным, за Дунаем. Тем самым, не нарушая буквы мирного договора, ромеи рассчитывали спровоцировать кагана на преждевременные действия. ¹²⁶

Сам Петр не спешил лично выполнять приказ о переправе. Для руководства заречными действиями он назначил своим заместителем — ипостратигом — Гудвина. Тот форсировал Дунай в районе Паластола и нанес словенам поражение. Он «погубил острием меча полчища врагов» и захватил множество пленных. Солдаты, получив в руки пленников и добычу, стремились как можно скорее вернуться за реку. Но Гудвин, следуя замыслу императора, удержал их на левобережье.¹²⁷ С другой стороны, он, вероятно, недалеко отошел от Дуная — об этом свидетельствует свобода, с которой авары тем же летом прошли в низовья.

Узнав о разгроме союзников, каган не поддавался на провокацию — но решил дать адекватный ответ. Апсих вновь выступил с войском на запад. Ему был дан приказ — «уничтожить племя антов, которое было союзником ромеев». ¹²⁸ Анты не принимали никакого заметного участия в кампаниях 590-х годов. Но Гудвину, возможно, удалось добиться их содействия в своей операции против словен. Антов и дунайцев, очевидно, все еще разделяла — не без содействия ромейской дипломатии — вражда. Не желая

открыто сталкиваться с Империей, каган наносил удар по последнему оставшемуся у Маврикия в Европе союзнику и помогал своим новым подданным.

Но фактически война началась. Апсих, вероятно, по пути взял Катаракты, и выстроенный лангобардскими корабельщиками аварский флот занял низовья Дуная. 129 Поход на актов планировался, видимо, как предприятие грандиозное и должен был нанести смертельный удар по остаткам их союза. Но внезапно он был сорван. В войске кагана начался мятеж, и «полчища авар» откочевали, причем «поспешно», под власть Маврикия.¹³⁰ Не вызывает сомнения, что мятеж устроила аварская партия мира, дав-но поддерживавшаяся (и подпитываемая) Константинополем. Экспедиция Апсиха закончилась, по сути не развернувшись.¹³¹

Казалось, Империи вновь улыбнулась удача. Ее войска стояли на северном берегу Дуная, в разоренной стране «Склавинии». Каган был занят возвращением непокорных авар. Обессиленный мятежом, он только и делал, что «умолял и придумывал множество способов» для восстановления ускользавшей власти.¹³² И здесь Маврикий совершил последнюю и роковую для себя ошибку. Приведенный в эйфорию успехами, император-стратег решил проверить, наконец, на практике свою мысль о кампании против словен в зимнее время. С началом осени он потребовал от Петра задержать армию за Дунаем на зиму.¹³³

Когда императорский приказ пришел в армию Гудвина, в ней начался ропот. Солдаты лучше императора понимали свое положение. Ромейские кони изнемогали. Словене были побеждены, но не сломлены, и продолжали беспокоить ромеев. «Полчища варваров, словно волны, покрывают всю землю по ту сторону Истра», — считали в войсках. Наконец, самой важной причиной брожения было стремление как можно скорее отправить домой добычу. Ромейское войско справедливо опасалось потерять ее за зиму во враждебном окружении. Император, не понимая, что войска совершенно не настроены воевать, продолжал настаивать. Это только ускорило открытый мятеж. Гудвин потерял контроль над армией, и она покинула «Склавинию», «с марша» форсировав Дунай. Войска явились в Паластол, причем «души их были опьянены величайшим гневом».¹³⁴

Негр, прибыв к мятежному войску, предпочел держаться от лагеря на расстоянии и общаться с солдатами через Гудвина. Последнему удалось было успокоить страсти и даже убедить армию выполнять приказ. Ромеи снялись с лагеря и начали строить лодки близ крепости Куриска (к востоку от Паластола). Но, на беду для Петра и его брата, на войско обрушились ливни, а затем наступили заморозки. Теперь никто не мог

убедить солдат пере-правляться. В довершение Маврикий прислал письмо, где велел, «чтобы Петр, переправив войска через реку вступил на варвар-скую землю и чтобы ромеи там добывали пропитание для войска и тем дали казне передышку в снабжении их». Открыто высказанная идея сэкономить на армии возмутила даже Петра. Тем бо-лее ,в ярость пришли мятежные солдаты, когда слух об импера-торских требованиях дошел до них.¹³⁵

Дальше события развивались стремительно и катастрофиче-ски. Солдаты открыто выступили против Маврикия. Возглавил их Фока — один из зачинщиков бунта, младший офицер, еще в 598 г. прославившийся дерзостью перед лицом императора. Под предводительством Фоки войска двинулись на Константинополь, оголив дунайскую границу. 23 ноября 602 г. армия вошла в го-род, приветствуемая восставшими против Маврикия жителями. Маврикий и многие его сторонники (в том числе Петр и Коментиол) были убиты по приказу Фоки. Глава мятежа поспешил объ-явить себя императором, еще глубже ввергая Империю в водово-рот гражданской войны.

Переворот Фоки, по сути, нанес прежней Ромейской Импе-рии смертельный удар. В Европе он открыл границы для мас-штабного вторжения авар и словен. Можно только догадываться, сколь неожиданной удачей явилось для тех и других это событие. Но надо думать, что ни каган, ни его словенские союзники не промедлили. В ближайшие годы властительные ромеи, занятые гражданской распрей, даже не обращали-внимание на то, как по-ток «варваров» захлестывает одну европейскую провинцию за другой.

Словене не только выстояли в продолжавшейся несколько десятилетий и на последнем этапе оборонительной борьбе с Им-перией. Они оказались — пусть и невольно — в числе победителей. Сохранили они известную автономию и от Аварского каганата. Последующий период стал временем славянского завоевания и заселения Балкан. Войны, стоившие крайнего напряжения сил каждой из сторон, полные взаимной жестокости, продолжились. Однако была у происходившего и другая сторона. Открывшийся для славян в 602 г. путь на Балканы явился в то же время дорогой к античному наследию и христианской культуре, к тогдашней ев-ропейской цивилизации. Последствием войн конца VI — начала VII вв. могло бы стать крушение последнего ее оплота. Но про-изошло иначе, и рядом с обновленной Империей из хаоса «тем-ных веков» позже поднимутся молодые славянские государства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Изучение истории древних славян не стоит на месте. Этот бесспорный вывод имеет отношение как к науке в целом, так и к «лаборатории» отдельного исследователя. Накопление и публикация новых материалов (прежде всего, археологических), рекомендации коллег способны серьезно скорректировать уже сформулированный подход, исправить невольные упущения. Не-сколько примеров тому применительно к первому тому настоящего исследования — ниже.

В данном томе уже шла речь о теории суковско-дзедзицкого очага на землях Великой Польши, существовавшего уже в V первой половине VI века. За последние 10 — 15 лет в пользу этой концепции приведены серьезные аргументы. Нельзя не признать, что она логичнее объясняет картину расселения «суковских» племен, чем традиционный для польской археологии подход, рассматривающий памятники Великой Польши и Силезии в рамках пражской культуры. С другой стороны, данная теория, как уже говорилось, окончательно решает «венедскую» проблему. Если «венеды» жили в тот период южнее Поморья, то ясно, откуда о них было известно Иордану. Ясно также, что нет нужды смешивать их ни с видивариями, ни с велегами. Быть может, в скором времени новый подход будет тверже обоснован в рамках обобщающих трудов более высокого уровня, которые могут яв-ляться лишь результатом консенсуса специалистов-археологов. Только тогда его можно будет считать общепризнанным.

За последнее время сделан большой шаг вперед в изучении истории раннего расселения славян и происхождения славянских культур в целом. Стоит отметить, в частности, новые данные о времени переселения кривичей на Псковщину. На основании ра-диоуглеродного метода одно из здешних их поселений датирует-ся не позднее 470 г. Это открытие, в целом, лежит в русле удревнения кривичской культуры длинных курганов. Можно за-ключить, что расселение кривичей происходило в весьма раннее время, независимо от распространения других славянских культур. Вместе с тем, характерные черты культуры кривичей одно-значно указывают на далеко не полную их изоляцию от сороди-чей. Видимо, кривичи ушли на север из придунайского региона, ставшего прародиной словен, очень рано, сразу после падения державы Атиллы — но ушли именно оттуда. Особые черты их ма-териальной культуры (в том числе наземное домостроительство) сложились, как было показано, на месте. Впрочем, не исключено, что в заселении севера участвовали группы славян разного про-исхождения, приходившие разными путями.

В связи с историей кривичей автор этой работы уже после выхода первого тома обратил внимание на один интересный факт. Князь Бой, предание о могиле которого передаст Саксон Грамматик, объявлялся у него сыном скандинавского бога Одина. В первом томе уже высказывалась мысль, что это «одиническое» происхождение — эквивалент «велесического» в русском предании. Но и в другом памятнике скандинавской традиции — «Саге о Хёрвер» — правителям Руси приписывается «одиническое» происхождение. Не след ли это тех же легенд, восходящих к ранним контактам норманнов и кривичей?

Здесь добавим, что установление автономного происхождения кривичской, ляхской и венедской культур открывает здесь новую, весьма любопытную вероятность. Не преобладал ли культ Велеса изначально у всех праславян, кроме антов? Распространение культа Перуна (как Сварога) шло из антских земель и через словен. На периферии же подолгу удерживалась «велесическая» традиция. У балтов как будто преобладает культ Перконса, но и почитание Велса сильно развито. Германская же религия одно-значно «одиническая». Почитание могущественного владыки загробного мира и создателя потаенного «ведения» в качестве «Всеотца» известно не только германцам, но и кельтам. Это, таким образом, древнеевропейское представление. При общей амбивалентности богов оно не противоречило культу громовержца, а у славян и позднее сохранялось лучше, чем у балтов.

Ряд учтенных замечаний относится к истории духовной культуры древних славян. Список сохранившихся славянских «святилищ» VI столетия можно продолжить остатками примитивного «храма» у селища Корчак. Найденные здесь глиняные хлебцы подтверждают вывод о своей ритуальной функции.²

Сложен, как и предполагалось, вопрос о человеческих жертвоприношениях у древних славян V — VI вв. Отсутствие их следов в археологическом материале не означает их полного отсутствия (даже вне воинских ритуалов). Изучение культуры славянских народов четко указывает на наличие у них в глубокой древности, как и у других индоевропейцев, обряда сезонных жертв Земле. Жертва воспринималась как заместитель сакрального правителя. Особенно четко следы этого прослеживаются в «кукерских» обрядах у болгар, испытавших фракийское влияние. Пережитки мужской жертвы (в виде сожжения или разрывания чучела, «убиения» ряженого) сохраняются у всех славянских народов. На завершающем этапе появилось название жертвы «Ярило» (эпитет умирающего и воскресающего бога, появившийся не ранее VII в. — болгарам и македонцам неизвестен). Только у северных славянских народов (западных и восточных) мужская жертва была заменена со временем, едва ли раньше обособления южных славян в VII в., женской. Только затем (но раньше принятия христианства) обряд

разложился и исчез вовсе. Таким образом, в V — VI вв. он еще существовал. Видимо, тогда в нем присутствовала тема некоего искупления бесчинств княжеской дружины в период зимнего гощения. После убийства ритуального «князя» — заместителя из числа дружинников или членов воинского братства появлялся настоящий князь, символизировавший в данный праздничный момент воскресшее божество плодородия (Перуна-Сварога?).³

Вместе с тем, трудно согласиться с теми исследователями, которые видят следы человеческих жертв и в древних славянских обрядах вызывания дождя. В исконной форме («додола», «пепе-руна») обряд исполняла молодая жрица-ведьма, символизировавшая собой жену громовержца, богиню земли. Ее в обряде обливали водой с молитвенными заклинаниями — не более того. Иная форма обряда («Герман»), сохраняющая след жертвоприношения, была воспринята славянами уже на Балканах и, видимо, уже в смягченной и сниженной форме похорон чучела — «Германа», «Джермана».⁴

Еще несколько замечаний, касающихся мифологических и суеверных представлений древних славян. Уже упоминалось в данном томе, что славянские воины, бившиеся полуголыми, о которых говорит Прокопий скорее всего, члены «оборотнических» братств. Универсальный характер имеет представление о неуязвимости собственной кожи оборотня. Отражено оно и в славянских поверьях. Известно, что скандинавские берсерки срывали с себя в бою доспехи.

В первом томе автор повторил вывод одной из своих предыдущих работ («Древние верования восточных славян», 1996) об изначально собирательном значении слова «нежить». Внимательное изучение семантики слова в разных славянских языках⁵ побуждает пересмотреть это заключение. «Нежить», скорее, — изначально обозначение болезнетворного духа (отвечавшего, кажется, за болезни дыхательных путей). Лишь позднее оно приобрело собирательное значение — вредоносный дух вообще.

Очерк ранней общеславянской демонологии не будет полон без упоминания юд. Юды изначально — духи ураганов (судя по этимологии слова⁶); следы представлений о них сохранились у южных и у восточных («чудо-юдо») славян. Они представлялись как оборотни и в эпосе выступали противниками героев. Отрывком общеславянского эпического сказания не моложе VI в. является, вероятно, мотив, отмеченный в русском и болгарском эпосе. Серой, борясь с чудовищем, просит небесные силы о дожде. Ему посылаются «дождик», намачивающий и отягощающий противнику крылья.⁷ В

болгарской версии враг — юда, воплощение ураганного ветра, а дождь прерывает ее «пляску», что неплохо объясняет происхождение мотива.

Автор еще раз выражает благодарность всем коллегам, чьи советы способствовали уточнению и усовершенствованию его труда. Их живая реакция позволила учесть многое и в дальнейшей работе. Несомненно, что уточненные детали найдут свое отражение в последующих изданиях первого тома.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1 Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 10.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. (далее — Свод 1). С. 202/203.

2 Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 6 9.: Свод I. С. 200 — 203.

3 Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 10.: Свод I. С. 202/203.

4 Proc. Bell. Goth. VIII. 25. 10 etc.

5 Proc. DAI. IV. 6: 35.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (далее —

Свод II). М, 1995. С. 59.

6 Agath. Hist. IV. 20: 4.: Свод I. С. 296/297. Сваруна метким броском копья разбил «черепаху» (боевое прикрытие) кавказских «варваров»-мисимиян.

7 Agath. Hist. III. 6: 9; 7: 2; 21: 6, 8; IV. 18: 1, 3: Свод I. С. 294 — 297.

8 Proc. DA. IV. 1: 7.: Свод I. С. 206/207.

9 Седов В. В. Славяне в раннее средневековье. М., 1995. С. 26 (карта).

10 Б. Графенауэр датирует появление славян в нынешней Словении временем около 550 г. (Gralenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Zv. 1. Ljubljana, 1978. S. 282-285).

11 Свод I. С. 358. Это известие долго фигурировало в отечественной традиции как древнейшее упоминание славян. Причина ошибка В. В. Латышева и А. В. Мишулина, которые приписали эпитафию поэту конца V в. Ави-ту (см.: Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Вып. 2. СПб., 1906. С. 294; Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.// Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 231).

12 См.: Свод I. С. 358 360. Поэтому едва ли можно согласиться с допущением комментатора фрагмента С. А. Иванова (см.: Иванов С. А. Мартин из Браги и славяне.// Славяне и их соседи. М., 1989) об упоминании Мартином славян как риторической формуле. Даже заимствованные у панегириста V в. Сидония Апполинария условно-риторические обозначения варваров имеют у Мартина реальные соответствия. «Паннонец» без сомнения, лангобард, «Сармат» болгарин, «Дак» — гепид. Соответственно, в перечень Сидония Мартин добавляет лишь те племена, которым не нашел соотвествий — «нара», «склав», «дан».

13 Седов 1995. С. 274-277.

14 Седов 1995. С. 8, 26 (карга). «Это, видимо, наиболее древние следы присутствия славян в Паннонии.

15 Седов 1995. С. 29, 129.

16 Men. Hist. Fr. 6.: Свод 1. С. 316/31 7.

17 Мнение о наследственном характере власти Мезамера высказал А. Аве-нариус (Avenarius A. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974. S. 55). К этому следует добавить, что упоминание брата здесь важнее упоминания отца. Не исключено, что Идаризий в глазах Менандра был примечателен лишь как отец Мезамера и Келагаста. Более того, не исключено, что само имя *Idarizijn* — не более, чем передача славянского патронима на «-icb» (Шафарик П. Славянские древности. Т. 2. М., 1840. С. 92). Интерпретации это-го имени не дали положительного результата. Не исключено, что основа предполагаемого «отчества» иноязычная. Но она неизвестна. Широко распространена теория М. Морошкина (Славянский именовослов. СПб., 1867), согласно которой следует реконструировать **Vitoricb* (от югославянского имени *Vitorb*). Вторая по популярности (вошедшая, в частности, в советскую учебную литературу) — гипотеза С. Роспонда. Он предложил (*Slowianskie imiona w zrodlach antycznych.// Lingua Poznanensis. 1968. № 12 — 13. P. 107*) реконструкцию **Idaricb*. Но имя *Idan* (<*Idarb*? <*Jb+dan*>?) неизвестно и неясно по смыслу. В «древнерусском» именовослове, к которому его отнес автор гипотезы, оно незафиксировано. И. А. Левинская и С. Р. Тохтасьев, критикуя теорию М. Морошкина («для передачи иноязычного *vi-/wi-* как *г-* в позднеантичное и ранневизантийское время нам известны лишь единичные примеры»), приходят к выводу, что «имя выглядит явно неславянским» и тут же признают, что «ничего сколько-нибудь близкого» в языках сопредельных народов нет (Свод 1. С. 333 — 334). Почему в таком случае нельзя признать имя одним из «единичных примеров»? Что касается имен братьев Мезамера и Келагаста, то они скорее славянские. «Келагаст» имеет архаичную форму, что может отражать особенности антского диалекта и, возможно, соответствует славянскому **Se1ogostъ*. Ср.: Свод 1. С. 333, где такая возможность предлагается и тут же отвергается на том основании, что имя «у славян неизвестно», после чего немедленно приводятся несколько примеров использования формата *Сѣ1-* в именах. «Меза-мер» довольно убедительно реконструировано С. Роспондом как **Medji+mirb* (Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов.// Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 7). Эта этимология принята в Этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ. Вып. 18. М., 1993. С. 49). Возражение И. А. Левинской и С. Р.

Тохтасьева не выглядит убедительно: «По поводу этих этимологии достаточно отметить, что все предложенные славянские прототипы... реально у славян не засвидетельствованы» (Свод 1. С. 329). Для VI в. этого совершенно недостаточно — известны десятки однократно фиксированных славянских антропонимов и для более позднего времени. Мы не можем считать, что по сравнительно небольшому числу источников раннего средневековья восстановили славянский ономастикон целиком.

18 Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317.

19 У Менандра — *Aaupsvtiou*, ДаориаС, (Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321). Об этимологии см.: Свод I. С. 349 — 350.

20 Присоединяюсь к интерпретации «игемонов» Менандра как племенных вождей у О. В. Ивановой и Г. Г. Литаврина (Славяне и Византия.// Ранне-феодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 49 — 50). В то же время авторы неоправданно, как представляется, отделяют «игемонов» от «управителей» («тех, кто возглавлял народ»). Из контекста фрагмента кажется совершенно очевидным, что речь идет об одних и тех же людях. Справедливо оспаривая гипотезу О. В. Ивановой и Г. Г. Литаврина. И. А. Левинская и С. Р. Тохтасьев предлагают в то же время считать игемонов «старейшинами», «представителями племенной верхушки» (Свод 1. С. 348 — 349). Но у Псевдо-Кесария понятия «архонт» и «игемон» применительно к славянам — синонимы (Свод I. С. 254). Нет оснований считать, что ко времени Менандра и в его труде что-то изменилось. Итак, думается, что О. В. Иванова и Г. Г. Литаврин были абсолютно правы, рассматривая Добрыню как вождя племенного союза, где каждое племя «имело своего архонта» (Иванова-Литаврин 1985. С. 49).

21 Maur. Strat. XI. 4: 30.: Свод I. С. 374/375.

22 См.: Алексеев С. В. История славян в V — VIII вв. Т. 1. М., 2002. С. 122 — 123 и след.

23 См.: Алексеев 2002. С. 57, 118-119, 167.

24 Именник на българските ханове. София, 1981. С. 11-12. На сегодняшний день это лучшее научное издание «Временника», хотя с конъюнктурами И. Богданова не всегда можно соглашаться. Из отечественных исследователей второй половины XX в. «Именником» занимался М. Н. Тихомиров. Его работа «Именник болгарских ханов» (последнее издание в кн.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России с Византией и славянскими странами. М., 1969) обозначила целый этап в изучении памятника. Но при всех своих несомненных достоинствах сейчас она уже несколько устарела. Перевод на современный русский язык Д. Польшанного (Родник злато-струйный. М., 1990. С. 176 — 177) преследовал чисто литературные цели и потому отчасти волен. Он издавался, конечно, без оригинального церковно-славянского текста, снабжен крайне скудным комментарием и содержит частные ошибки. К слову, этими недостатками грешат и многие литературные переводы (а по сути реконструкции и интерпретации) на современный болгарский. Перевод И. Богданова (Именник 1981. С. 16 — 17) фактически является реконструкцией первоначального вида и смысла памятника в видении самого ученого, но это ясно оговорено, и перевод, как и текст, снабжен подробным обосновывающим комментарием.

25 В XIX в. славянские имена в «Именнике» и ряд других, менее значимых известий (например, из труда по славянской истории дубровницкого автора XVI в. Мавро Урбино) стали основой для построения «антитуркистских» теорий в болгарской историографии. «Антитуркизм» являлся в большей степени порождением политики, а не науки, выражая отторжение всего турецкого и тюркского в молодом Болгарском государстве. «Анти-туркисты» отрицали тюркское происхождение древних болгар (булгар), рассматривая их как славян или «ариев». «Антитуркизм» нашел поддержку и у некоторых русских ученых панславистского направления (прежде всего, Д. И. Иловайского в труде «Разыскания о начале Руси», где и гуннов предлагалось считать славянами). Собственно, первым «антитуркистскую» концепцию и сформулировал русский историк первой половины XIX в. Ю. Венелин («Древние и нынешние болгары»), доказывавший, что все гуннские племена античных авторов — славяне. В русской науке убедительные аргументы против славянства европейских кочевников дал В. Васильевский («О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан», 1882 — 1883). В XX в. накопление археологических материалов, новые достижения в изучении письменных источников поставили точку в споре «туркистов» и «антитуркистов». Огромную роль здесь сыграл обобщающий труд В. Златарского «История Болгарского государства в средние века» (1918 г.), не потерявший значения до сих пор. Некоторый подъем «арийская» теория происхождения болгар пережила лишь в начале 40-х гг., в пору политического сближения с нацистской Германией. В значительной степени преодолению «антитуркистских» заблуждений способствовало сотрудничество болгарских и советских ученых в послевоенный период. Ни у кого из ведущих специалистов по болгарской истории ныне не вызывают сомнения тюркские корни болгар. См.: Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971; Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 192 след.; Петров П. Образуване на българската държава. София, 1981. Имена Гостуна и Безмера легко объяснить болгарско-славянскими контактами. Что касается упомянутого известия М. Урбино, то

его происхождение (при очевидной легендарности) ясно установлено. Предки болгар в его версии, братья «Вукич» и «Драгич» — на самом деле братья Утигур и Кут-ригур из гуннской легенды, приводимой Прокопием Кесарийским. Дубровницкий историк в духе многих своих современников вольно интерпретировал древнего автора. Эволюция легенды прослежена И. Богдановым в связи с изучением «Именника болгарских ханов» в кн.: Именик 1981. Итак, «протоболгары». вне всякого сомнения, являлись тюркоязычными «гунна-ми» по происхождению. Вместе с тем столь же очевидно, что в болгарских ордах присутствовали разноплеменные элементы. Болгары неразрывно смешались в европейских степях с атаками, задолго до переселения на Дунай испытывали воздействие славян, местами переходили к оседлому образу жизни. Безотносительно к происхождению племенного названия, династий, аристократии и первого болгарского государства в целом, предками современной болгарского народа и создателями его культуры являются, прежде всего, словене и анты Подунавья.

26 Agath. Hist. V. II. (здесь и далее см. последнее издание перевода М. В. Левченко: Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М, 1996. С. 184 след).

27 Слишком усложнено, как представляется, толкование начата 6 фрагмента Менандра («архонты антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье...» — см. Свод I. С. 316/317), у О. В. Ивановой и Г. Г. Литаврина (1985. С. 52; Свод I. С. 270). По их мнению, анты все же воевали с кутригурами и потерпели поражение. Но в указанном фрагменте речь лишь о войне с аварами — ср. Свод I. С. 328 (Прим. 13). Даже если принять отождествление Котрагира из менандрова фрагмента с Заберганом (Marquart I. Die Chronologie der alttiirkischen Inschriften. Leipzig, 1889. S. 78; Marquart I. Osteuropaische und Ostasiatische Streifziige. Leipzig, 1903. S. 147. 504), не вижу достаточных оснований связывать его враждебность к антам с событиями 558-559 гг. Сам факт длительного союза антов с Империей был бы для этого вполне достаточен. М. И. Артамонов, напротив, полагал, что нападения кутригур на Империю после 545 г. «стали возможными только с согласия и при участии антов» (Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2002. С. 130). Но ни об одном болгарском набеге совместно с антами в источниках данных нет. Забергану в 559 г. напрямую помогали словене, а не анты.

28 Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321. Фраза («их же собственная земля каким-либо другим из народов — никоим образом [не опустошалась]»), конечно, является преувеличением. Менандр, вероятно, знает о походах Хильбуда (Свод I. С. 352. Прим. 72.2). Но Хильбуд погиб до рождения Менандра и задолго до прихода в Европу аварского кагана Баяна, мысли которого историк излагает. Если бы дунайские земли словен подверглись нашествию болгар на описываемом самим Менандром отрезке времени, эта фраза выглядела бы просто нелепо.

29 Agath. Hist. V. 13 — 14.: Агафий 1996. С. 187-188.

30 Agath. Hist. V. П.: Агафий 1996. С. 185; Свод I. С. 268 (Малала), 269 (Виктор Тонненский), 287 (Иоанн Эфесский у Бар-Эбрея); Свод П. С. 253 (Феофан).

31 Agath. Hist. V. 12; 24.: Агафий 1996. С. 185, 204 — 205.

32 Комментарий I. Г. Литаврина к тексту Малалы (Свод I. С. 271 — 272).

33 Agath. Hist. V. 11 12.: Агафий 1996. С. 184 ,185.

34 Agath. Hist. V. 23.: Агафий 1996. С. 204: Свод I. С. 268 (Малала), 269 (Виктор Тонненский; он считает — ошибочно — что Сергия «тут же растер-зали»); Свод II. С. 253 (Феофан).

35 Свод I. С. 268 (Малала); Свод II. С. 253 (Феофан).

36 Agath. Hist. V. 13.: Агафий 1996. С. 187; Свод I. С. 268 (Малала), 287 (Иоанн Эфесский); Свод П. С. 253 (Феофан).

37 Agath. Hist. 14 — 15.: Агафий 1996. С. 189-191.

38 Об этом сообщает только Феофан (Свод II. С. 253). Конечно, нельзя отождествить эту неудачную битву с описанной Агафием победой Велисария, хотя Феофан и сообщает о последней крайне нечетко.

39 Агафий называет ставку Забергана близ Мелантиады (около 25 км от столицы) (Agath. Hist. 14.: Агафий 1996. С. 189). По Малале, «гунны и склавы» «совершили набег вплоть до Святого Стратоника» (около 15 км) (Свод I. С. 268). Согласно же Феофану, туда болгары отошли позже, ото-гнаные Велисарием. Виктор Тонненский утверждает, будто болгары «дошли до Константинополя у Сик» (Там же. С. 269). Скорее всего, это всего лишь преувеличение, основанное на дошедших в Африку слухах — такое же, как «растерзание» выкупленного позже живым и невредимым Сергия. Агафий сообщает о тревоге в пригороде Сиках (будущая Галата, отделенная от Константинополя лишь узким проливом Золотой Рог) и вы-ставлении там усиленной стражи — но не более того (Agath. Hist. V. 15.: Агафий 1996. С. 190). Феофан пишет: «захватили вплоть до Дрипии и Нимф и до деревни Хит» (Свод II. С. 253). Из этих пунктов более или ме-нее точно размещена на карте лишь Дрипия (15 км от Константинополя — см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 83. Прим. 107). «Деревня Хит» — возможно, лишь умозаключение Феофана. В Хите (Хеттах), согласно ему и Агафию (Agath. Hist. V. 16: 1.: Агафий 1996. С. 191), затем стоял станом Велисарий. Поблизости произошла его ре-шающая битва с болгарями.

40 Свод I. С. 287. «Третий раз» — очевидно, «набег вплоть до Святого Стра-тоника», о котором говорит Малала. Он был совершен, по Феофану, уже после поражения, нанесенного Велисарием.

41 Agath. Hist. V. 16.: Агафий 1996. С. 191 — 192. Свод II. С. 196 (Феофан).

42 Агафий говорит, что «толпа» вселяла панику в гуннов «криком и стуком кольев», а «поднимающаяся вверх пыль мешала установить численность нападавших» (Agath. Hist. V. 19.: Агафий 1996. С. 197). Феофан объясняет происхождение «пыли»: «Приказал он (Велисарий) также рубить деревья и волочить их позади строя. И поднялась от ветра сильная пыль и простер-лась над варварами» (Свод II. С. 253).

43 Наиболее подробное описание победы у Агафия (Agath. Hist. V. 19 — 20.: Агафий 1996. С. 196 — 198). В той же тональности, но короче, говорят о действиях Велисария Виктор Тонненский (Свод I. С. 269), Иоанн Эфес-ский (Свод I. С. 287). У последнего имя Велисария не упомянуто, зато ус-пех явно преувеличен: «Потом ромеи набрали войско против них, и пошли. опустошая и воюя против них всех: мало было тех, которые спаслись, и не стало их видно в этом месте». Возможно, Иоанн Эфесский смешал победу Велисария с позднейшим нападением Сандилха, к которому больше под-ходит

определение «опустошая и воюя». Разительный контраст представляют известия Малалы, вообще не говорящего ни о каких ромейских успехах (Свод 1. С. 268) и Феофана, описывающего действия Велисария следующим образом: «Он разбил лагерь и начал хватать некоторых из них и убивать. Приказал он также рубить деревья и волочить их позади строя. И поднялась от ветра сильная пыль и простерлась над варварами. Они же, полагая, что воинство велико, бежали и пришли в район Святого Стратоника» (Свод II. С. 253). Вероятно, здесь отразилась тенденция придворных кругов преуменьшить успех впавшего вскоре в опалу Велисария. Феофан пользовался, вероятно, константинопольской городской хроникой и «Хроникой» Малалы, либо Менандром и Малалой. С другой стороны, и Агафий мог преувеличить значение стычки между Заберганом и Велисарием. Далее он с очевидностью искажает некоторые факты. Так, он полагает, что победа Велисария имела решающее значение, и гунны не перестали отступать даже после его отзыва («отступали уже медленнее» — Агафий 1996. С. 199). На самом же деле они, по сути, вновь подошли к Константинополю, но с другого направления. Агафий, к тому же, утверждает, будто гунны «выбрались» за Длинные Стены сразу после поражения. Но это, по Феофану, совершенно не соответствует действительности.

44 Agath. Hist. V. 20.: Агафий 1996. С. 198 — 199.

45 Последовательность событий дана у Феофана (Свод II. С. 253). О «набеге до Святого Стратоника» говорит и Малала (Свод I. С. 268). По Иоанну Эфесскому, правда, получается, что «третий раз» был до победы ромейского войска (Там же. С. 287). Агафий приписал Велисарии изгнание «варваров» за Длинные Стены (Agath. Hist. V. 20.: Агафий 1996. С. 199), а Виктор Тонненский — прямо за Дунай (Свод I. С. 269).

46 Все это описывает в деталях лишь Феофан (Свод II. С. 253).

47 Agath. Hist. V. 21.: Агафий 1996. С. 199 — 200. Действия у Херсонеса описывает только этот автор.

48 Строительство плотов из сухого тростника возможно, по замечанию Г. Г. Литаврина, в этом месяце (Свод I. С. 269). В августе гунны очевидно, уже вернулись с Херсонеса.

49 Agath. Hist. V. 21.: Агафий 1996. С. 200 — 201. Феодор Синкелл в VII в. связывал овладение славян мореплаванием именно с «участием в нападениях на ромейскую державу» (Свод II. С. 84/85). Здесь перед нами первый подобный случай.

50 Agath. Hist. V. 22.: Агафий 1996. С. 201 — 202.

51 Agath. Hist. V. 23.: Агафий 1996. С. 202 — 203.

52 Agath. Hist. V. 23 — 24.: Агафий 1996. С. 203 — 204; Свод II. С. 253 (Феофан). В рукописях «Хронографии» Феофана посланец императора — куропалат Юстиниан (Свод II. С. 292. Прим. 46). Племянник Юстиниан у императора действительно был, но должность куропалата занимал будущий преемник — Юстин II.

53 Agath. Hist. V. 23.: Агафий 1996. С. 203, 204. Таким образом, не соответствуют действительности сведения Исидора Киевского (XV в.) о взятии Коринфа «оногурами» (вместо кутригур) и вызванном этим бегстве жителей Пелопонесса. В средневековой греческой легенде явно смешались воспоминания о двух паниках в Южной Ахайе — панике, вызванной нашествием кутригур в 559 г. и гораздо более обоснованной панике, вызванной аваро-славянскими нашествиями 580-х гг. В ходе одного из них, как будет показано далее, и пал в действительности Коринф. Патриарх Николай III (XI в.) относил описанные позже в петиции Исидора события к концу 580-х гг. Ср.: Свод II. С. 337 — 338.

54 Агафий (Agath. V. 24 — 25.: Агафий 1996. С. 204 — 205), эмоционально сгущая краски, утверждает, будто для уговоров хватило одного письма, и Сандилх «в тот же день бросился мстить кутригурам». Более достоверно выглядит версия Менандра, согласно которому Юстиниан «оказывал давление на Сандилха... и все не переставал убеждать его, отправляя частые посольства». В итоге он посулил Сандилху выплаты, уже назначенные Забергану (Men. Hist. Fr. 3.: Свод I. С. 316/317). Переговоры тянулись достаточно долго, чтобы медленно, по признанию Агафия, продвигавшийся Заберган ушел из Фракии за Дунай (Agath. Hist. V. 25.: Агафий 1996. С. 206) или даже «оказался где-то далеко от ромейской державы» (Men. Fr. 3.: Свод I.С. 316/317).

55 Agath. Hist. 25.: Агафий 1996. С. 206.

56 История авар до создания европейского каганата рассматривалась мно-гими исследователями. См., прежде всего: Avenarus A. Die Awaren in Furopa. Bratislava, 1974; Szadeczky-Kardoss S. Avarica. Uber die Awarengeschichte und ihre Quellen. Szeged, 1986; на русском языке имеются сравнительно небольшие разделы в обобщающих трудах (Артамонов 2002. С. 122 след.; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 36 — 39). Уделил место ранней истории авар Г. В. Вернадский (Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь- М, 2000. С. 192 след.).

57 Единственный наш источник об этой войне — Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317.

58 Proc. Bell. Goth. VIII. 4.: Свод I. С. 200/201.

59 Iord. Get. 35.: Свод I. С. 108/109.

60 Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/3 1 7. С этих слов начинается фрагмент.

61 См.: Свод I. С. 337. Прим. 20.

62 Гипотеза И. Маркварта (Marquart 1889. S. 78; Marquart 1903. S. 147. 504). Поддержана Г. В. Вернадским (Вернадский 2000. С. 194 — 195), В. Златарским (Златарски В. История на Българската държава през средните векове. Г. 1.4. 1. София, 1970. С. 118) и др. Мнение о том, что кутригуры «натра-вили» авар на антов, высказал М. И. Артамонов (Артамонов 2002. С. 130). Г. В. Вернадский на неясных основаниях предполагал, что обида Забергана на антов объяснялась отказом в помощи ему при аварском завоевании.

63 См.. например: Szadeczky-Kardoss 1986. S. 63 — 64; Свод I. С. 327. Ошибочно было мнение И. Маркварта. противоречащее Агафию Миринейскому, о войне авар с утигурами и антами еще в 558 г. (Marquart 1889. S. 78). Тем не менее, именно оно легло в основу изложения у Л. Н. Гумилева (Гумилев 1993. С. 37 — 38). С другой стороны, Л. Н. Гумилев, в отличие от целого ряда других ученых, справедливо оценивал действия авар

против ан-тов как враждебные и Византии. В целом бесспорная датировка и оценка событий была дана в отечественной литературе у М. И. Артамонова (Ар-тамонов 2002. С. 130).

64 Победа авар для большинства исследователей была очевидна (ср.: Ни-дерле Л. Славянские древности. М., 2001. С. 152, 156; Артамонов 2002. С. 130; Гумилев 1993. С. 38; Гимбутас М. Славяне. М., 2003. С. 123 — 124). Правда, утверждение Л. Н. Гумилева о «полностью подчинившихся авар-скому хану» антах вызывает серьезные сомнения. Л. Нидерле в свое время справедливо указал на тот несомненный факт, что после ухода авар «в Венгрию» анты выступают как независимое и враждебное им племя. Г. Г. Литаврин рещелил взвешенный и осторожный подход Л. Нидерле, оцени-вая кампанию как успешную для авар и вместе с тем сомневаясь в «полном разгроме» и «длительном упадке» антов (Литаврин Г.Г. Византия и славя-не. СПб., 2001. С. 560 — 561).

Оригинальна, но не подкреплена никакими отсылками к источникам трактовка Г. В. Вернадского. На неизвестных ос-нованиях он утверждал, что «анты вскоре оправились от первого потрясе-ния и какое-то время оказывали упорное сопротивление», более того — беспокоили авар с тыла (Вернадский 2000. С. 195). Некое косвенное свиде-тельство успеха авар можно найти в словах Евагрия: авары «прибыли на Боспор и, оставив побережье Понта, называемого Евксинским, — там было мною варварских народов... — совершали путь, сражаясь со всеми встре-чающимися варварами, до тех пор, пока не достигли берега Истра, и от-правили посольство к Юстиниану» (Euagr. Hist. Eccl. V. 1.: Свод I. С. 340. Прим. 29). Еще одно свидетельство — похватьба аварских послов перед Юстином II (Men. Hist. Fr. 14.: Свод I. С. 318/319).

65 В. В. Седов связывает миграцию хорватов с аварским нашествием «око-ло 560 г.» (Седов В. В. Восточные славяне в VI — XIII вв. М., 1982. С. 125). В этом он следует Л. Нидерле (Нидерле 2001. С. 169). Впрочем, нельзя не отметить, что все построение Л. Нидерле основано на ошибочной идее раннего (не позднее V в.) обособления южнославянских языков от обще-славянского. Отсюда идея о хорватском племенном союзе («южнославян-ском»), существовавшем до VI в. в Прикарпатье. С другой стороны, вытес-нение хорватов на запад именно аварами выглядит более чем убедительно. Но не менее вероятно, что это произошло чуть позже, во время движения авар северным путем в Паннонию. С этим связывал покорение не только хорватов, но и дулебов, Г. В. Вернадский (Вернадский 2000. С. 195 — 196).

66 ЭССЯ. Вып. 29. VI., 2002. С. 128.

67 ЭССЯ. Вып. 8. М., 1981. С. 240-242.

68 Это вторжение описывает Феофан (Чичуров 1980. С. 53).

69 О западных тюрках в Центральной Азии и Европе см.: Артамонов 2002. С. 152 след; Гумилев 1993. С. 33 след.

70 Единственный источник — Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321. События здесь описаны в ретроспективе, в связи с аваро-словенской войной 578 г. Поэтому датировать их можно весьма условно — примерным временем первого контакта со словенами, ок. 560 — 562 гг. Такая датировка была принята О. В. Ивановой и Г. Г. Литавриным (1985. С. 49 — 50). Для И. А. Левинской и С. Р. Тохтасьева это нижняя хронологическая граница события (Свод I. С. 351. Прим. 70). Относить его ко времени после 565 г., когда авары уже двинулись в Паннонию, едва ли следует. А. Авенариус (1974. S. 87), П. Петров (Образуване на българската държава. София, 1981) и в позднейшей работе Г. Г. Литаврин (2001. С. 562 — 563), однако, опровергают раннюю датировку. На выглядящей убедительно аргументации сторонников поздней даты имеет смысл остановиться подробнее. По мнению Г. Г. Литаврина, «славяне левобережья нижнего Дуная к 579 г. длительное время не подвергались разорению со стороны других народов. Дело в том, что применительно к 560 — 565 гг. этого сказать было бы невозможно: со времени вторжения в 558 — 559 гг. в нижнее левобережье полчищ кутригуров Забергана, а затем утигуров Сандилха прошло всего несколько лет». Этот аргумент имел бы гораздо больше оснований, если бы имелись прямые свидетельства нападения Забергана или Сандилха на словенскую страну. Однако в этом случае свидетельство Менандра, на которое ссылается здесь исследователь, просто было бы недостоверно — ведь Менандр говорит о том, что земля словен не разорялась вообще никогда, «никоим образом». Второй аргумент: «Представляется... невероятным, чтобы аварские полчища, разбившие антов и вобравшие в себя множество подчинившихся хану кутригуров, не были бы брошены им против славян». Этот факт, как покажем, вполне может быть объяснен в рамках ранней датировки. В том же, что Баян узнал о гибели посольства «со стороны», конечно, нет ничего удивительного — ведь из послов не уцелел никто, а словене едва ли стали бы извещать об этом кагана. А. Авенариус и П. Петров предполагают, что посольство к словенам состоялось после заключения Баяном мира с кесарем Тиверием (574 г.). По А. Авенариусу, послы были отправлены вскоре после 574 года, скорее всего, около 576 — 577 г.. П. Петров считал возможным твердую датировку 574 г. Г. Г. Литаврин справедливо указывает, что «веских доводов в пользу этой даты... привести невозможно» и предлагает свою — «конец 60-х годов (568 — 570)» (2001. С. 563). При этом он не считает нужным полностью исключать и раннюю датировку (Там же. С. 561). Некоторые исследователи по какому-то недоразумению объединяют набег Баяна на словен в 578 г. с посольством к Добряте (Гимбутас 2003. С. 125; Dujcev I. Davrentios.// Lexicon de Mittelalters. Bd. 3. Miinchen, 1984. S. 608).

71 События изложены в «Истории франков» Григория Турского. См.: Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 94 (IV. 23), 381 (Прим. 76).

72 Men. Hist. Fr. 14.: Свод I. С. 318/319.

73 Г. В. Вернадский, в целом справедливо намечая северный путь авар в Паннонию, полагал (точнее, уверенно утверждал) также, что часть кочевников двигалась вдоль Дуная и по пути покорила нижнедунайских славян (Вернадский 2000. С. 195, 198). Это прямо противоречит сведениям Менандра о том, что первое нападение авар на словен произошло только в 578 г. Г. В. Вернадскому это известие, несмотря на подробность, видимо, осталось неизвестным. По крайней мере, фрагмент о Даврите-Даврентии и его вражде с Баяном — единственное сообщение Менандра, которое он вообще не использовал и не упомянул.

74 Некоторые исследователи полагали, что Баян пригнал покоренных славян с собой в Паннонию (I. Sorlin. Slaves et Slavenes avant et dans les miracles de saint Demetrius.// P. Lemerle. Les plus anciens recueils des Miracles de saint Demetrius. T. II. Paris, 1981. P. 231 — 232). Однако в Паннонии до VII в. нет почти никаких следов пребывания славян. Это общее место в работах по археологии и истории Венгрии (см., например: Археология Венгрии. Конец II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 1986. С. 310; Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 12). Столь же общим местом в работах по истории славян, однако, стало существование в VI в. «паннонских славян», «славян Паннонии» (см., например: Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 30 — 31). Исходными тезисами для построения концепции «паннонских» славян, кажется, были два. Во-первых, некоторые историки стремились возвести историю сербохорватских племен еще к VI в., обосновать их «исторические права» на земли своего проживания тем, что они уже тогда совершали набеги на Иллирик, в то время как предки славян-болгар — на Фракию. Но рассказ Прокопия о нашествии 550-551 гг. совершенно не оставляет сомнений в том, что на Иллирик и Фракию нападали одни и те же славяне. Сербохорваты действительно иного происхождения, чем славянские болгары. Но и средневековые авторы, и этнонимика указывают — предки этой ветви южных славян пришли из земель севернее Паннонии. Второй аргумент в пользу «паннонских славян» — деление словенских племен в аварскую эпоху на две группы — прямо подвластных и лишь временно союзных каганату. Наличие этих двух категорий племен сомнений не вызывает. Но непосредственно подвластные племена можно локализовать и там, где есть их реальные археологические свидетельства — в Карантании, в Поморавье, возможно, на востоке гепидского Потисья (правда, здесь их следы в VI в. незначительны). В

названной работе по истории Болгарии Г. Г. Литаврин поместил «славян Паннонии» как раз «в бассейне Тисы». Не ранее VII в. или расширительно VI — VII датируются факты сла-вянского пребывания в Паннонии, приводимые В. В. Седовым (1995. С. 116, 117 — 123). Единственное убедительное исключение — упомянутые ранее находки пражско-корчакской керамики в Сентендре.

75 В польской исторической науке еще в XIX в. на основе известий античных авторов о венедах сложилась теория автохтонности и континуитета (непрерывного пребывания) славян на всей или почти всей территории Польши. С автохтонностью славян в Польше в известном смысле можно согласиться. Весьма вероятно, что основы праславянской культуры были заложены именно в бассейне Вислы (См: Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Его же. Славяне в древности. М., 1995). Однако автохтонность вовсе не подразумевает непременно континуитета. Л. Нидерле кажется, относился к идее славянского континуитета в Польше с осторожным скепсисом. Он причислял к прародине преимущественно южные и восточные польские области наряду с восточнославянским Полесьем (Нидерле 2001. С. 28 — 30, 131) — притом, что античные ав-торы знают венеков в низовьях Вислы, и славянства венеков Нидерле не отрицал. Попытку археологического обоснования континуитета предприняли польские ученые в 60-е гг. (Kostrzewski J. Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Uhrgheschichte Polens. Wrocław Warszawa — Krakow. 1965. S. 10 — 26). Эта теория была воспринята учеными других восточноевропейских стран, в том числе СССР. Континуитет обосновывался тогда: во-первых, сходством пшеворской и пражской посуды (что может доказывать происхождение пражской культуры от пшеворской, даже если первая сложилось в придунайских областях — но ничего больше); во-вторых — единичными фактами пшеворско-пражской преемственности в Южной Польше. Ю. В. Кухаренко, приняв концепцию континуитета (Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969. С. 128), по сути, опроверг ее приводимыми фактами. В названной работе упомянуто лишь два пшеворско-пражских поселения (Хоруля и Иголома), оба на юго-западе Польши. При этом подчеркивалось, что на севере Польши славянских памятников ранее конца VI в. нет, а в качестве начальной даты для «предпястовского» славянского периода в истории Польши принимался 570 г. (Там же. С. 121, 124). М. Гимбутас ограничила первичную зону распространения пражских памятников на территории Польши южными областями (Гимбутас 2003. С. 99, 131 (карта)). Расселение славян в VI в. она рассматривала как «восстановление» после готского и гуннского нашествий. В. В. Седов (1995. С. 23) относит к ранним пражско-корчакским три поселения на Верхней Висле, датируемых V веком. «Лехитской» он при этом считает суковско-тириуемых V веком. «Лехитской» он при этом считает суковско-дзедзицкую культурную группу, памятники которой в Восточной Германии относятся ко второй половине VI века. В. В. Седов с известной долей осторожности датирует первые памятники группы в польском междуречье среднего Одера и Вислы концом V — первой половиной VI в. и выводит их из местных пшеворских памятников. К суковско-дзедзицким относится сейчас много памятников Польши, прежде рассматривавшихся в ряду пражско-корчакских — например, городище Шелиги (Седов 1995. С. 40 след.). Но в целом нет твердых оснований датировать их ранее середины VI

в. Таким образом, расположение первичной славянской прародины на землях Польши не противоречит отсутствию славянского континуитета на ее территории — славяне просто возвращались в VI в. на старые земли. По словам Прокопия Кесарийского, значительная часть нынешней Польши была в первой половине века еще пустынна («обширная пустынная земля» между славянами и варнами — Proc. Bell. Goth. VI. 15: I.: Свод I. С. 176/ 177). О том же свидетельствует этнонимика. Племенное название «висляне» в верховьях Вислы свидетельствует о том, что ниже по реке в момент его возникновения славян еще не было. Название могло появиться, таким образом, либо в I тыс. до н. э., когда веныды еще не жили у Балтики, либо в VI в., в ходе расселения пражских племен. Первый вариант, учитывая многочисленные этнические передвижения в регионе, да и языковые изменения, маловероятен. Второй же означает, что Северная Польша оставалась какое-то время действительно без славянского населения. Более того, вероятнее всего оказывается, что славяне, носители пражской культуры, пришли к Висле откуда-то со стороны, скорее с востока. Только в этом случае определение себя по названию реки представляется логичным — оно явно противопоставляет вислян тем, кто на Висле не живет. В польской науке археологическая аргументация против теории континуитета представлена К. Годловским на основе исследования пшеворских древностей (Godlowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w poludniowej i srodkowej Polsce w mlodszyim okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdansk. 1985). Попытка К. Годловского вывести пражские древности из зарубинецких, а славян в Польше — из Среднего Поднепровья выглядит неубедительно, на что указал О. Н. Трубачев (Трубачев О. Н. Эт-ногенез и культура древнейших славян. М, 1991. С. 6). Но на этом основании не стоит отвергать саму выдвинутую К. Годловским идею отсутствия прямой преемственности польских пшеворских и пражских древностей. В. В. Седов в последней работе оценивает построения К. Годловского как «устарелые» (В. В. Седов. Славяне: историко-археологическое исследование. VI., 2002. С. 310). По мнению исследователя, «совокупность данных» позволяет включить Южную Польшу наряду с Восточным Прикарпатьем в область складывания пражской культуры (Седов 2002. С. 309 — 310). С другой стороны, нельзя не заметить, что памятники добродзеньской культурной группы V в. указывают, по меньшей мере, на преобладание германцев в среде «поздних пшеворцев» Южной Польши. В процессе расселения славян германцы были ассимилированы (см.: Седов 2002. С. 311- 312).

76 Григорий Турский. С. 97 (IV. 29).

77 Седов 1995. С. 275-276.

78 Новелла № 140 от 14 сентября 566 г. — первая содержащая полный титул Юстина — не включает титула «Антский» (Свод I. С. 262). 79 Новелла № 6 от 1 марта 570 г. (Свод I.

С. 262). Использовался титул и позднее — в новелле начала 570-х гг. из «Церковной истории» Евагрия (V. 4), в недатированной новелле (возможно, принадлежащей уже Тиверии, но тот не использовал титула «Антский» в единственной достоверно «своей» новелле).

80 В первой половине 580-х гг. — Иоанн Эфесский (по Михаилу Сирийцу и бар Эбрею — Свод I. С. 284 — 286); в 602 г. Феофилакт Симокатта (Свод II. С. 42/43), на котором основывается и Феофан (Свод II. С. 270/271).

81 Военный Аноним (Свод I. С. 362/363) даже воспроизводит формулу начала правления Юстиниана «анты и склавы», ставя ангов тем самым впереди словен в числе врагов Империи. Последовательность у Маврикия (Свод I. С. 368/369 след.) везде «склавы и анты», однако он нигде не разделяет и не противопоставляет их. В связь с этим можно поставить и выше-упомянутый (прим. 79) отказ императора Тиверия от титула «Антский» во время ожесточенных и неудачных войн со словенами и аварами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1 См.: Седов 1982. С. 23; Седов 1995. С. 85.

2 Западнославянские хорваты упоминаются арабским географом Масуди (середина X в.), грамотой Пражского архиепископства от 1086 г. (основной перечень древних чешских племен, восходящий происхождением еще к 973 г.), грамотой германского императора Генриха II (1108 г.). См.: Нидерле 2001. С. 77 — 78, 128; Седов 1982. С. 125; Turek R. *Cechy v ranem stredoveku. Vysehrad — Praha*, 1982. S. 40 — 41.

3 См.: Седов 1995. С. 138 след., 332.

4 Ср.: Седов 1995. С. 310.

5 Седов 1995. С. 25, 27-28.

6 Седов 1995. С. 293, 295, 314.

7 Седов 1995. С. 27, 275 — 276.

8 Седов 1995. С. 28 — 29. На основе приводимых данных представляется, что основной поток переселенцев следует датировать началом VII в. и связать с усилением аварского натиска на чешских славян.

9 Заимствована целая группа названий емкостей, которые, очевидно, служили объемно-весовыми мерами. См.: ЭССЯ. Вып. 3. С. 113 — 114 (*bъдьна); Вbin. 10. С. 196 (*kony); Вып. 13. С. 171 — 172 (*къвь1ъ).

10 ЭССЯ. Вып. 21. С. 81 — 82. Распространение во всех славянских языках указывает на ранний (VI в.) характер заимствования. Скорее всего (но не обязательно) заимствовано из того же источника и связанное слово «мы-тарь», обозначавшее сборщика пошлины, таможенника (ЭССЯ. Вып. 21. С. 73 — 74).

11 Седов 1995. С. 46; Седов 2002. С. 328 329.

12 О Бискупине во времена лужицкой культуры (II — I тыс. до н. э.) см.: Седов 2002. С. 59.

13 Седов 1995. С. 41 — 42.

14 Именно венедский тип, без сомнения, сохраняли южнобалтийские и новгородско-псковские славяне этого времени. См.: Седов 1982. С. 8.

15 Ср. Седов 1995. С. 12 — 13, 40-41 (жилища с подпольными ямами относятся исключительно к суковско-дзедзицким, но отмечены и наземные срубные дома без ям в том же ареале). Ср. еще: Седов 1982. С. 14; Седов 1995. С. 15; Седов 2002. С. 299 — о наземных домах на несомненно корчакских поселениях (прежде всего. Зимно). См. также: Кухаренко 1969. С. 125 (в конце 1960-х — 1970-х гг. суковско-дзедзицкие поселения V — VII вв. на территории Средней Польши еще рассматривались как пражско-корчакские, что отразилось и в работе В. В. Седова 1982 г.). П. Донат (Donat P. Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhauser // Zeitschrift für Archäologie. № 4. Berlin, 1970. S. 250 — 269; Donat P. Bemerkungen zur Entwicklung des slawischen Hausbaues im mitteleuropäischen und östlichen Europa // Balcanoslavica. 4. Prilep — Beograd, 1975. S. 113-125) считает наземные жилища с ямами, наряду с полужемлянками, характерным для пражской культуры типом.

16 Кухаренко 1969. С. 125. Седов 1995. С. 15, 345.

17 Седов 1982. С. 8.

18 Седов 1995. С. 9, 12, 13, 19, 41, 42 (карты).

19 ЭССЯ. М., 1988. Вып. 15. С. 58.

20 См.: Алексеев 2002. С. 121 — 122.

21 Очевидно, на самом деле «Немержа», «Немера» — имя, отмеченное в старо-ропольском и восходящее к праславянекому (*němьera «неизмеримый») (ЭССЯ. Вып. 24. М., 1997. С. 152- 153). Великопольский хронист толкует не совсем верно: «не объемлющий мира»

(Великая хроника о Польше, Ру-си и их соседях. М., 1987. С. 53).

22 Великая хроника 1987. С. 53.

23 Кухаренко 1969. С. 124; Седов 1995. С. 41 — 42, 46, 348; Седов 2002. С.443.

24 См.: Алексеев 2002. С. 127.

25 Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX — XI вв. М., 1993. С. 13/14, 24 (Прим. 22).

26 Великая хроника 1987. С. 61 (Гл. V).

27 Так в «Повести временных лет» (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. VI., 1997. Сто. 6; Т. 2. М., 1998. Сто. 5; Т. 38. Л., 1989. С. 12). После упоминания полян следует фраза: «ляхи же иные — лютичи, иные мазовшане, иные поморяне». Точно так же и Богухвал упоминает в числе «лехитов» отдельно от полян только полабские, лужицкие и помор-ские племена (см.: Великая хроника 1987. С. 53 — 54).

28 Нидерле 2001. С. 105; Седов 1995. С. 48; Назаренко 1993. С. 47 (Прим. 47).

29 Безунчан не упоминает ни один другой автор, но на их силезскую при-надлежность указывает повтор рядом с теми же дедошанами во второй части «Географа». Отсюда же ясно, что они не тождественны слензянам и не были их непосредственной частью. На территории Силезии есть топо-нимы, которые могли послужить источником названия. См.: Lehr-Splavinski T. Bezunczane.// Słownik starożytności Słowiańskich. Т. 1. War-szawa, 1964. S. 113; Назаренко 1993. С. 48 (Прим. 59; ср.: С. 23. прим. 20). Во второй части «Географа» добавляются слензяне, ополяне (на Верхней Одре), голендичи. Где-то в Силезии обычно помещают упомянутых здесь же лупоглавов (см.: Назаренко 1993. С. 50).

Прим. 62). Этот этноним имеет аналоги в топонимии в Словении и сербохорватских землях, а также на Ру-си как речное название Луноголова в бассейне Верхнего Днепра (ЭССЯ. Вып. 16. М., 1990). Учитывая, что слово *lurogolva (lurigołva) неизвестно в иных значениях, можно предположить, что все местные названия восходят к имени племени. В таком случае название племени лупоглавов (“ободранные, шелушенные головы” — в основе, вероятно, какая-то внешняя особенность) должно было появиться не позднее VI в.

30 Дедошичи названы в перечне северных чешских и силезских племен в учредительной грамоте Пражской архиепископии. Грамота датируется 1086 г. и включена в хронику Козьмы Пражского (II. 37 — см. русский перевод в кн.: Козьма Пражский Чешская хроника. М., 1962). Восходит она своим содержанием, однако, к X в., подтверждая привилегии, данные еще в 973 г. Наряду с Баварским географом и «Повестью временных лет» пражская грамота — один из ценнейших источников по раннеславянской этнонимии. В Силезии и Лужицах она называет еще племена слензян, требовян и поборян.

31 События эти воссозданы на обширном археологическом и ином материале в работе: Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. VI., 2003.

32 Кулаков В. И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII в.// *Barbaricum*-1989. Warszawa, 1990; Седов 1995. С. 171; Кулаков 2003. С. 46, 255 — 256, 320. Предлагаемая В. И. Кулаковым в последней работе дата (ок. 550 г.) для совместного прихода гепидов и лангобардов в Мазуры кажется слишком ранней. В указанное время эти два племени враждовали между собой в Подунавье. Убедительнее датировка из первой работы между 550 и 600 гг., что справедливо связывать с аварским вторжением 566 — 568 гг. Именно в ходе аварского нашествия королевство гепидов и прежнее лангобардское королевство в Паннонии почти одновременно перестали существовать.

33 Назаренко 1993. С. 50-51. Прим. 64.

34 Седов 1995. С. 54. Силезское происхождение фельдбергской культуры обосновано И. Херрманом (Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968. S. 70 — 73).

35 См.: Седов 2002. С. 338.

36 Седов 1995. С. 42.

37 Седов 1995. С. 47.

38 Седов 1995. С. 47.

39 См.: Perwolf J. Slawische Volkernamen.// Archiv fur slawische Filologie. Bd. 8. S. 595 — 596; Ixhr-Splawinski T. Rozprawy i szkice z dziejow kultury Slowian. Warszawa, 1954. S. 99; Rudnicki M. Nazwy Slowian polabskich i luzickich u Geografa Bawarskiego // Opuscula Casimira Tymicniecki septuagenario dedicata. Poznan, 1959. S. 253; Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 56. О. Н. Трубачев в позднейшей работе (Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 129-130) высказал мысль, что «ободриты» происходит от славянского *obbdrati «ободрать, ограбить». В качестве доказательства указывалось на глоссу к упоминанию ободритов во франкских анналах под 823 г. (Abodriti, qui vulgo Praedenecenti vocantur — «Ободриты, по-народному называемые Praedenecenti»), По последнее слово справедливее, кажется, понимать не как «грабители» по-латыни (такое «народное» слово неизвестно), а как передачу самоназвания ободрических послов «передняя чадь» (см.: Назаренко 1993. С. 22). Л. Нидерле, строго подходя к форме «ободричи», видел за ней имя родоначальника Ободра (Нидерле 2001. С. 120). Но пример лендзян / лендичей (и напротив — дедошичей / дедошан) ясно демонстрирует возможность мены ободряне / ободричи и, соответственно, справедливость традиционной этимологии.

40 Это почти наверняка германское обозначение славянского племени стодорян (Назаренко 1993. С. 119). Трактовка названия как славянского «гаволяне» (например, у Л. Нидерле — Нидерле 2001. С. 123) выглядит немножко искусственно. Часть стодорян также позднее оказалась на Балканах. Об этом свидетельствует название Стодорской равнины на юге Словении. (Нидерле 2001. С. 75.)

41 Славянское племя в Македонии (Нидерле 2001. С. 89).

42 Нидерле 2001. С. 121.

43 См.: Назаренко 1993. С. 18 — 19.

44 Назаренко 1993. С. 14.

45 Седов 1995. С. 41. 46. В первой половине VII в. в Поморье распространяется культура иного типа (Седов 1995. С. 54 — 55). Еще сравнительно не-давно считалось, что к VI — VII вв. в Поморье может быть отнесен лишь один клад рубежа веков, а дзедзицкие древности датируются VIII столетием (Кухаренко 1969. С. 124, 128).

46 Назаренко 1993. С. 14, 35 — 36. На самом берегу моря восточнее Одера жили в IX в. велунчане, но их имя связано с возникшим в VIII в. градом Волин (Вольнь, Велунец).

47 Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10 16.: Свод II. С. 16 — 19.

48 Нидерле 2001. С. 128, 132; Седов 1995. С. 311. Хорваты отмечены еще на реке Заале (в начале XII в. — Нидерле 2001. С. 493). Практически не вызывает сомнений, что там они появились вместе с сербами (носителями рюсенской культуры) в VII в.

49 Długosz Jan. Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1962. Т. 1. S. 190; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Крак.// Славян-ская мифология. М., 1995. С. 233.

50 В. В. Иванов, В. Н. Топоров. О древних славянских этнонимах.// Славян-ские древности. Киев, 1980. С. 38; Slaski K. Walki historyczne w podaniach o początkach Polski. Poznan. 1968. S. 23-25.

51 Так и делали некоторые западнославянские ученые XIX — XX вв. (Ни-дерле 2001. С. 169: «первоначально [до 560 г. — С. А] существовало одно большое племя хорватов, которое, по-видимому, и политически было объ-единено в государство, центром которого был Краков»; Gaczynski J. Zarys dzucjow plemiennych Malopolski.// Rocznik Przemyski. Т. XII. Przemysl, 1968. S. 51 — 117). Но их построения, как представляется, избыточно ос-ложнены. Е. Гачинский пересмотрел ряд слабых сторон концепции Л. Ни-дерле. Тот, например, ограничивал существование хорватского «государ-ства» 560 г. и в то же время считал, что его упоминают арабские авторы (IX — X вв.) и Константин Багрянородный (X в.). Гачинский продлил суще-ствование хорватского краковского союза до рубежа VIII — IX вв.. что уже вызывает сомнения. Имя хорватов в Повисленье неизвестно (хорваты на Висле у Л. Нидерле — результат недоразумения, неверного соотнесения с прародиной хорватов того, что говорил Константин о происхождении захлумских князей в Сербии — Нидерле 2001. С. 76). Таким образом, княже-ство вислян IX в. мы можем воспринимать как некий осколок или ветвь хорватского племенного объединения, но едва ли как его главную часть. Не можем мы и сколько-нибудь уверенно отождествлять Краков с «горо-дом Хурдаб (Хорват?)» восточных авторов.

52 Mistrz Wincenty. Kronika polski. Warszawa, 1992. S. 11 — 12.

53 Краков археологически не исследован, и время его основания достовер-но не установлено. Однако Краку приписывается монументальный курган около города (Седов 1995. С. 343). Курганный обряд захоронения появился в Малопольше во второй половине VII в. (Седов 1995. С. 18).

54 Козьма Пражский 1962. Гл. 3. (С. 35).

55 Далимил (Staroceska kronika tak recenoho Dalimila. Praha, 1988. Kap. 3. 1 4) ограничился кратким упоминанием о Кроке, всецело основанным на из-вестиях Козьмы. Как всегда, богат на дополнения к древним хроникам Га-ек из Либочан (XVI в.), создавший из обрывков древних легенд и собст-венных домыслов подробную летопись времен Крока (Vaclav Hajek z Libochan. Kronika ceska. Praha, 1981. S. 52 — 63). Он «установил» даже точ-ную хронологию и датировал правление Крока 661 — 709 гг. К сожалению, из многочисленных дополнений лишь предание о справедливом суде Кро-ка может действительно восходить напрямую к фольклору. Многочислен-ные топонимические предания нанизаны Гаеком на историю Крока, скорее всего, искусственно. История же дружбы-соперничества Крока и Леха, брата Чеха, — домысел

самого Гаека, восходящий к хронике Пржибека Пулкавы (XIV в.). Именно этот хронист впервые заимствует у польских авторов легенду о братстве Чеха и Леха. Интересно, впрочем, что Гаек свя-зывает с Кроком больше преданий о заселении страны, чем с Чехом. Именно к временам Крока отнесено открытие в Чехии полезных ископае-мых. Он у Гаека приказывает расчистить лесные пространства под пашню, разведывает чешские земли. Это соответствует данным об окончательном освоении Чехии славянами лишь во второй половине VI в.

56 Turek R. Die fruhemittelalterlichen Stammegebiete in Bohmen. Praha, 1957. S. 32.

57 Гаек связывал с Кроком как Кроков, так и Будеч близ Праги (Најек 1981. S. 58). Возможно, это след каких-то подлинных преданий. Будеч — один из старейших культовых и политических центров чешских земель. Основан он, впрочем, на рубеже VIII — IX вв. (Седов 1995. С. 313).

58 Например, польского князя Мешко в соглашении с папой о переходе Польши под его покровительство (Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М, 1990. С. 28).

59 Козьма Пражский 1962. Гл. 4 (С. 36).

60 Mistrz Wincenty 1992. S. 15 — 16; Великая хроника 1987. Гл. I (С. 58). Не вызывает никаких сомнений, что в данном случае речь идет о разных пер-сонажах, а не об одном и том же «раздвоившемся» герое, что произошло в польских хрониках, например, с легендарным князем Лешко.

61 Mistrz Wincenty 1992. S. 12 15 (там же список литературы, в которой анализировалось предание о победе Крака над драконом — «Краковским Цмоком»), При любой исторической или мифологической интерпретации справедливой представляется точка зрения В. В. Иванова и В. Н. Топорова, рассматривающих предание как отражение славянского «основного мифа» о битве громовержца со змееобразным противником (Иванов — Топоров. Крак). Таковы же волынское предание о Радаре (где, кстати, фигурирует «змей Краговой») и приднепровские предания о Божьем Ковале. Притом они связаны и с конкретной историей. Предание о Краке и «Цмоке», вне сомнения,

местное, краковское, и возвести его целиком к литературным образцам невозможно.

62 О связи княжеской власти с образом Сварога см.: Алексеев 2002. С. 98 —99, 103 — 104.

63 Mistrz Wincenty 1992. S. 16 — 18.

64 Козьма Пражский 1962. Гл. 9 (С. 45).

65 Константин Багрянородный называет прародину балканских сербов — с их слов — «Воики», что давно соотнесено с Богемией (Константин Багря-нородный. Об управлении Империей. М., 1991. С. 140/141, 379). Соотнесе-ние с карпатскими бойками (П. Шафарик) с точки зрения современной науки фантастично — названия бойков и их соседей лемков связаны с осо-бенностями их говоров и родились в позднее средневековье (Этнография восточных славян. М., 1980. С. 107). Из «Белой Сербии» в «местности Войки», по Константину, сербы переселились на юг. Отсюда же, очевидно, шла и миграция будущих сорбов (рюсенской культуры) на север, в бассейн Эльбы — Заале. Соответственно, помещать первоначальную «Белую Сер-бию» следует на севере Чехии.

66 Константин Багрянородный 1991. С. 140/141. Русская летопись называет «белых хорватов» вместе с сербами и хорутанами (картанцами в нынешней Словении), после чехов и мораван (ПСРЛ. Т. 1. Сто. 6; Г. 2. Стб. 6; Т. 38. С. 12).

67 Maur. Strat. XI. 4: 1 — 2.: Свод I. С. 368/369.

68 Maur. Strat. XI. 4: 1-2.: Свод I. С. 368/369.

69 Maur. Strat. XI. 4: 5.: Свод 1. С. 368/369. «Поля» в качестве основного ис-точника пропитания славян упомянуты у Менандра (Свод I. С. 320/321).

70 Седов 1995. С. 20-21,80.

71 Соотношение в костном материале 1:5 при общей доле в 12% (Седов 1995. С. 21).

72 Седов 1995. С. 21.

73 Об этом упоминает Иоанн Эфесский в связи с нашествием 580-х гг. (Свод I. С. 278/279). По из его известия с той же очевидностью следует, что до нашествия словене «табунами коней» не располагали. О появлении у словен конницы свидетельствуют находки сбруи, в том числе на удаленных от имперских границ пражско-корчакских поселениях (Седов 1995. С. 23).

74 Maur. Strat. XI. 4: 5.: Свод I. С. 368/369. Об интерпретации отрывка см.: Панкова-Петкова Г. Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий». / Известия на Института за българската история. София. 1957. Т. 7. С. 340 — 341: Свод I. С. 383.

75 Седов 1995. С. 20.

76 См.: Федоров Г. В., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 295-297: Седов 1995. С. 14.28, 103.

77 См.: Седов 1982. С. 12.

78 Находки в Зимно, Рипневе и других смешанных или пограничных с ан-тами поселениях (Седов 1995. С. 20). Находка в полесском Хотомеле, видимо, чуть более поздняя. В Чехии наральник происходит из клада железных изделий в Летех, который мог быть оставлен как славянами, так и германцами (Sklenar K. Pamatky praveku na uzemi

CSSR. Praha, 1974. S. 282 — 283; Седов 1995. С. 20).

79 Седов 1995. С. 21.

80 Maur. Strat. XI. 4:1.: Свод I. С. 368/369.

81 Свод I. С. 278/279. На Иоанна Эфесского, сирийского церковного историка, стереотип изображения северных «варваров» влиял гораздо больше, чем на руководствовавшегося практическими целями Маврикия Стратега. См.: Свод I.С. 281 — 282,283.

82 Maur. Strat. XI. 4: 38.: Свод I. С. 376/377. О бегстве славян в «чащи и укромные уголки леса» говорит и Менандр (Свод I. С. 320/321). Это же имеет в виду Иоанн Эфесский (Свод I. С. 278/279).

83 Maur. Strat. XI. 4: 43.: Свод I. С. 378/379.

84 Ср. комментарий В. В. Кучмы: Свод I. С. 391. Приводимые здесь подсчеты размера «хории» (от 4 до 5 км) чрезвычайно интересны, но не бесспорны, что признает и автор. Вместе с тем, они совпадают с протяженностью, если так можно выразиться, «стандартного» словенского «гнездовья» по археологическим данным. См.: Седов 1982. С. 13.

85 Maur. Strat. XI. 4: 7.: Свод I. С. 368/369. Общая характеристика Маврикия-ем образа жизни славян как опасного и «разбойного» породила излишнюю, как представляется, дискуссию. П. Н. Третьяков (Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 160- 162) и Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества ХН — XIII вв. М., 1982. С. 52) высказывали мнение, что известие Маврикия может быть отнесено лишь к славянам непосредственно к северу от Дуная. Но, вопреки П. Н. Третьякову, Маврикий уже ничего не писал о «бродячем быте» славян. Что же касается общей картины быта славян в сравнительно небольших поселениях, то соответствующую картину мы наблюдаем по всему славянскому ареалу того времени. Напротив, в

Придунавье быт славян был, несомненно, гораздо богаче и в известном смысле стабильнее, чем далеко на севере, куда не доходила задунайская добыча и еще господствовало подсечное земледелие. К слову, в условиях аварского нашествия и внутриславянских передвижений едва ли могла иметься вполне свободная от угрозы войны и межплеменно-го столкновения территория. Маврикий говорит об обычае зарывать клады в случае опасности; П. Н. Третьяков уверенно связал его с дунайским по-рубежьем. Эти места, несомненно, и были известны Маврикию — но славянские клады той эпохи раскопаны не здесь, а в Поднепровье и Южной Прибалтике. Что же до характеристики быта славян как «разбойного», то это просто клише, относящееся к «варварам»-врагам. Нет оснований не использовать известия Маврикия для характеристики всего антского и славянского ареалов.

86 См., например: Седов 1995. СП.

87 Третьяков 1953. С. 164 — 165.

88 Кухаренко 1969. С. 125; Седов 1995. СП- 13.

89 Седов 1982. С. 22; Седов 1995. С. 71, 81. Отмечено также, что поздние антские жилища крупнее ранних (Седов 1982. С. 22). Это, очевидно, отражает сохранение и разрастание больших семей.

90 Различные точки зрения на проблему происхождения «мартыновских» древностей: Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. // Советская археология. 1971. № 2. С. 118; Laslo G. Etudes archeologiques sur l'histoire de la societe des avars. // Archaeologia Hungarica. 1955. V. 34; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 16; Седов 1982. С. 25 — 26; Щеглова О. А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье. // Материалы и исследования по археологии Днепро-вского Левобережья. Курск, 1990. В смысле хронологии клада особняком стояла точка зрения Б. А. Рыбакова, который датировал значительную часть вещей V — началом VI в., сам клад — серединой VI в. и приписывал мартыновские древности племени русов (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М., 1982. С. 80 — 81).

91 Седов 1982. С. 25 26; Седов 1995. С. 76 — 78. В названных работах указывается, что

пояса мартыновского типа «распространены достаточно широко и безусловно не являются отражением одного определенного этноса» (Седов 1982. С. 26; Седов 1995. С. 77). Вместе с тем, позднее В. В. Седов считает возможным относить мартыновские древности в Паннонии и на Балканах исключительно или преимущественно антам (Седов 1995. С. 120 — 122,130).

92 Седов 1982. С 33,40-41.

93 Седов 1982. С. 25 — 27, 72, 258.

94 Детальное исследование проблемы предпринял У. Фидлер (Fiedler U. Studien zu Grabcrfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil 1-2. Bonn, 1992).

95 Седов 2002. С 216.

96 По мнению А. И. Айбабина, находки пальчатых фибул в Крыму — свидетельство торговых связей с Поднепровьем (Крым, Северо-Восточное При-черноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003. С. 48). Иначе — Седов 2002. С. 218 — 220 (все, особенно крымские находки рассматриваются как свидетельство расселения антов).

97 Федоров — Полевой 1973. С. 295 — 297; Седов 1995. С. 103.

98 Погребение черепа (остаток захоронения или жертвоприношение по Черняховскому ритуалу) на поселении Ханска III; погребение женщины с пеньковским сосудом на черняховском могильнике в Данченах (плащ по-койной был застегнут двумя пальчатыми фибулами, то есть по германской традиции) (Седов 1995. С. 75).

99 См.: Седов 1982. С. 112 — 113; Fiedler 1992. S. 74 — 91; Седов 1995. С. 75 76 (в последней работе высказана точка зрения о более широком распространении

труположений у антов, чем это фиксируется наличным археологическим материалом).

100 Седов 1995. С. 275-276.

101 Седов 1982. С. 18; Седов 1995. С. 14 — 16.

102 Кухаренко 1969. С. 125.

103 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 12 — 13.: Свод 11. С. 24/25.

104 Maur. Strat. XI. 4: 6.: Свод I. С. 368/369.

105 Maur. Strat. XI. 4: 8.: Свод I. С. 368/369.

106 Иоанн Эфесский — Свод I. С. 278/279 (прямое указание на военную добычу как главный источник «обогащения» славян).

107 Maur. Strat. XI. 4: 11.: Свод I. С. 370/371.

108 По Маврикию, славяне даже зимой «почти наги» (Maur. Strat. XI. 4: 19.: Свод I. С. 372/373).

109 Свод I. С. 278/279 (Иоанн Эфесский), 322/323 (Менандр. Fr. 63); Свод II. С. 14/15, 30/31 (Феофилакт Симокатга — 1.7:5-6; VII. 2: 2 — 4).

110 Маврикий специально инструктировал войска, чтобы они находились в славянских землях, «когда лес покрыт листвой» — это содействовало бы бегству от славян пленников: Maur. Strat. XL 4: 36.: Свод I. С. 376/377.

111 Maur. Strat. XI. 4: 4.: Свод I. С. 368/369.

112 Maur. Strat. XI. 4: 31.: Свод I. С. 374/375.

113 Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 13.: Свод II. С. 22/23.

114 Maur. Strat. IX. 3: 1.: Свод I. С. 368/369.

115 Maur. Strat. XI. 4: 12.: Свод I. С. 370/371.

116 Maur. Strat. XI. 4: 30.: Свод I. С. 374/375.

117 Maur. Strat. XI. 4: 14.: Свод I. С. 371- 374. Ср. еще характеристику словен у Иоанна Эфесского как «народа лживого» (Свод I. С. 278/279).

118 Maur. Strat. XL 4: 30.: Свод I. С. 374/375.

119 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 1.: Свод II. С. 22/23.

120 Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 5.: Свод I. С. 20/21: Benedicty R. Auf die fruhsлавische Gesellschaft beziigliche byzantische Terminologie.// Actes du XII Congres International des etudes Byzantines. Vol. 2. Beograd, 1964. P. 55.

121 Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 10.: Свод II. С. 40/41; Литаврин 2001. С. 521. Г. Г. Литаврин обратил также внимание на упоминание термина — во мно-жественном числе в одном из списков «Чудес святого Димитрия» (Литаврин 2001. С. 520).

122 Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 13; 5: 4.: Свод II. С. 34/35.

123 Свод II. С. 98/99 («Чудеса св. Димитрия Солунского»).

124 Свод II. С. 98 — 101. Ср.: С. 185 (Прим. 10).

125 Maur. Strat. XI. 4: 39.: Свод I. С. 376/377.

126 ЭССЯ. Вып. 8. М., 1981. С. 193 — 194. Любопытно, что в старочешском развилось значение «разбойник».

127 Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10 — 16.: Свод II. С. 14 17. А. Коллауи полагал, что Феофилакт идеализировал образ жизни северных славян, отождествив их для себя с блаженными гипербореями античных мифов (Kollautz A. Die Idealisierung der Slawen bei Theophylakt als Beispiel seiner ethnographischen Darstellungsweise.// Rapports du III Congres International d'Arheologie slave. Vol. 2. Bratislava, 1980).

128 Кухаренко 1969. С. 125; Donat 1975. S. 113 125; Седов 1995. С. 47.

129 Седов 1995. С. 45-46.

130 Седов 1995. С. 46 (шпора VI в. в Бониково — наиболее ранний пример).

131 Седов 1995. С. 43.

132 Кухаренко 1969. С. 125; Седов 1995. С. 12.41-43.

133 Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 15.: Свод II. С. 16/17.

134 Седов/ 1995. С. 44-46.

135 Показательно, что один из типов керамики кривичей ранее рассматривался как близкий к пражскому (Седов 1982. С. 51), ныне же В. В. Седов сближает его с суковско-дзедзицким (Седов 1995. С. 213; Седов 2002. С. 359).

136 См.: Кухаренко 1969. С. 125; Седов 1995. С. 43; данные о типах корчак-ской посуде см.: Седов 1982. С. 10 — 12.

137 Седов 1995. С. 43.

138 Нидерле 2001. С. 201, 224. С этими обычаями феодальные владельцы и проповедники христианства боролись вплоть до XIV в.

139 Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10, 15.: Свод II. С. 14 — 17.

140 Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 12.: Свод II. С. 16/17. Феофан толкует их уже как «таксиархов» (воевод?) (Свод II. С. 254/255).

141 Седов 1995. С. 43. Само их возникновение следует связывать, вероятно, с велетскими завоевательными войнами, речь о которых пойдет в следующей главе.

142 Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 12 — 13.: Свод II. С. 16/17. О кладах см.: Куха-ренко 1969. С. 124; Herrman J. Bysanz und die Slawen «am aussersten Ende des westlichen OzeanzV/ Klio. Bd. 54. Berlin, 1972. S. 317 — 318).

143 Maur. Strat. XI. 4: 11.: Свод I. С. 370/371.

144 Свод 1. С. 278/279 («не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лохиндиев, а именно это — метательные копья»).

145 Maur. Strat. XI. 4: 11.: Свод I. С. 370/371.

146 Об этом свидетельствует Иоанн Эфесский (Свод 1. С. 278/279).

147 Добрыта в изложении греческого историка говорит: «... пока существуют войны и мечи» (Свод 1. С. 320/321). Б. Крекич и М. Томич (комментаторы фундаментального югославского издания «Византийские источники по истории народов Югославии») придают известию Менандра исключительное, как представляется, весьма преувеличенное значение. Меч становится в их интерпретации «основным» оружием славян. См.: Византиски извори на НСТорНЈу народа Југослаеје. Т. 1. Београд, 1955. С. 92. В качестве контраргумента И. А. Левинская и С. Р. Тохтасьев, работавшие с текстом Менандра в отечественном «Своде древнейших письменных известий о славянах», указывают, помимо известий других источников, на несомненную вымышленность речи. «Войны и мечи», согласно их толкованию, синонимическая пара, употребленная как чистая метафора. См.: Свод 1. С. 350 — 351. Главным контраргументом все-таки является отсутствие археологических свидетельств. С другой стороны. Менандр адресовался своим современникам, воочию сталкивавшимся со словенами. Если у дунайцев действительно мечи никогда не встречались, то оборот, вложенный в уста их вождю, следует признать крайне неуклюжим и рискованным «украшением» со стороны довольно тонкого стилиста Менандра.

148 ЭССЯ. Вып. 3. С. 55.

149 Это явно и имеет в виду Иоанн Эфесский, сообщая, что славянам наряду с оружием ромеев достались и «табуны лошадей» (Свод I. С. 278/279).

150 Theoph. Sim. Hist. VII. 4: П.: Свод I. С. 34/35.

151 Maur. Strat. XI. 4: 12 — 13.: Свод I. С. 370/371.

152 Maur. Strat. XI. 4: 28.: Свод I. С. 374/375.

153 Свод I. С. 362/363. Очевидно, он относит «антов и склавов» к тем, кто сражается «беспорядочно, рассеявшись, бесчинно, безначально».

154 Maur. Strat. XI. 4: 8, 13, 24, 33, 39.: Свод I. С. 369 — 377.

155 Maur. Strat. XI. 4: 10.: Свод I. С. 370/371.

156 ЧСД, 13.: Свод II. С. 113.

157 Maur. Strat. XI. 4: 10.: Свод I. С. 370/371.

158 Theoph. Sim. Hist. VI. 3: 9-4: 5.: Свод II. С. 16 — 19.

159 См.: Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 5 — 6,11 — 12.: Свод II. С. 22/23, 24/25.

160 Agath. Hist. 21.: Агафий 1996. С. 200 — 201.

161 ЧСД, 145.: Свод И. С. 114/115.

162 Свод II. С. 84/85 (Феодор Синкелл).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1 Федоров — Полевой 1973. С. 293 — 294.

2 Федоров — Полевой 1973. С. 258.

3 Менандр пишет, что к 578 г. «издавна ромеи опустошались славянами», вследствие чего те обогащались (Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321). Ед-ва ли те «мириады» пленников, о которых он говорит далее (Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 322/323), были захвачены только до 551 г., даже если учиты-вать нашествия 559 и 578 гг.

4 Федоров — Полевой 1973. С. 297.

5 Он упоминал Добряту ранее фр. 48 (Свод I. С. 348. Прим. 61).

6 См. подробное изложение событий: Артамонов 2002. С. 156 — 157.

7 Менандр относит нашествие к четвертому году правления Тиверия в качестве кесаря, начавшемуся 7 декабря 577 г. (Fr. 47.: Свод I. С. 318/319, 340). Продолжалась война, как можно судить, не один месяц, но завершилась еще до лета 578 и восшествия на Тиверия на императорский престол осенью походом авар за Дунай. Некоторые исследователи (Максимович Л. О хронологии словенски упада на византийку територију Крајем седамдесетих и почетком осамдесетих година VI в.// Зборник радова Византолошког Института. Београд, 1964. Т. 8. Кн. 2. С. 267; Гимбутас 2003. С.124 — 125; Литаврин 2001. С. 561) сочли возможным датировать поход Баяна на словен началом собственного царствования Тиверия, то есть 578 — 579 гг. Однако, как справедливо указали И. А. Левинская и С. Р. Тохтасьев, это исключается, в первую очередь, прямым указанием на Тиверия как на кесаря в тексте фрагмента 48 (Свод I. С. 320/321, 344). Следует отметить, что начало славянского нашествия Л. Максимович все равно отнес к зиме 577/578 г. (Максимович 1964. С. 264 — 267). Испанский хронист Ио-анн Бикларский (Свод I. С. 396) датировал вторжение словен во Фракию 8 годом правления вестготского короля Леовигильда (576 г.). Но Иоанн датирует события по годам правления не только испанских королей, но и ромейских императоров. Очевидно, что для «восточных» событий» определяющей является именно эта датировка. Нашествие отнесено им к десятому году Юстина, по видимости 574/5 (или 576/7 — Иоанн унаследовал ошибочную дату восшествия Юстина на престол от Виктора Тонненского — Свод I. С. 394). Однако, 10 год, по ошибочному мнению Иоанна, — последний год правления Юстина. Ясно, что, сводя информацию воедино, Иоанн вынужден был сгруппировать под ним все события до смерти Юстина и официального воцарения Тиверия — до осени 578 г. Таким образом, и он свидетельствует о том же самом славянском нашествии.

8 Men. Hist. Fr. 47.: Свод I. С. 318/319.

9 Men. Hist. Fr. 47.: Свод I. С. 318/319; Io. Vid. A. 576.: Свод I. С. 396.

10 Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 318/319.

11 Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 318 -321.

12 Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321.

13 Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321.

14 Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 321/323.

15 Тиверий отказался от титула «Антский», позднее, в 582 г., когда Империя вновь воевала с аварами, восстановленную Маврикием (Свод I. С. 262). Ради заключения явно нового союза с антами в 580-х гг. Империи пришлось «подкупать» их (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца и Бар-Эбрея — Свод I. С. 284 — 286).

16 Это год свиньи (протоболг. дохе) по двенадцатилетнему дальневосточному циклу. Годом свиньи датировано восшествие «Гостуна наместника» в «Именнике болгарских князей» (Именик 1981. С. 11). Проблема хронологии «Именника» более чем сложна, и указанная датировка не может считаться безусловной (см. указанное издание). Тем не менее, использование двенадцатилетнего цикла у древних болгар сейчас уже не вызывает сомнений. Датировке 60-летнего правления преемника Гостуна, Куврата (Курта) по начало 640-х гг. едва ли можно предложить уверенную альтернативу. Преемник или второй преемник Куврата, хорошо известный Аспарух, так же предводительствовал 60 лет — до рубежа VII/VIII вв. С учетом дат двенадцатилетнего цикла, датировем правление Гостуна 579 — 581 гг. Использование болгарам особого, отличного от китайского и тюркютского счета лет (например, чисто «лунного» года) ничем не доказывается. Не вполне ясно значение числовых определителей рядом с «животными» названиями годов в «Именнике». Обычно они толкуются как месяцы восшествия на престол. Но в дальневосточных традициях это номера годов по пересекающемуся с двенадцатилетним десятилетнему циклу. В первой части «Именника» (до Аспаруха) при сроке правления, кратном 10, «номера» при годах восшествия на престол правителя и его преемника совпадают. Что касается второй, балканской части, то здесь видим сбой и в двенадцати-летнем цикле. Не исключено, что ее в VIII в. составлял уже плохо разбившийся в древнеболгарской хронологии автор. К тому же в перечне балканских ханов есть явные подчистки — вычеркнут, например, свергнутый хан Сабин.

17 Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 322/323.

18 Об имени см.: Свод II. С. 45 — 46.

19 Феофилакт вводит Ардагаста в повествование без всяких пояснений, возможно, как лицо, упоминавшееся у предшественника (Менандра) — Theoph. Sim. Hist. I. 7: 5.: Свод II. С. 14/15.

20 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 1 6.: Свод II. С. 22/23.

21 Преемник (наследник?) Радогоста на Дунае, Пирогост, именуется лишь «филархом» и «таксиархом» (Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 13; 5: 4.: Свод II. С. 34/35). «Мусокий» недвусмысленно именуется «риксом» в отличие от Радогоста (Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 1.: Свод II. С. 22/23).

22 Об аварских грабежах во Фракии в последний год Юстина и первый год Тиверия (578 — 579) сообщает Иоанн Бикларский (Свод I. С. 397). Сведения об осаде столицы «со стороны Длинной стены», скорее всего, преувеличены или относятся к упомянутым далее военным действиям 3 года Тиверия (т. е. 580/581).

23 Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 322 — 325.

24 Война началась, когда аварские послы еще были в Константинополе (Men. Hist. Fr. 64.: Свод I. С. 323 — 326). Иоанн Эфесский относит начало нашествия к третьему году царствования Тиверия после смерти Юстина (Свод I. С. 278/279). Год этот начался в начале октября 580 г. Тем же годом Иоанн Эфесский датировал возведение моста и падение Сирмия. Л. Нидерле по недоразумению связал с этим нашествием сообщение Иоанна Бикларского о войне с аварами в третий год Тиверия, то есть о Сирмийской войне (Свод I. С. 396, 398; Нидерле 2001. С. 91). О славянском нашествии Иоанн Бикларский сообщил под небывалым пятым годом Тиверия (умершего в 582 г. на четвертом году правления), очевидно, отмечая его кульминацию (Свод I. С. 396).

25 Men. Hist. Fr. 64.: Свод I. С. 326/327. Иоанн Эфесский говорит сперва об Элладе и Фессалониках и лишь затем о Фракии (Свод I. С. 278/279). Иоанн Бикларский называет

Иллирик раньше Фракии (Свод I. С. 396).

26 Свод I. С. 278/279 (Иоанн Эфесский).

27 Men. Hist. Fr. 64.: Свод I. С. 324 — 327.

28 Именик 1981. С. II. Куврат (Курт) взошел на престол в год быка (прото-болг. шегор) после двух лет правления Гостуна. Это соответствует 581 г. Вероятно, он был законным правителем болгар-оногур. Никифор, говоря о событиях 630-х гг., без пояснений называет Ку врата племянником некоею Органа (Ур-хана?), ближе неизвестного. Может быть, Органа упоминал кто-то из предшественников Никифора либо его источник. О нем говорит еще коптский историк Иоанн Никиусский (Чичуров 1980. С. 161. 175). Идентификации Органа с претендентом на власть у тюрков в VII в. Мохэду или тем более с Гостуном, отмеченные в науке, представляются некоторым насилием над реальными данными источников. Молодой возраст Куврата в момент восшествия на престол доказывается длительностью его правления — 60 лет.

29 Свод I. С. 398 (Иоанн Бикларский).

30 Свод I. С.278/279. Т. Олайош толкует как «Фессалию» (Олайош Т. К вопросу об истории заселения балканских земель славянами.// Oikoumene. Budapest, 1976. Vol. 1. P. 244 245).

31 Чудо 12 (Свод II. С. 96 101). О датировке см.: Свод II. С. 182 (Прим. 3). По большому счету, нет оснований думать, что в главах 12-15 «Чудес» нарушена хронологическая последовательность. А значит, нападение «вар-варов», описанное в 12 главе, произошло ранее большой осады, которую мы склонны датировать 586 г. В связи с этой осадой Иоанн пишет: «нико-гда тик близко не видели осаждающих врагов, и многим был незнаком да-же вид их, кроме тех, кто был зачислен в воинские отряды, и тех, кто при-вык как-либо выступать против них с оружием далеко от города» (Свод II. С. 106/107; курсив наш). Итак, не только воины гарнизона, но и некоторые из горожан уже не раз имели дело со словенами, и в 586 г. те лишь впервые подступили к юроду вплотную.

32 Свод II. С. 96-101.

33 Свод I.С. 278/279.

34 У Иоанна Бикларского «пятый год» (также последний) — Свод I. С. 398.

35 Свод I. С. 278/279 (Иоанн Эфесский), 398 (Иоанн Бикларский).

36 Падение крепости относится примерно к концу VI в. (Федоров — Поле-вой 1973. С. 221). В письменных источниках о нем не говорится.

37 Свод I. С. 278/279.

38 Седов 1995. С. 157, 162.

39 Седов 1995. С. 162.

40 Седов 1995. С. 157, 160, 162.

41 Седов 1995. С. 162.

42 Об этом прямо пишет Иоанн Эфесский: «благодаря тому, что царь [Мав-рикий] был занят персидской войной и все свои войска посылал на восток» — Свод I.С. 278/279.

43 Точная датировка из «Хронографии» Феофана, которая здесь не зависит от Феофилакта Симокагты, нашего основного источника сведений об аваро-ромейских войнах времен Маврикия. Войны 583 — 586 гг. описаны Феофилактом: Theoph. Sim. Hist. I. 3 — 8. См. перевод С. П. Кондратьева: Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 12-21. Относительно хроно-логии аваро-славянских вторжений существуют разные версии (Kollautz A., Miyakawa H. *Gechichte und Kultur eines Wanderungszeitlichen Nomadenvolkes*. Bd. 1. Klagenfurt, 1970; Olajos Th. *Les sources de Theophylacte Simocatta Historien*. Leiden, 1988; Whitby M. *The emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan warfare*. Oxford, 1988). Представляется, что хронология должна основываться на свидетельствах Феофилакта с учетом Феофановой, даты; свидетельства других источников и тем более те свидетельства Феофана, которые всецело вос-ходят к Феофилакту, но иначе датированы, должны привлекаться уже после установления общей канвы. По Феофилакту, мир с аварами был заключен перед вступлением Маврикия на престол (лето 582 г.) и продержался «не больше двух лет» (больше одного года?). В мае 583 г., как мы помним, произошел разрыв отношений, и «летом», в пору сбора урожая (в конце лета - начале осени 583 г.) каган напал на Сингидун. Спустя три месяца то ли после начала войны, то ли после взятия Анхиала (в конце 583 или в первых месяцах 584 г.) имели место неудачные переговоры с каганом послов Элпидия и Коментиола. «На следующий год» второму посольству Элпидия удалось добиться мира — неясно, еще в 584 или уже в начале 585. Войну со словенами Радогоста (Свод II. С. 12 — 15) следует, видимо, датировать летом — осенью 585 г. (Olajos 1988. P. 168). Это самый слабый элемент хронологии, но представляется, что дата достаточно четко определяется дальнейшими указаниями на времена года. Той же осенью (585 г.) вновь стали обостряться отношения с аварами. Посольство кагана (тогда же? весной 586?) было задержано на полгода, и в 586 г. авары вновь вторглись в Империю. Кампания 587 г., в которой ромейскими войсками командовал Коментиол, уже вполне точно датирована синхронными событиями Персидской войны и подробно описана Феофилактом (II. 10: 8 — 17: 13). События, известные из иных источников, теперь сравнительно легко рас-пределяются по годам. Так, не вызывает сомнений, что Евагрий под двумя вторжениями авар до Длинных Стен (Euagr. Hist. Eccl. VI. 10: 21; ср.: Свод I. С. 287, 342) имеет в виду войны 583-584 гг. (когда были захвачены на-званные им Сингидун и Анхиал) и 586 — 587 гг. Столь же очевидно, что Иоанн Эфесский в изложении Михаила Сирийца (Свод I. С. 284/285) и Бар-Эбрея (Свод I. С. 286/287) описывает первую из этих войн — он прямо говорит о взятии Анхиала (см.: Пигулевская Н. В. Сирийская средневеко-вая историография. М., 2000. С. 315 — 316, где для 582 — 583 гг. дан расчет, с которым в целом совпал и наш). Наконец, хорошо встраивается сюда и осада Фессалоник словенами в сентябре 586 г. (ЧСД, гл. 8, 13 — 15.: Свод II. С. 102 — 125). Неудачное посольство кагана, о котором Иоанн, автор Первого собрания «Чудес», сообщил вначале, — то же, что и задержанное посольство у Феофилакта. Для второй возможной даты событий из ЧСД — 597 г., таких четких параллелей не находим, потому присоединяемся к точке зрения исследователей, датировавших осаду 586 г. Ф. Баришича (Баришич И Ф. Чуда Димитрја Солунског као историски извор. Београд, 1953. С. 57 — 67), П. Лемерля (Lemerl 1981. P. 69 — 73), О. В. Ивановой (СводП. С. 186-187) и др.

44 Свод 1. С. 284 — 287 (Иоанн Эфесский).

45 Об этом прямо юворит Иоанн Эфесский применительно к словенам и, что примечательно, лангобардам — «они также были в подчинении у хагана, царя авар» (Михаил Сириец: Свод I. С. 284/285); «они пришли в подчинение к хакану» (Бар-Эбрей: Свод I. С. 286/287). Ему вторит Иоанн из Фессалоник («весь народ был ему тогда подвластен» — ЧСД, 117.: Свод II. С. 102/103).

46 Theoph. Sim. Hist. VI. 3: 9.: Свод II. С. 16/17 (словене в окрестностях Сингидона); VI. 11:6.: Свод II. С. 28/29 (какие-то придунайские племена, скорее в низовьях).

47 Theoph. Sim. Hist. VI. II: 17.: Свод II. С. 28/29 (однозначно имеются в виду дунайцы Радогоста). Но ср. VII. 15: 14 (Свод II. С. 38/39) — при юридическом оформлении отношений с ромеями каган четко отделяет ниже-дунайских словен от авар. Как представляется, недаром в первом отрывке каган еще именует себя «владыкой всякого народа» (VI. 11: 8.: Свод II. С. 28/29).

48 «Аварские» наконечники стрел найдены в Сэрата-Монтеору (Федоров — Полевой 1973. С. 296). Славянские и аварские захоронения на землях каганата и в Греции с трудом могут быть различены; у славян здесь также преобладают труположения (ср.: Седов 1995. С. 109 след., 158 — 159). Наконец, поздние, X в., греческие авторы (Монемвасийская хроника, Константин Багрянородный) уже прямо отождествляют авар и словен в Греции и Далмации Свод II. 328/329; Константин Багрянородный 1991. С. 110/111.

49 Theoph. Sim. Hist. I. 4: 1 — 4.: Феофилакт 1996. С. 14; Свод I. С. 284 — 287 (Иоанн Эфесский). Иоанн пишет о взятии объединенным войском трех народов «двух городов» еще до Анхиала. Он имеет в виду, конечно, Сингидун и Виминакий — наиболее серьезные успехи кагана. То же нашествие имеет в виду Евагрий (Euagr. Hist. Eccl. VI. 10: 21.: Свод I. С. 342), — но не отделяет его от событий 586 — 587 гг., характеризую ситуацию в целом.

50 Об этом сообщает Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца: Свод I. С. 284/285.

51 Седов 1995. С. 129, 131.

52 Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца). Взятие Ко-ринфа произошло между вторжением в Мезию и взятием Анхиала. О бег-стве жителей на Эгину сообщает Монеувасийская хроника: Свод II. С. 328/329. Об археологических свидетельствах см.: Седов 1995. С. 166. Еваг-рий (Euagr. Hist. Eccl. VI. 10: 21.: Свод I. С. 342) пишет в единой связке о захвате «Сингидуна, Анхиала и всей Эллады». Но поскольку он в целом повествует о событиях 583 — 584 и 586 — 587 гг., нет уверенности, что он имеет в виду именно коринфский поход, а не сокрушительное вторжение словен и авар на Пелопонесс в 587 г.

53 Седов 1995. С. 159, 160, 166. Мнение о возвращении Коринфа Империей уже к 587 г. высказали А. Коллауц и Х. Миякава (Kollautz — Miyakawa 1970. S. 284 285). Но это, скорее всего, ошибка. Монеувасийская хроника, на которую в этой связи ссылаются, ясно, говорит о бегстве коринфян в 580-е гг. на Эгину и о наличии власти Империи «от Коринфа до Малей» к рубежу VIII/IX в., но не ранее. Сообщает хроника, кстати, и о бегстве жи-телей Аргоса (также восточный Пелопонесс) (Свод II. С. 328/329). Восточная часть Пелопонесса была гораздо больше разорена в конце VI в., чем западная (Седов 1995. С. 166). Одно это указывает на невозможность интерпретировать сведения хроники о ее «свободе от славян» как относящие-ся ко времени нашествия.

54 Основание Монеувасии спартанцами Монеувасийская хроника относит, кажется, к 587 г., но к тому же времени там относится и бегство коринфян (Свод II. С. 328/329). Поздняя (XVII в.) греческая «малая хроника» позволяет отнести заселение крепости к 582/3 г. (Свод II. С. 338). Наконец, пат-риарх Николай III и вслед за ним Исидор прямо связывают бегство из Спарты с падением Коринфа под ударом «оногуров» (Свод II. С. 340). О времени реального основания Монеувасии см.: Kalligas H. A. Byzantine Monemvasia. The sources. Monemvasia, 1990. P. 23 — 38.

55 Свод I. С. 262. Титул упоминается еще в императорском письме 584 г.

56 Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца). Ср.: Свод I. С. 286/287

(Бар-Эбрей). Иоанн Эфесский помещает разоренную антами страну словен «на запад от реки, называемой Данубис». Считать эту область реально «западной», допустим, Паннонией было бы по меньшей мере странно — откуда тогда выступили анты? Представляется, что Иоанн, сириец, живший в Малой Азии и Константинополе, оценивал как «западные» все земли на запад от дельты Дуная. Для человека средневековья стороны света определялись не столько показаниями компаса, сколько направлением движения в соответствующую страну. Северо-запад, да и просто север от «западной» реки легко превращались в «запад».

57 Иоанн Эфесский (Свод I. С. 284/285, 286/287) следует в своем изложении за словенами, Феофилакт (1996. С. 14 — 15) — за главными силами кагана. Объединить все действия «варваров» попытался в своей краткой суммарной характеристике лишь Евагрий Схоластик.

58 Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца); Theoph. Sim. Hist. I. 4: 4.: Феофилакт 1996. С. 15.

59 Theoph. Sim. Hist. I. 4: 4 — 5.: Феофилакт 1996. С. 15.

60 Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца).

61 Theoph. Sim. Hist. I. 4: 6 — 6: 3.: Феофилакт 1996. С. 15 - 18.

62 Свод I. С. 278/279.

63 Theoph. Sim. Hist. I. 6: 4 — 6.: Феофилакт 1996. С. 18 — 19.

64 Приток славян в будущую Карантанию с востока относится примерно к 580-м гг. (Grafenauer 1978. С. 298 — 312). К середине 590-х гг. альпийские словене уже зависели от кагана (Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 10.: Свод II. С. 484/485). Ср.: Седов 1995. С. 274 — 276.

65 Slovenska ljudska pripoved. Ljubjana, 1966. S. 42. Упоминается о неудачных попытках поселиться на «берегу Черного моря», в Польше, в Германии. Все это, видимо, отражает не реальные факты, а географические и климатические познания сказителя.

66 Slovenska ljudska pripoved. S. 29 30 (предания «Пес Марко» и «Аттила»); см. также примечания к текстам S. 112). Предания об Аттиле изначально, вероятно, принадлежали не славянскому, а местному романскому фольклорному фонду.

67 Седов 1995. С. 275 — 276. Возможно, со словенцами здесь смешивались и авары (в одном из захоронений конца VI в. найдены стрелы, что характерно для кочевников).

68 Известно о гепиде-христианине, жившем в племени Мусокия (Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 13.: Свод II. С. 22/23).

69 Седов 1995. С. 166.

70 Theoph. Sim. Hist. I. 7.: Свод II. С. 12 — 15. Феофан (Свод II. С. 254/255) всецело зависит здесь от Феофилакта, вкратце повторяя сведения источника.

71 Theoph. Sim. Hist. I. 7: 1 — 3.: Свод II. С. 12/13.

72 Theoph. Sim. Hist. I. 7: 3 — 4.: Свод II. С. 12 — 15.

73 Theoph. Sim. Hist. I. 7: 5-6.: Свод II. С. 14/15.

74 Theoph. Sim. Hist. I. 8.: Феофилакт 1996. С. 20 — 21.

75 ЧСД, 117.: Свод II. С. 102/103.

76 ЧСД, 117-118, 126.: Свод II. С. 102 — 105, 106 109. По оценке Иоанна, это было «самое большое войско, какое можно видеть в наши времена». Однако агиограф Иоанн, не в пример историку Менандру, писавшему о нашествии 577 г., с долей скепсиса отнесся к цифре в 100000 воинов («по-стичь истину было нельзя, мнения видевших разделились»). Он предпочитает просто подчеркивать численное превосходство врага («если кто-либо представил бы себе не только всех македонцев, но и фессалийцев и ахейцев собранными тогда вместе в Фессалонике, то не получилось бы и ничтожнейшей части тех, кто окружил город снаружи»). Впрочем, огромная численность нападавших подтверждается характером использовавшихся ими осадных орудий — для их быстрого (не более суток) строительства и использования требовалась не одна тысяча человек; использовались же орудия по всей протяженности стен Фессалоники.

77 ЧСД, 125, 136.: Свод II. С. 106/107, 110/111.

78 ЧСД, 118.: Свод П. С. 104/105.

79 ЧСД, 1 19, 121.: СводН. С. 104/105

80 ЧСД, 120 — 121, 136.: Свод II. С. 104- 107, 110/111. Иоанн полагает, что неизвестным воином был сам святой Димитрий Солунский; на стенах же в виду горожан появились «неизвестные воины, и притом такие, каких никто в городе никогда не видел».

81 ЧСД, 124, 127- 128.: Свод II. С. 106/107, 108/109.

82 ЧСД, 122- 124, 137.: Свод II. С. 106/107, 110-113.

83 ЧСД, 138.: Свод II. С. I 12/113.

84 ЧСД, 139, 146, 151.: Свод II. С. 112/113. 114/115, 116-119.

85 ЧСД, 138, 139.: Свод II. С. 112/113.

86 ЧСД, 138, 139, 145 — 146.: Свод II. С. 112/113, 114/115

87 ЧСД, 137, 139.: Свод II. С. 112/113. О раздельном использовании прови-анта можно сделать вывод из упоминания, что позже осаждавшие «граби-ли друг друга» (ЧСД, 158. 160.: Свод II. С. 120/121, 122/123).

88 ЧСД, 136, 143.: Свод II. С. 110/111, 112-115.

89 ЧСД, 147 — 148.: Свод II. С. 114 — 117.

90 ЧСД. 154.: Свод II. С. 120/121.

91 ЧСД, 151, 153.: Свод II. С. 118/119.

92:ЧСД, 151-153.: Свод II. С. 118-121.

93 ЧСД, 155.: Свод II. С. 120-121. Об идентификации упомянутых Иоанном «Иноратских» ворот см.: Свод II. С. 190. Прим. 64.

94 ЧСД, 163.: Свод II. С. 122/123.

95 ЧСД, 69, 137.: Свод II. С. 112/113,124/125.

96 ЧСД, 157.: Свод II. С. 120/121.

97«ЧСД, 157.: Свод II. С. 120/121.

98 ЧСД, 157.: Свод II. С. 120/121.

99 ЧСД, 159- 160.: Свод II. С. 120-123.

100 ЧСД, 161.: Свод II. С. 122/123. Так изображали Димитрия Солунского.

101 ЧСД, 163.: Свод II. С. 122/123.

102 ЧСД, 69.: Свод II. С. 124/125.

103 См.: Седов 1995. С. 339.

104 Евагрий (Свод I. С. 342) приписывает разорение «всей Эллады» в 583 — 584 или 586 — 587 гг. аварам, но его очерк событий предельно обобщен. В Монеувасийской хронике вторжение в Элладу описывается как «второе вторжение» аварского кагана, а Пелопонесс захватывают «авары». Но далее авары внезапно превращаются в славян (Свод I. С. 328/329). Наконец, в «Схолии Арефы», который использовал близкие с Монеувасийской хро-никой источники, захватчики именуются только славянами, а об

аварах нет ни слова (Свод II. С. 348/347). Константин Багрянородный, рассказывая о борьбе со славянами Пелопонесса в трактате «Об управлении Империей», также вообще не упоминает авар.

105 Свод II. С. 328/329 (Монемвасийская хроника), 346/347 (Схолия Арефы); Гимбутас 2003. С. 126; Седов 1995. С. 165 (археологическими под-тверждениями нашествия служат массовые опустошения в названных об-ластях).

106 Монемвасийская хроника и Арефа датируют захват Пелопонесса шес-тым годом Маврикия (14 августа 587 — 14 августа 588 г.) (Свод II. С. 328/329, 346/347). Монемвасийская хроника при этом справедливо уточня-ет — 6096 г. от сотворения мира (1 сентября 587 — 31 августа 588 г.). Патри-арх Николай III (XI в.), называя тот же срок владычества иноплеменников на Пелопонессе (218 лет), ошибочно датировал его начало 589 г. (Нидерле 2001. С. 60).

107 Свод II. С. 328/329. Идентификацию с нынешним островом Рови см.: Kresten O. Zur Fxhtheit des Kaisers Nikephoros 1 fur Patras.// Romische historische Mitteilungen. Rom — Wien, 1977. Hf. 19. S. 49 — 50. X. Каллигас полагает, что Аргос пал лишь во второй половине VII в., когда в нем пре-кратилась жизнь эллинов (Kalligas 1990. P. 29). Но славяне могли захваты-вать город и дважды.

108 Свод II. С. 328/329, 346/347. Некоторые исследователи предполагают, что Патры вообще не захватывались словенами (Kresten 1977. S. 52; Свод II. С. 336. Прим. 11). Основания — свидетельство Константина Багрянород-ного о большой роли Патр как опорного пункта Империи в начале IX в. (Константин Багрянородный 1991. С. 216/217). Это действительно, проти-воречит известиям местных хроник о восстановлении Патр лишь после по-беды над славянами в указанное время. По Константину, та война началась как раз с осады Патр. Но все это имеет отношение к истории начала IX, а не конца VI в. По большому счету, нет оснований датировать «выселение» Патр (сколько бы оно не продолжалось на самом деле) иначе, чем порой словенского нашествия 587 — 588 гг. Нет оснований отрицать и временный захват города словенами. В целом, впрочем, западная часть Пелопонесса не пострадала (Седов 1995. С. 166). Словене пришли сюда позже и, види-мо, относительно мирно (находки в Олимпии и Керкыре, относящиеся к VII в. — Седов 1995. С. 158 — 159, 162).

109 Свод II. С. 328/329. См. также: Седов 1995. С. 166. Известие о падении Аргоса и

археологические данные противоречат утверждению местных хронистов о сохранении Империей «восточной части Пелопонесса от Ко-ринфа до Малеи» — если относить это утверждение к концу VI, а не к началу IX в.

110 Свод П. С. 328/329 («напав... на Пелопонесс, они овладели им силой и, отбросив и унизив благородные эллинские народы, поселились на нем са-ми»), 346/347 («изгнали и унизили природные эллинские племена, а сами поселились»). Еще более сгустил краски патриарх Николай III (218 лет здесь «ни один ромей не смел появляться» — Нидерле 2001. С. 60, 91).

111 Не считая раннего (из древнегреческого) заимствования *medb, в вышедших томах ЭССЯ отмечены два относительно бесспорных, и притом общеславянских заимствования: *bolenъ “вид рыбы” (от греч. “кит” — ЭС-СЯ. Вып. 2. С. 172). *kadb “кадь” (ЭССЯ. Вып. 9. С. 112-113). К ним можно гипотетически добавить еще одно: *sebrъ “чабрец” (ЭССЯ. Вып. 4. С. 101 102). Наконец, слово *nedel`a “воскресенье” — калька с греческого слова со значением “нерабочий день” (ЭССЯ. Вып. 24. С. С. 115 — 117). Даже при известной неполноте выборки ясен случайный и редкий характер заимствований. Их число несопоставимо даже с числом заимствований из кочевнических языков (иранских и тюркских), не говоря уже о языках германских и романских. Что касается славянских заимствований в новогреческих диалектах (Малингудис Ф. За материалната култура на раннославянските племена в Гърция. // Исторически преглед. Т. XLI. Кн. 9-10. Со-фия, 1985. С. 64- 71; Malingoudis Ph. Fruhc slawische Elemente im Namensgut Griechenland // Die Volker Siidosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. Miinchen, 1987. S. 53 — 65), то они связаны с ассимиляцией славян греками начиная с IX в., когда на Пелопонессе установился относительный мир.

112 Константин Багрянородный 1991. С. 224/225, 440 — 441 (примечания Г. Г. Литаврина).

113 Свод П. С. 328/329. Иногда подозревают славянское происхождение эт-нонима «цаконы» (См. примечания Г. Г. Литаврина: Свод II. С. 337 — 338).

114 Ср.: Седов 1995. С. 129, 131, 158-159, 162.

115 Помимо заимствований в новогреческих диалектах, свидетельство тому — мощный пласт славянской топонимики на Пелопонессе (Malingoudis 1987).

116 Об этом свидетельствует состав заимствований в греческий язык (Ма-лингудис 1985).

117 Свод II. С. 328/329,

118 Константин Багрянородный 1991. С. 220/221.

119 Таких имен известно немало, некоторые (Милеш, Миляга, Милик. Миливой, Миляй, *MilbCb) со смягченным — л-. Ср. еще белорусскую фамилию «Милевич». См. ЭССЯ. Вып. 19. С. 32 49.

120 Константин Багрянородный 1991. С. 220/221, 435 (Прим. 16).

121 Находка «антской» пальчатой фибулы (Седов 1995. С. 159-160).

122 Константин Багрянородный 1991. С. 220/221; Georgakis D. The Medieval Names Milingi and Ezeritas of Slavic Groups in the Peloponesus.// Byzantinische Zeitschrift. Bd. 49. Munchen, 1950. S. 327 — 330. В IX в. под давлением ромеев езеричи сместились к северу, обосновавшись на труднодоступном восточном склоне Тайгета, тогда как милинги отошли на западный (Константин Багрянородный 1991. С. 220/221).

123 Константин Багрянородный 1991. С. 224/225.

124 Константин определяет положение Майны именно относительно Эзера, употребляя при этом славянское название: «у грани Малей, по ту сторону Эзера по направлению к

приморью» (Константин Багрянородный 1991. С.225).

125 См.: Феофилакт 1996. С. 50 63.

126 Theoph. Sim. Hist. III.4: 7.: Свод II. С. 14/15.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1 По Фоме, в завоевании Далмации участвовали три племени: готы, приведенные ими «лингоны» (они же славяне), хорваты («куреты»), причем последние будто бы уже жили в Далмации и лишь позже смешались с «лингонами» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 35 — 36. 240). Писавший на три столетия ранее Константин Багрянородный говорит о двух враждебных друг другу волнах завоевателей — аваро-славянах («славянские... племена, которые называются также аварами») и хорватах (Константин Багрянородный 1991. С. 110 — 113. 128 — 131, 136/137). Славяне, пришедшие с аварами, несомненно, тождественны «лингонам» Фомы. Позже, с VII в., они действительно смешались с хорватами.

2 Фома Сплитский 1997. С. 35/240.

3 Лингоны — древнее кельтское племя. См.: Фома Сплитский 1997. С. 159 —160 (комментарий О. А. Акимовой). Непосредственным источником для образования формы «лингоны» могло послужить венгерское *lenguen* “лендзяне, поляки” (См.: ЭССЯ. Вып. 15. С. 44). Далмация в XIII в. входила в состав Венгерского королевства. Доказательством участия лендзян во вторжениях авар в Иллирик может служить сербохорватский топоним *ledan* (ЭССЯ. Вып. 15. С. 44).

4 Константин Багрянородный 1991. С. 110/111, 128/129.

5 Константин Багрянородный 1991. С. 110/111, 128/129, 363 (прим. 9).

6 Фома Сплитский 1997. С. 35/240.

7 Константин Багрянородный 1991. С. 110/111, 128/129. В первом случае он даже говорит о «безоружных племенах». Впрочем, другой вариант объясняет это тем, что мужчины в момент нападения ромеев из Клиса «находились в военном походе».

8 По словам славянских послов, которые уже в октябре 590 г. попали в руки ромеев после пребывания в ставке кагана, дорога туда заняла у них пятнадцать месяцев (Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 13.: Свод II. С. 16/17). Аварские послы, пробиравшиеся по неизведанным землям, едва ли потратили на-много меньше времени.

9 Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10 — 16.: Свод II. С. 14 — 17. В науке долго господствовало скептическое отношение ко всей этой истории. Л. Нидерле, к примеру, определил повествование славян как «явную отговорку трех захваченных разведчиков, и к тому же перифразу древних сообщений о гетах» (Нидерле 2001. С. 46). Археологические исследования последних десятилетий, однако, подтвердили факт подкупа поморской знати монетами Маврикия — то есть деньгами, которые каган получал в качестве откупа с ромеев (Herrman 1972). Тот же факт, что племена по Нижней Одре поморяне и брежане — не откликнулись на призыв кагана, можно подтвердить их отсутствием на Балканах, в отличие от ободричей, смолян и стодорян. То, что славянские послы льстили Маврикию и преувеличивали миролюбие своего племени (о чем шла речь выше), не доказывает лживости всего рассказа. По большому счету, есть основания доверять всей канве изложенных фактов.

10 Annales regni Francorum. Hannover, 1895. A. 824.

11 Нидерле 2001. С. 89.

12 Нидерле 2001. С. 75.

13 Седов 1995. С. 51 — 54.

14 Седов 1995. С. 52 — 53 (погребальные памятники неизвестны, что сопоставимо с суковским материалом — венеды разбрасывали останки умерших на поверхности).

15 Седов 1995. С. 52.

16 Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des friihen Mittelalters // Slovenska archeologia. Bratislava, 1978. T. XXVI. S. 19 — 28.

17 Седов 1995. С. 51,54.

18 Седов 1995. С. 52 (карта).

19 Седов 1995. С. 43.

20 Седов 1995. С. 47.

21 Седов 1995. С. 51 — 52,54.

22 Седов 1995. С. 54.

23 Веселовский А. Н. Русские и вильтины в «Саге о Тидреке Бернском». СПб., 1906.

24 Веселовский 1906. С. 134 — 135.

25 Веселовский 1906. С. 136 — 138.

26 Седов 1982. С. 66.

27 См., например: Г. П. Федотов. Стихи духовные. М, 1991. С. 125 — 128; Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981. С. 470 — 471, 479 — 485; Голубиная книга. М, 1991. С. 34 — 48.

28 К этому времени относится его первая запись — «Повесть о царе Волоте Волотовиче» (Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1913. вып. 18. Ч. I. С. 78-81).

29 См., напр.: Федотов 1991. С. 65 след.; Селиванов Ф. М. Русские народ-ные духовные стихи. М, 1993. С. 23; Иванов В. В., Топоров В. Н. Славян-ская мифология.//Славянская мифология. С. 14.

30 Wilzi — латинская форма, смешивающая, видимо, самоназвание «велеты» и славянское слово «волки» (так, возможно, велетов называли враждебные соседи — ободричи). Форма «лютичи» появилась в X в. и несомненно как-то перекликается с традиционным для славянского фольклора образом «лютого зверя» (ср.: ЭССЯ. Вып. 15. С. 225).

31 Основаниями для датировки, как представляется, должны служить указа-ние у Феофилакта на девятый год правления Маврикия (14 августа 590 — 13 августа 591) и на солнечное затмение (5 октября 590). Феофан описы-вает поход к Анхиалу именно под октябрем 590 г. Вместе с тем, Феофилакта можно понять так, что поход произошел после окончания Персидской вой-ны (то есть не ранее осени 591 г.) и, следовательно, после затмения 19 мар-та 592 г. Феофан, в результате, повторяя Феофилакта, дважды на основании разных источников описывает одно и то же предприятие Маврикия. См. о походе: Theoph. Sim. V. 16 — VI. 3.: Феофилакт 1996. С. 156 — 162; Свод II. С. 14 17

(фрагмент о славянах), 47 48 (прим. 24). Ср. также Свод II. С. 254/255 (рассказ о славянах у Феофана).

32 У Феофилакта назван правивший с 596 г. Теодорих. Конечно, прав П. Шрайнер, считающий, что Феофилакт смешал его с отцом — Хильдеббертом (Theophylaktos Simokates. Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 325 — 326). Высказанная немецким исследователем идея о двух франкских посольствах к Маврикию интересна, хотя, как кажется, необязательна. Во всяком случае, нет нужды на базе одного известия о посольстве «Теодориха» ломать всю хронологическую сетку 590-х гг., стягивая под одни даты события явно разных лет, как поступали некоторые исследователи (Labuda G. Chronologic des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves a la fin du VI s.// Byzantinoslavica. Prague, 1950. Vol. 11, № 2; Duket T. A. A study in Byzantine historiography. Boston, 1980. P. 34 — 65).

33 Письмо папы Григория I Великого коринфскому епископу датируется 591 г. См. Свод II. С. 337 (прим. 21).

34 Следуем здесь, как и с анхильским походом, датировке П. Шрайнера (Theophylaktos 1985. S. 326). Вопрос о дальнейшей хронологии Феофилакта чрезвычайно запутан. В науке встречаются разные определения дат, в том числе оригинальная версия Лабуды — Дакета, о которой речь шла выше. Ср. также: Феофилакт 1996. С. 262 след.; Вернадский 2000. С. 199 — 202. Как представляется, расчеты, лежащие в основе датировок П. Шрайнера и С. А. Иванова (Свод II. С. 149 след.) наиболее соответствуют букве источника и немногочисленным параллельным сведениям других авторов.

35 Theoph. Sim. Hist. VI. 3: 9.: Свод II. С. 16/17.

36 «Чего не сделает страх перед поставленными начальниками», — замечает о словенском усердии Феофилакт (Theoph. Sim. Hist. VI. 4: 5.: Свод II. С. 18/19).

37 Theoph. Sim. Hist. VI. 4: 1 — 3.: Свод II. С. 16 — 19.

38 Theoph. Sim. Hist. VI. 4: 4 — 5.: Свод II. С. 18/19.

39 Theoph. Sim. Hist. VI. 4 — 6.: Феофилакт 1996. С. 163 166; Свод II. С. 18/19.

40 Paul. Diac. Hist. Lang IV. 7.: Свод II. С. 482/483. Для франков Тассило оставался «герцогом», но для своих подданных — и для писавшего спустя два столетия лангобарда Павла Диаконы — был королем. Ср.: Свод II. С. 492 — 494.

41 Theoph. Sim. Hist. VI. 6: 2; 7: 1.: Свод II. С. 18/19.

42 О союзе местных славян с дунайцами свидетельствует их нападение на ромеев в ходе последующей кампании (Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 3.: Свод II. С. 20/21)

43 Theoph. Sim. Hist. VI. 6: 2; 7: 1.: Свод II. С. 18/19. События описывает также Феофан (Свод II. С. 256 — 259), всецело следующий здесь Феофилакту.

44 Theoph. Sim. Hist. VI. 6: 7 — 14.: Свод II. С. 18/19; Свод II. С. 256/257 (Феофан). «Геты» — ученое обозначение словен, которое Феофилакт использует и в других местах.

45 Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 1.: Свод II. С. 18/19.

46 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 1,6.: Свод II. С. 22/23. По Феофилакту, ромеи, двигаясь от Доростола, переправились сперва через Иливакий (Яломицу), затем через Паспирий. За Паспирием и располагался лагерь Мусока (Мусокия). Он помещался в «тридцати парасангах» (примерно в 140 км) от Иливакия. Идентификация Паспирия спорна, но указанные расстояния и общее направление похода — на север — скорее всего, говорит о Сирете (См.: Свод II. С. 53). Если расстояние между Иливакием и лагерем указано точно, в чем есть некоторые сомнения, то Мусок сначала стоял станом в глубине Прутско-Сиретского междуречья, и лишь потом придвинулся ближе к Сирету.

47 Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 1 — 4.: Свод II. С. 20/21.

48 Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 5 8: 3, 8.: Свод II. С. 20/21. Татимера часто считают славянином (Феофилакт 1996. С. 263 — «крещеный славянин, пе-решедший на византийскую службу»). Но такие данные отсутствуют в ис-точниках. Имя же «Татимер (Тадимер)» — явно германское (Свод II. С. 51. Прим. 53).

49 Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 9 — 10; 9: 1.: Свод II. С. 20 — 23.

50 Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 9 — 13.: Свод II. С. 20 — 23. Любопытно, что Феофан Исповедник, признавая религиозную мотивацию действий гепида, вместе с тем дает им однозначную этическую характеристику «преда-тельство» (Свод II. С. 256/257).

51 Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 14-9: 4.: Свод II. С. 22/23.

52 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 5 — 6.: Свод II. С. 22/23. У Феофилакта говорится о 30 гребцах, а Феофан вообще сильно сокращает эту историю. Представ-ляется, что «30» — ошибка. Представить наличие двух гребцов в каждой лодке более вероятно, чем одного гребца на пять лодок; к тому же неле-пым выглядит выставление против тридцати спящих словен в дальнейшем ста или тем более двухсот ромеев.

53 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 7 — 12.: Свод II. С. 24/25. Дальнейшая судьба перебежчика-гепида, строго говоря, неизвестна. Однако Феофилакт, кажется, отождествляет его с гепидом, арестованным вскоре в Константинополе. Гепид оказался бывшим императорским гвардейцем, во время анхиальско-го похода 590 г. убившим одного из свитских с целью грабежа. Изобли-ченного убийцу бросили на растерзание зверям, а останки сожгли (Theoph. Sim. Hist. VI. 10: 4 — 17: Феофилакт 1996. С. 176 — 178).

54 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 12 — 13.: Свод II. С. 24/25.

55 Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 14 — 15.: Свод II. С. 24/25.

56 Ср.: Свод II. С. 51. Прим. 54

57 Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 3 — 8.: Свод II. С. 20/21.

58 Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 8.: Свод II. С. 20/2J.

59 Theoph. Sim. Hist. VI. 10: 1.: Свод II. С. 24/25.

60 Theoph. Sim. Hist. VI. 10: 1-3.: Свод II. С. 24 — 27.

61 Theoph. Sim. Hist. VI. 11:2 — 4.: Свод II. С. 26/27.

62 Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 5 — 6.: Свод II. С. 28/29.

63 Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 7 17.: Свод II. С. 28/29.

64 Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 18 — 21.: Свод П. С. 28/29.

65 Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 2, 21.: Свод II. С. 26/27, 28/29.

66 Т. Дакет отождествил Радогоста с оплакивавшимся братом «Мусокия», который, по его мнению, на самом деле остался жив (Duket 1980. P. 344). Как верно отметил С. А. Иванов, «вряд ли данная гипотеза обоснована» (Свод II. С. 54. Прим. 76).

67 У греческих авторов — Peiragastoz,. Об имени см.: Свод II. С. 59. Прим. 121.

68 То, что Пирогост являлся преемником Радогоста, а не просто другим словенским вождем, доказывается не только этим. Ставка его, судя по известию Феофилакта (VII. 4 — 5.: Свод II. С. 32 — 37), находилась в тех же областях между Дунаем, Арджешем и Яломицей, что и ставка Радогоста. Как и Радогост, он не титуловался «риксом», будучи лишь «таксиархом» общим воеводой дунайского племенного союза.

69 Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 2.: Свод II. С. 32/33.

70 Предание об этих распрях сохранилось у Масуди (Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870. С. 138).

71 Theoph. Sim. Hist. VII. 2:15.: Свод II. С. 30/31.

72 Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 2.: Свод II. С. 30/31. Разоренные крепости, видимо, названы у Феофилакта в неверной последовательности («разорив Залдапу, Акис и Скопис»). Акис расположен близ Дуная, а как раз неподалеку от Залдапы ромей столкнулись со словенцами. Исследователи почти единогласно сомневаются в достоверности известия о словенском рейде, точнее о его масштабах. Предполагается, что имеются в виду какие-либо неизвестные нам Акис и Скопис вне Дакии (особенно это касается Скописа Duket 1980. P. 117; Феофилакт 1996. С. 264; Акис как дакийский город упоминался у Феофилакта ранее), иначе — что Феофилакт механически внес в текст перечень городов, подвергшихся разным славянским набегам (The History of Theophylact Simocatta. Oxford, 1986. P. 180; Свод II. С. 56). Считается, что столь масштабные действия одного небольшого отряда невероятны. При этом, как представляется, не учитывается два обстоятельства. Во-первых, первоначальная численность словен нам неизвестна. Под стенами каждой из взятых (а может, и из невзятых) крепостей они оставляли какое-то число соратников. Во-вторых, лишь втрое больший словенский отряд в 550 г. произвел страшное опустошение во Фракии, разгромил пре-восходящую ромейскую армию и

создал угрозу для столичного округа об этом рассказывает Прокопий. В данном случае масштабы и успешность словенских действий гораздо скромнее.

73 Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 1 — 2.: Свод II. С. 28 — 31. Параллельный текст Феофана о походе Петра — Свод II. С. 260 263. Автор «Хронографии», кажется, вновь всецело следует Феофилакту, местами неверно толкуя его текст (так, он растягивает события на два года) и переставляя факты местами. Хронология действий Петра остается спорной. Так, Г. В. Вернадский полагала, что он действительно командовал войсками несколько лет (Вернадский 2000. С. 201). Ср.: Свод II. С. 60. Прим. 127. Как представляется, в таких допущениях нет нужды. Петр не удалялся от Дуная дальше, чем Приск, которому нескольких лет не потребовалось. Действия же его на территории Империи просто не могли занять нескольких лет.

74 Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 2 — 9.: Свод II. С. 30/31.

75 Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 10 — 14.: Свод II. С. 30/31. У Феофилакта речь идет о «местах нахождения славян». Таковые и Феофилактом, и Маврикием Стратегом (Свод I. С. 372/373) всегда помещаются за Дунаем. Но Феофилакт не упоминает ни здесь, ни далее о переправе Петра через Дунай. Видимо, правы М. и Л. Уитби, связывающие это умолчание с явной неблагоприятностью историка к стратигу (The History 1986. P. 185). В «Истории» Петр — невольный злой гений своего талантливой и благочестивой брата, основной виновник его падения. Образ стратига рисуется преимущественно в темных тонах. Феофан, кажется, отнес первую переправу за Дунай ко времени до ранения Петра (Свод II. С. 260/261). К сожалению, в тексте лакуна, и нельзя судить, пользовался ли автор «Хронографии» оригинальными источниками. Во всяком случае, картина, рисуемая Феофилактом, выглядит более или менее логично. Хронология устанавливается на основе упоминания дня святого Луппа (23 августа), проведенного стратегом в Новах (Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 17.: Свод II. С. 32/33).

76 Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 15.: Свод II. С. 30/31. Обрывок текста «Хронографии» Феофана можно понять так, что Петр небезуспешно воевал со славянами. Сохранился лишь конец фразы: «и вернулись, завладев множеством пленных, в ромейские края» (Свод II. С. 260/261). Но нет уверенности, что это не интерпретация каких-то сведений Феофилакта. Предшествующий рассказ обрывается на словах об истреблении словенами пленников. Если далее содержались оригинальные сведения о задунайском походе, то следует предполагать утрату слишком большого фрагмента. Вообще, судя по изменениям в дальнейшем тексте, Феофану просто показалось не логичным, что Маврикий ввиду угрозы отозвал стратига из-за Дуная. Но на самом деле в условиях

децентрализации словен одни могли отбиваться от Петра, а другие — атаковать лимес, что Маврикий прекрасно понимал. Аналогичные опасения попали и в его «Стратегикон» (XI. 4: 21.: Свод I. С. 372/373).

77 Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 16-3: 1.: Свод II. С. 30 — 33.

78 Theoph. Sim. Hist. VII. 3.: Свод II. С. 30/31; Феофилакт 1996. С. 182 — 183.

79 Феофилакт и следующий ему Феофан о переправе не говорят ничего. Однако далее Феофилакт упоминает Иливакий (Яломицу) (Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 6.: Свод II. С. 34/35). а значит, дело происходит уже к северу от Дуная. Уитби (The History 1986. P. 183) и С. А. Иванов (Свод II. С. 58 — 59) пришли к логичному выводу, что опущенная Феофилактом переправа че-рез Дунай предшествовала описываемой дальше встрече с болгарами.

80 Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 1-6.: Свод II. С. 32/33.

81 Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 6 — 7.: Свод II. С. 32/33.

82 Теоретически это мог бы быть и Олт (Свод II. С. 59. Прим. 119). Но от Олта невозможен безводный марш к Иливакию (Яломице), о котором Феофилакт рассказывает далее — на пути не мог не попасться Арджеш. Предполагать, что Петр настолько оторвался от Дуная, что оставил Ард-жеш к югу, невероятно. Помимо прочего, это противоречит хронологическим указаниям Феофилакta. Очевидно, Олт был форсирован ранее, и об этом Феофилакт умолчал, как и о пересечении Дуная.

83 Theoph. Sim. Hist. VII. 4:8- 13.: Свод II. С. 32 — 35.

84 Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 1 — 5.: Свод II. С. 34/35.

85 Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 6.: Свод II. С. 34/35. Маврикий, возможно, именно в этой связи предостерегал от доверия проводникам-перебежчикам (Strat. XI. 4: 30.: Свод I. С. 374/375).

86 Вероятно, именно экспедицию Петра имеет в виду Маврикий как источник негативных примеров в «Стратегиконе»: XI. 4: 24, 26, 34, 39.: Свод I. С. 372 — 377.

87 Theoph. Sim. Hist. VII. 5:6- 10.: Свод II. С. 34-37.

88 Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 10.: Свод II. С. 36/37.

89 Византиски извори 1955. С. 137.

90 Maur. Strat. XI. 4: 15 — 26.: Свод I. С. 372 — 375.

91 Maur. Strat. XI. 4: 36.: Свод I. С. 376/377.

92 Maur. Strat. XII. B. 20: I.: Свод I. С. 380/381.

93 Maur. Strat. XI. 4: 33 — 35.: Свод I. С. 374 — 377.

94 Maur. Strat. XI. 4: 32.: Свод I. С. 374/375.

95 Maur. Strat. XL 4: 30 — 31.: Свод I. С. 374/375.

96 Maur. Strat. XI. 4: 15-26.: Свод I. С. 376 — 381.

97 Theoph. Sim. Hist. VII. 7: 1 3.: Свод II. С. 36/37; Свод II. С. 262/263 (Феофан). В описании аварских войн Феофан более самостоятелен от Феофилакта. Он мог пользоваться как общими с ним, так и собственными источниками, где события этих важных для Империи конфликтов описывались подробнее. Вся хронология войны немало обязана свидетельству Феофана о мартовской Пасхе (Свод II. С. 266/267). Таковая отмечена в 598 г. (СводП. С. 304).

98 Theoph. Sim. Hist. VII. 7: 3 — 5.: Свод II. С. 36/37; Свод II. С. 262 — 265 (Феофан).

99 Свод II. С. 264/265 (Феофан).

100 Свод II С. 38, 264/265.

101 Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 10.: Свод II. С. 484/485; о локализации битвы см.: Свод II. С. 494. Прим. 6.

102 Свод II. С. 39, 266/267.

103 Свод II. С. 39, 267.

104 Theoph. Sim. Hist. VII. 15: 12 — 13.: Свод II. С. 38/39.

105 О погибших пленных — главном грехе Маврикия за все его правление — сообщает Феофан Исповедник (Свод II. С. 266 — 269). Феофилакт, пристрастный к императору, предпочитает умолчать. Но и он говорит об увеличении дани на 20 тысяч номисм (VII. 15: 14.: Свод II. С. 38/39). У Феофана 50 тысяч (Свод II. С. 267)

106 Свод II. С. 38 — 39, 268.

107 По Феофилакту, в последнем сражении в плен попало 8000 славян и 9200 представителей других племен — в том числе лишь 3000 авар (VIII. 3: 15.: Свод II. С. 40/41).

108 Об этом есть упоминание в послании Каллинику римскою папы Григория I Великого (IX. 154.: Свод II. С. 35 1). Папа вспоминает о происшедшем и в следующем году, в послании епископу Салонскому Максиму (X. 15.: СводП. С. 351).

109 У Константина Багрянородного (Константин 1991. С. 110/111, 128/129) описываются события, непосредственно предшествовавшие аваро-словенскому вторжению в приморскую Далмацию. Приход словен в окрестности Салоны датируется на основании послания Григория Великого Максиму (Свод II. С. 351) 600 годом. Обе версии, передаваемые Константином, основаны на устной традиции далматинских романцев. По одной (Константин 1991. С. 110/111) «римляне» безнаказанно нападали на аваро-славян «многие годы». Другая версия (Там же. С. 128/129) более внятна и достоверна. Она говорит об однократном набеге и ответе противника на следующий год. В ней авары не рисуются «безоружным» народом, и в целом нарисованная картина лучше соответствует реальной ситуации.

110 Константин не делает различий между славянами и аварами («славянские безоружные племена, которые называются также аварами», «славяне, они же авары» — Константин 1991. С. 111). Во втором отрывке славяне не упомянуты вовсе. Фома Сплитский, пользовавшийся той же далматинской традицией, но на месте, четко отделяет славян («лингонов») от «готов» (Фома 1997. С. 35/240).

111 Константин, опираясь на фольклор, пытается создать впечатление, что ромеи ничего не знали о народе, жившем за рекой (Константин 1991. С. 128/129) или даже о самом его существовании (Там же. С. 110/111). Но в другом месте он сам признает, что стража отправлялась к Саве (у него — к Дунаю) как раз против авар (Константин 1991. С. 128/129).

112 Свод II. С. 39, 268 — 269. О «других варварах», не упоминаемых Феофилактом, сообщил Феофан. Оба называют цифру — 30000 убитых. Это вы-глядит как преувеличение «победы». Едва ли средняя численность жите-лей гепидского или даже гепидо-словенского «селения» превышала 10000 человек, как можно заключить из этого. Разве что на праздник собрались многие тысячи гостей со всего края? Но праздновать так в военное время было бы верхом беспечности.

113 Theoph. Sim. Hist. VIII. 3: 13 — 15.: Свод II. С. 40/41; Свод II. С. 268/269 (Феофан). Анастасий Библиотекарь, латинский переводчик Феофана, оши-бочно говорит всего о 800 славянах (текст греческой «Хронографии» здесь испорчен). То, что это ошибка, подтверждается свидетельством «Библио-теки» патриарха Фотия, также перелагающего Феофилакта (Свод II. С. 307. Прим. 219). Авар было захвачено 3000. Феофилакт и Фотий говорят о 4000 «да еще» 2200 «других варваров». Анастасий здесь точнее, выделяя гепидов. Но, согласно ему, речь должна идти о 3200 гепидах и «2000 варваров». К последним относятся болгары, может быть, лангобарды и др. 114 Theoph. Sim. Hist. VIII. 4.: Свод II. С. 40/41; Свод II. С. 268 — 271 (Фео-фан).

115 Theoph. Sim. Hist. VIII. 4: 9.: Свод II. С. 40/41.

116 Поход Апсиха против антов (Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 13.: Свод II. С. 42/43), захват аварским флотом «острова во Фракии» (Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 20; см. Свод II. С. 494. Прим. 10) — очевидно, дунайской дельты. Эти действия предпринимались в интересах словен, но без их непосредст-венного участия через территорию «Склавинии».

117 Письмо папы Григория Максиму Салонскому (X. 15.: Свод II. С. 351) датируется июлем. О словенах упоминаюсь в письме Максима в Рим, на которое и отвечает Григорий.

118 Константин Багрянородный 1991. С. 110 — 113, 128/129.

119 Константин Багрянородный 1991. С. 112/113, 130/131. Константин явно слил воедино легенды о захвате Салоны и прикрывавшего ее Клиса. Во второй версии легенды Клис не упоминается вообще.

120 Greg. Reg. Epist. X. 15.: Свод II. С. 351.

121 Фома Сплитский 1997. С. 35 — 36, 240.

122 Greg. Reg. Epist. X. 15.: Свод II. С. 351.

123 Свод II. С. 41 (Феофилакт), 270/271 (Феофан).

124 Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 24.: Свод II. С. 484/485. Хронология Павла Диакона чрезвычайно сбивчива, а проверить ее трудно. События могут датироваться и 601, и 602 г. (Свод II. С. 494. Прим. 9). Вероятнее последняя дата- это год открытого нарушения мира между аварами и Империей со-гласно Феофилакту и Феофану.

125 Седов 1995. С. 323.

126 Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 8-11.: Свод II. С. 40 — 43; Свод II. С. 270/271 (Феофан). Текст Феофана здесь опять сильно зависит от Феофилакта, со-держа при этом отдельные искажения источника.

127 Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 12.: Свод II. С. 42/43.

128 Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 13.: Свод II. С. 42/43.

129 Едва ли что-то иное, кроме изрезанной руслами дельты, может быть со-чтено «островом во Фракии» (Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 20). Захват датиру-ется временем вскоре после 600 г. Поставить его в связь с походом Апсиха естественнее всего.

130 Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 1.: Свод II. С. 42/43.

130 Феофан, сократив и невольно исказив текст Феофилакта, пишет: «Хаган отправил Апсиха с полчищами, чтобы он погубил племя антов как союзное ромеям. Когда это случилось, часть варваров перешла к ромеям» (Свод II. С. 270/271). Читая Феофилакта, понимаем, что «случилась» лишь отправка Апсиха, а «часть варваров» мятежные авары. Но поскольку имя антов в источниках не упоминается после 602 г., часть исследователей сочла, буд-то Феофана следует понимать иначе, и Апсих в той или иной степени выполнил свою миссию. Так считают, например, П. Шрайнер (Theophylaktos 1985. S. 357), Л. Вальдмюллер (Waldmiiller L. Die ersten Begegnungen Slawen mit dem Christentum und den christischen Volkern vom VI. bis VIII. Jahrhundert. Amsterdam, 1976. S. 162). Но многие исследователи сомневались в справедливости этого вывода (Нидерле 2001. С. 152 — 153; Avenarius 1974. S. 162). Детальный критический разбор дан в статье Г. Г. Литаврина (пересмотревшего прежнюю точку зрения — Литаврин 2001. С. 203 — 204) «О походе аваров в 602 г. против антов» (Литаврин 2001. С. 568 — 578). Мнение об «уничтожении» антов противоречит археологическому материалу (Седов 1982. С. 28). Хочется, однако, отметить, что несостоявшийся поход Апсиха отнюдь не исключает возможности последующих, возможно, более успешных аварских экспедиций против антов — после 602 г., когда те остались наедине с каганатом.

132 Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 1.: Свод II. С. 42/43.

133 Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 2.: Свод II. С. 42/43. Рассказывает о событиях и Феофан (Свод II. С. 270 — 273).

134 Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 3.: Свод II. С. 42/43.

35 Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 7 — 10.: Свод II. С. 42/43; Свод II. С. 272/273 (Феофан).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1 Седов 2002. С. 359.

2 Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М, 1997. Приложение, № 39.

3 Материал о календарных праздниках славян, связанный с темой, см.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 202 — 296; Календарные обычаи... Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 174 — 244; Этнография восточных славян. М., 1980. С. 380 след.. 452 — 453. Оценку первоначального содержания и исторического развития подобных обрядов, см., например: Календарные обычаи... Исторические корни и развитие обычаев. VI., 1983. С. 122 — 123; там же отсылки к литературе.

4 Обряды вызывания дождя сохранились, прежде всего, у южных славян. См.: Календарные обычаи 1978.

5 ЭССЯ. Вып. 25. С. 93 — 94.

6 ЭССЯ. Вып. 8. С. 191.

7 В русской былине об Алеше Поповиче описывается его поединок с Тугарином Змеевичем (См. варианты и разбор сюжета в кн.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1977). В болгарской песне о Муржо-свирельщике юда требует от Муржо его жизнь в уплату за горное пастбище; они бьются об заклад — сможет ли юда «плясать» дольше, чем Муржо играет (Песни южных славян. М., 1978. С. 46-47).

С. В. Алексеев.

История славян в V — VIII вв.

Т. 1 — Начало славянской истории. V- 1 половина VI в.

История славян в V - VIII веках. Т. 2. Аварика.

Автор: Алексеев С. В.
27.05.2011 10:55

Т. 2 — Аварика. Вторая половина VI — начало VII в.

Т. 3 — Великое расселение. 602 — 679 гг.

Т. 4 — На пороге цивилизации. 679 — 800 гг.

С. В. Алексеев

История славян в V- VIII вв.

Т. 2. Аварика

Вторая половина VI в.

История славян в V - VIII веках. Т. 2. Аварика.

Автор: Алексеев С. В.
27.05.2011 10:55

Утверждено к печати кафедрой истории

Московского Гуманитарного университета

Редактор З. М. Хохоева

Подписано в печать 29.12.2003

Тираж 1000 экз.

Региональная общественная организация

«Историко-просветительское общество»